А. И. АЛЕКСЕЕВ

Как начинался Владивосток

26.891
А 47

Содержание

Слово к читателям 3
Введение 6
Южные гавани 7
Основание постов Новгородского и Владивосток 33
Главные и первые 70
При новом начальнике поста . . 95
Владивосток или Новгородский пост? 134
Ветераны уходят 160
И все-таки Владивосток! . . . 193
Заключение 219

Александр Иванович Алексеев

Как начинался Владивосток

Редактор *А. Ильин*
Художник *Л. Литвишко*
Художественный редактор *С. Черкасов*
Техн. редактор *В. Мошкина*
Корректоры *Л. Кондратюк, Л. Васильченко*

ИБ № 130
Сдано в набор 30.01.85. ВД 12244. Подписано к печати 08.04.85. Формат 70×108/32. Бум. тип. № 2. Усл. печ. л. 10,85 (с вкладкой). Усл. кр.-отт 11,38. Уч.-изд. л. 11,08. Печать высокая. Гарнитура литературная. Тираж 15 000 экз. Цена 40 коп. Заказ 7041. Дальневосточное книжное издательство, 690603. Владивосток, Ленинская, 43. Приморский полиграфический комбинат. 690500, Владивосток, Океанский пр., 69

0503000000
М 142(01)—85 без объявл.

© Дальневосточное книжное издательство 1985

Слово к читателям

Исполнилось 125 лет со дня основания города Владивостока. В наши дни этот крупнейший порт СССР умом, волей и напряженным трудом советских людей превращен в мощный форпост советской державы на Тихом океане. Владивосток — «нашенский город». Так его любовно назвал Владимир Ильич Ленин.

К большому сожалению, о первых годах Владивостока мы знаем сравнительно немного.

Известный советский исследователь, бывший моряк-тихоокеанец, доктор исторических наук А. И. Алексеев подготовил великолепный труд по истории Владивостока, который мы и предлагаем читателям. Название книги «Как начинался Владивосток» отражает авторский замысел лишь частично. Автор создал широкий исторический фон развития дальневосточной окраины России с 40-х годов XIX в. до рубежа XX в.

Основание Владивостока в 1860 г. — завершение великого подвига русских землепроходцев, моряков, ученых, воинов, промышленников и мастеровых, которые осуществили открытие, изучение и хозяйственное освоение сибирских и дальневосточных земель в XVII — первой половине XIX вв. Политическое и социально-экономическое развитие России после отмены крепостного права в империи не могло быть прогрессивным без укрепления позиций страны в Азии, на ее тихоокеанских рубежах. Именно в 60-е и 70-е годы XIX в. был завершен процесс создания единой территории России, формирование ее единого экономического потенциала в виде основ капиталистического хозяйства, единого капиталистического рынка, широких экономических и политических связей с зарубежными государствами Европы и Азии.

Словом, Российская держава в первое десятилетие развития Владивостока на западе прочно закрепилась

на Балтике, а на востоке — в Японском море, где быстро формировалось многонациональное население во главе с замечательными представителями великого русского народа. Вот об этих событиях и идет речь в книге «Как начинался Владивосток». Владивосток — административный и промышленный центр, Владивосток — морской порт, город-крепость, город-часовой!

Русские люди во второй половине XIX в. осуществили изучение Тихоокеанского побережья России. Именно они в то время произвели описание рек и горных хребтов, заливов и морских бухт, островов и природных зон величайшего континента от Байкала до Японского моря, от реки Тюмень-Улы, отделяющей Россию от Кореи, до Чукотки и Колымской зоны Северо-Восточной Азии.

*В книге дан подробный рассказ о создании Сибирской военной флотилии, о строительстве Владивостокского порта и многих населенных пунктов Приморского побережья — Новгородской гавани и поста Св. Ольги, Николаевска-на-Амуре и Императорской (ныне Советской. — **А. К.**) гавани, Де-Кастри и Владимира. В 60-е годы XIX в. русские люди основали села, казачьи станицы и хутора по правому берегу реки Уссури и левому берегу Амура на территории Амурской области, во многих местах Уссурийского края, как называли в прошлом веке зону современного Приморского края.*

Широко известно, что К. Маркс и Ф. Энгельс очень внимательно изучали военно-политическую обстановку на Дальнем Востоке, в Юго-Восточной Азии, в Индии и Японии. Они неоднократно отмечали прогрессивную роль России на Дальнем Востоке, отмечали большие усилия русских людей в хозяйственном освоении низовьев Амура, Сахалина и Курильских островов, южного Приморья, где главным пунктом империи стал Владивосток.

В книге А. И. Алексеева приведены имена многих выдающихся деятелей России, которые во второй половине XIX в. работали на Дальнем Востоке, в Забайкалье, Якутии и Иркутске. Нам, советским людям, необходимо помнить этих людей, знать их подвиги во имя торжества России, укрепления ее военного и экономического могущества, во имя мирных отношений с народами зарубежных государств Азиатского континента — Китая, Монголии, Кореи, Японии, стран Тихоокеанского бассейна. Патриотические традиции народов СССР, возникшие в прошлом столетии, мы бережно храним и развиваем в условиях совершенствования зрелого социалистического общества в нашей стране.

Читатель найдет в предлагаемой книге сведения о выдающихся государственных деятелях России XIX в. — Н. Н. Муравьеве-Амурском, Г. И. Невельском, Е. В. Путятине и П. В. Казакевиче; ученых Российской академии наук — Р. К. Мааке и Л. И. Шренке; офицерах М. И. Венюкове, Н. К. Бошняке, Н. В. Буссе, В. М. Бабкине; военном топографе полковнике К. Ф. Будогосском и многих других замечательных дальневосточниках.

Материалы книги А. И. Алексеева могут быть использованы всеми, кто дорожит прошлым нашего отечества, кто желает знать правду о том, как происходило освоение южного Приморья, как Владивосток стал главным пунктом на Тихоокеанском побережье России. Автор приводит документы о прошлом Дальнего Востока СССР и тем самым опровергает зарубежных фальсификаторов истории.

Читая книгу А. И. Алексеева «Как начинался Владивосток», мы еще и еще раз убеждаемся в том, что Дальний Восток СССР был, есть и всегда будет мощным форпостом нашей великой Родины на Тихом океане.

А. И. КРУШАНОВ.

Введение

Дальний Восток немыслим без Владивостока. И вполне естественно, что, занимаясь долгие годы историей Дальнего Востока, преимущественно историей его исследования, я не мог пройти мимо истории города-порта.

Н. Муравьев-Амурский, П. Казакевич, Г. Невельской, Е. Путятин и многие другие славные деятели причастны к основанию Владивостока. Русские исследователи нанесли на карту береговую черту залива Петра Великого, исследовали многочисленные бухты, заливы и гавани Приморья 50-х и начала 60-х годов XIX столетия.

Казалось бы, не так давно все это происходило и не так трудно собрать и обобщить сохранившиеся материалы. Так думал я. В действительности все оказалось сложнее. Разбросанные по разным архивам и по разным городам документы находились в тысячах дел, потомки героев тех событий проживали по всей нашей необъятной стране, а некоторые оказались и в других странах — так что поиск оказался совсем не простым и скорым.

Значительно облегчило мне работу над книгой то обстоятельство, что истории Дальнего Востока посвятили свои исследования многие путешественники, мореплаватели. Немало ценных сведений я нашел в периодической печати того времени, особенно в журнале «Морской сборник», в газетах «Амур» и «Восточное обозрение».

Особо хочу отметить вклад владивостокских историков в разработку истории Дальнего Востока. Было издано много книг, статей, сборников документов. Предлагаемая вниманию читателей книга — не художественное произведение, в ней нет вымысла. Все, что написано в книге, — правда, подкрепленная источниками.

Южные гавани

Во Владивостоке, на берегу бухты Золотой Рог, возвышается памятник Г. И. Невельскому. А между тем Невельской никогда не бывал здесь. Во Владивостоке стоит не только один из семи памятников отважному мореплавателю на Дальнем Востоке (а всего в нашей стране Невельскому поставлено девять памятников), а самый первый памятник Геннадию Ивановичу.

Почему же первый памятник Невельскому воздвигли именно во Владивостоке, в котором он никогда не бывал, а не в Николаевске-на-Амуре, который им был основан за десять лет до возникновения поста Владивосток? Справедливости ради отметим, что Николаевск не остался неблагодарным: в 1914 и в 1950 годах там созданы два памятника — обелиск и скульптура на местах, где впервые был поднят русский флаг в Приамурье, и на высоком берегу, где стал строиться будущий город. Ну, а первый памятник встал все-таки во Владивостоке. На его гранях выбиты имена славных участников Амурской экспедиции, начальником которой был Г. И. Невельской.

Чтобы понять, почему так произошло, необходимо кратко рассказать об истории открытия Приамурья, Приморья и Сахалина. Сначала несколько памятных дат. В 1639 году отряд казаков под руководством И. Ю. Москвитина впервые вышел к Охотскому морю в районе устья реки Ульи. В 1648 году С. Дежнев обогнул Чукотку и вышел в Тихий океан. В 1643—1645 годах В. Д. Поярков во главе отряда землепроходцев впервые совершил путешествие, которое стало историческим. Выйдя из Якутска по Лене, а затем по горам и рекам он дошел до Амура, по которому спустился до лимана. Отправившись отсюда, Поярков достиг Охотского моря, по которому с невероятными трудностями прошел до устья Ульи, и по ней, через горы, а также по рекам Мае, Алдану и Лене возвратился в Якутск, где его уже считали погибшим. Во время плавания по лиману Амура поярковцы неоднократно бывали у берегов Сахалина. Через несколько лет, в 1649 году в свой первый поход на Амур отправился отважный Ерофей Павлович Хабаров.

С этого времени русские люди твердо обосновались на левом берегу Амура, распахали пашни, основали селения, среди которых выделялся центр русской жизни на Амуре — Албазин. С местными жителями, племенами и народностями, не имевшими государственных образований, у русских установились добрососедские отношения. К концу 70-х и в начале 80-х годов XVII столетия русское землепашество окрепло до такой степени, что Албазинское воеводство снабжало хлебом не только Нерчинский уезд, но и некоторые другие районы южной Сибири. В то время территория современного Приамурья и Приморья оставалась ничейной.

К концу XVIII в. многие открытия землепроходцев были забыты. Мореплаватели Ж. Ф. Лаперуз, У. Р. Браутон и И. Ф. Крузенштерн не нашли пролива между Сахалином и материком. Ввиду этого сначала на иностранных картах, а затем и на русских Сахалин стал наноситься полуостровом, а вход в устье Амура преграждал лиман, плавание по которому морских судов представлялось невозможным. И это несмотря на то, что не только на старых русских картах-чертежах Сахалин показывался островом, но существование пролива доказывалось и одиночными плаваниями русских беглых крестьян, о которых сохранились «отписки».

Постепенно интерес к так называемым «ничейным территориям» возобновился. Международная обстановка на Дальнем Востоке в первой половине XIX в. обострилась. Особенно это стало заметно в годы, предшествовавшие Крымской войне, и достигло своей кульминации в ходе этой войны. Русское правительство не могло равнодушно смотреть, как англичане, французы и американцы хозяйничают в Китае и дальневосточных водах. Естественно, что русские люди не могли оставаться сторонними наблюдателями, ожидающими со стороны Англии, Франции и США агрессивных действий. И со стороны России принимались меры к тому, чтобы не допустить вмешательства третьей державы в мирные русско-китайские отношения. По инициативе директора Российско-Американской компании адмирала Ф. П. Врангеля была снаряжена русская экспедиция для исследования лимана Амура: надо было выяснить, является ли Сахалин островом или он — полуостров и, следовательно, возможен ли вход в устье Амура с севера, со стороны Охотского моря, и с юга — со стороны Японского моря.

Для целей экспедиции был снаряжен бриг «Константин» под командованием поручика корпуса флотских штурманов А. М. Гаврилова (1818—1848). К сожалению, инструкция для Гаврилова от министерства иностранных дел России была сформулирована таким образом, что значительно затрудняла его действия: Гаврилову, с одной стороны, вручалась судьба амурского

вопроса, поручалось решить его, а с другой — действия его были крайне ограничены. Были оговорены сроки пребывания корабля в лимане независимо от того, благоприятна погода или нет, ему было приказано ни под каким видом не показывать, что бриг «Константин» — русское судно.

Не использовав всех возможностей, бриг «Константин» возвратился в Новоархангельск — главный порт Российско-Американской компании в Русской Америке. Известно, что Гаврилову удалось войти в лиман Амура с севера, был он и в устье Амура, но исследовать южную часть лимана Амура не успел, так как кончался срок его экспедиции и следовало возвращаться. На основании его донесения и представленной карты исследований Ф. П. Врангель доложил канцлеру К. В. Нессельроде, а тот царю о «несудоходности» лимана Амура и «полуостровном» положении Сахалина, подтвердив тем самым ошибочные сведения И. Ф. Крузенштерна. Казалось, что амурский вопрос разрешен, и разрешен в нежелательном для России направлении.

В то время на дальневосточной сцене появился Г. И. Невельской. Тщательно изучив историю «Амурского вопроса», молодой офицер Г. И. Невельской пришел к выводу, что огромный Амур не может теряться в песках, что вход в него существует не только с севера, но и с юга и что, следовательно, Сахалин является островом. Отклонив престижное назначение командиром фрегата, он попросился на транспорт «Байкал», отправляющийся в дальневосточные воды. Выйдя 21 августа 1848 года из Кронштадта, «Байкал» уже 12 мая стал на якорь в Петропавловской гавани Камчатки.

В Петропавловске обещанной царской инструкции об изучении лимана не оказалось. Несмотря на отсутствие инструкции, Невельской взял на себя всю ответственность и 2 июня 1849 года вышел из Петропавловска к восточному берегу Сахалина.

Произведя опись северной части Сахалина и став на якорь в Сахалинском заливе, Невельской продолжил исследовательские работы в лимане на шлюпках. Ему удалось найти фарватер, ведущий в устье Амура (ныне фарватер Невельского), подняться по реке до места нынешнего Николаевска, затем снова выйти в лиман. Затем Невельской направился на юг и там вместо «увиденного» когда-то его предшественниками Лаперузом, Браутоном и Крузенштерном перешейка нашел глубокий пролив, по которому в лиман из Японского моря вполне могли входить морские суда. Таким образом, Сахалин, как и говорилось в известиях русских людей, был островом.

Офицеры транспорта «Байкал» под руководством старшего офицера П. В. Казакевича еще до плавания Г. И. Невельского к югу описали северную часть лимана, а с прибытием командира продолжили опись юго-западного побережья Охотского моря. И теперь, готовясь к возвращению в Охотск, Невельской с радостью мог доложить и показать готовые карты — свидетельства своих важных открытий. От встреченного в Сахалинском заливе Д. И. Орлова, посланного В. С. Завойко для осмотра побережья и для налаживания торговли с местными жителями, Невельской узнал, что Н. Н. Муравьев, предпринимавший путешествие по Дальнему Востоку, возвратившись с Камчатки, может находиться в Аяне.

1 сентября «Байкал» прибыл в Аян. Навстречу ему на катере устремился Н. Н. Муравьев. Еще с палубы корабля Невельской доложил губернатору о сделанных открытиях, а затем долго и возбужденно рассказывал о плавании, показывал карты и вахтенные журналы, наглядно доказывающие, что устоявшимся заблуждениям положен конец.

Из Аяна об открытиях Невельского было послано обстоятельное донесение А. С. Меншикову, начальнику

Главного морского штаба, а сам Невельской поспешил в Охотск, где сдал «Байкал» портовому начальству и отправился с офицерами транспорта в Петербург.

Оставляя в стороне нападки на Г. И. Невельского в Петербурге (вспомнили, что совершил ослушание — вышел в плавание без высочайшего на то соизволения), скажем, что ему удалось убедить государственных деятелей в правдивости совершенных открытий. В результате переговоров была образована Амурская экспедиция во главе с капитаном 1 ранга Г. И. Невельским.

Амурская экспедиция, действовавшая с 1850 по 1855 год, была сформирована в Охотске из матросов Охотской флотилии и казаков Якутского и Иркутского полков. В ее работе принимали участие офицеры Н. К. Бошняк, Д. И. Орлов, Н. М. Чихачев, Г. Д. Разградский, Н. В. Буссе, а также служащие Российско-Американской компании.

В разное время в ней служили офицеры В. А. Римский-Корсаков, Н. И. Шарыпов, А. П. Семенов, Г. М. Чудинов. В Амурской экспедиции находилась супруга Геннадия Ивановича Е. И. Невельская.

В результате исследований, произведенных в лимане и устье Амура во время плавания «Байкала» в 1849 году, было опровергнуто ошибочное мнение о полуостровном положении Сахалина и доказано, что Амур доступен для морских судов. В ходе последующих исследований участниками Амурской экспедиции, связанных с плаванием по этой реке шхуны «Восток», транспорта «Байкал», а также судов, находившихся в составе эскадр Е. В. Путятина и В. С. Завойко, а также первого сплава, проведенного Н. Н. Муравьевым и П. В. Казакевичем в 1854 году, было установлено, что Амур судоходен на всем протяжении, что вход в него возможен для морских судов как с севера, так и с юга.

Благодаря деятельности Амурской экспедиции был детально исследован бассейн нижнего Амура, произведена топографическая съемка этой местности, составлена карта Амура. Были собраны ценные сведения о населении, флоре и фауне Приамурья и Приморья, об их внутренних и водных путях и сухопутных маршрутах. Оставляя на зимовку в Императорской (ныне Советской) гавани Н. К. Бошняка в 1853 году, Г. И. Невельской предписал ему «сейчас же по вскрытии гавани отправиться на нем (транспорте «Иртыш») — вдоль берега к югу и достигнуть той широты (около 46°), где, по словам местного населения, следует предполагать устье реки Самарги, оставить (там. — **А. А.**) транспорт, приказав капитану следовать к Муравьевскому посту (на Сахалине, в заливе Анива. — **А. А.**), взять байдарку, шлюпку и с ними восемь человек команды и на этих судах произвести исследование берега к югу, рассчитывая время так, чтобы около 25 мая возвратиться в Императорскую гавань.

Если при устье реки Самарги окажется действительно закрытая бухта, как говорили мангуны, и если по реке действительно можно наладить удобное сообщение этой бухты с Уссури или Амуром, то поставить в ней пост из трех человек с поднятием военного флага. На этом посту оставить байдарку. Иметь в виду, что я на транспорте «Байкал», который должен прибыть с Камчатки в Де-Кастри (теперь залив Чихачева. — **А. А.**) около 20 мая, зайду в Императорскую гавань и, в зависимости от сведений, какие соберет этот пост, буду ставить по берегу посты до корейской границы»[1].

Следует сказать, что к 1856 году Невельской основал посты Николаевск-на-Амуре, Императорскую Гавань, Мариинск, Корсаков, Ильинское и поселок Де-Кастри. Кроме того, им был основан первый русский населенный пункт в Приамурье, в устье Амура — зи-

[1] Невельской Г. И. Подвиги русских морских офицеров на крайнем востоке России. Хабаровск, 1969, с. 257.

мовье Петровское, сыгравшее важную роль в истории Амурской экспедиции. Были обнаружены неточности на картах, составленных предшественниками-мореплавателями. Участники экспедиции впервые правильно нанесли на карты материковый берег Татарского пролива.

В ходе исследований на Сахалине были открыты месторождения каменного угля, описано побережье острова, составлена карта южной и средней его частей, произведена перепись населения острова, исследованы его водные и сухопутные пути и проведены первые метеорологические наблюдения. Важными оказались и данные о гидрологическом режиме Амура.

Амурская экспедиция подготовила условия для дальнейшего расширения сферы географических исследований. Если Л. И. Шренк, Р. К. Маак исследовали преимущественно Амур и частично Сахалин, то Г. И. Радде, К. И. Максимович, М. И. Венюков и Н. М. Пржевальский перенесли свои путешествия в бассейн реки Уссури, в Уссурийский край. В результате экспедиции Ф. Б. Шмидта, а затем И. А. Лопатина был обстоятельно описан Сахалин. Морская экспедиция В. М. Бабкина в короткий срок описала и нанесла на карту все побережье Татарского пролива и Приморья — от Владивостока до лимана Амура.

Но Амурская экспедиция не только внесла огромный вклад в географическое изучение Дальнего Востока, она, разрешив амурский вопрос чисто географически, вместе с тем решилась «занять постами на реке Амуре селение Кизи, залив Де-Кастри и Императорскую гавань и от имени русского правительства объявлять всем появлявшимся у этих берегов иностранным судам, что прибрежья Татарского пролива до корейской границы с островом Сахалин составляют российские владения»[2]. Невельской и его сподвижники своими героическими

[2] Невельской Г. И. Указ. соч., с. 383.

действиями создали, по выражению Н. Н. Муравьева, «основание, на котором воздвигнуто настоящее здание»[3], они в значительной мере помогли и политически решить амурский вопрос. Вот поэтому бронзовый Г. И. Невельской и встал впервые во Владивостоке, в одной из лучших южных гаваней, куда он сам так стремился.

Амурская экспедиция завершила свою деятельность в конце 1855 года. А в последующие годы исследовательские работы не только не уменьшились, но и значительно расширились. Одновременно с Амурской экспедицией велись маршрутные съемки экспедиции Н. Х. Ахте, в составе которой были астрономы, горные инженеры, топографы. Районом их работ было левобережье Амура от устья реки Горбицы до Удского острога на севере и до устья реки Зеи на востоке.

В 1854—1856 годах Л. И. Шренк и К. И. Максимович выполнили большую работу по естественно-историческому изучению Приамурского края и Сахалина. В 1855 году состоялась экспедиция Р. К. Маака по Амуру, предпринятая по решению Сибирского отдела Русского географического общества. Она явилась продолжением серии натуралистических путешествий (Г. И. Радде, К. И. Максимович), осуществлявшихся после открытия плавания по Амуру. В 1855—1856 годах по инициативе Сибирского отдела Русского географического общества была снаряжена экспедиция под руководством астронома Л. Е. Шварца для исследования западной части Забайкалья и восточной части Иркутской губернии.

16(29) мая 1858 года осуществлено первое разграничение между Россией и Китаем.

В 1858 году М. И. Венюков получил задание исследовать путь, ведущий от реки Уссури к только что открытым заливам Ольги и Владимира на побережье Та-

[3] Невельской Г. И. Указ. соч., с. 376.

тарского пролива. Отправляя его в путь, генерал-губернатор Н. Н. Муравьев 31 мая 1858 года дал Венюкову предписание: «По получении сего Ваше благородие имеете отправиться немедленно с командою из двенадцати казаков при одном офицере вверх по реке Уссури и далее до гавани Св. Владимира. При этом я предписываю Вам: 1. Исследовать и снять на план всю длину правого берега Уссури и путь от ее вершины к бухте Св. Владимира, равно как и окрестности этой бухты, принимая к руководству при Ваших работах все правила, существующие для рекогносцировок, производимых чинами Генерального штаба, и собирая сведения не только о местности, непосредственно подлежащей Вашему обозрению, но и о всей окрестной стране.

2. С особенным вниманием осмотреть и подробно описать места, удобныя для заселения на всем протяжении Вашего пути, как на правом берегу р. Уссури, так и в направлении к заливу Св. Владимира...»

Венюков блестяще исполнил предписание Муравьева. С ничтожными средствами в сопровождении двенадцати казаков, офицера-переводчика и денщика молодой офицер на двух лодках отправился 1 июня в плавание из Уссурийского поста по реке Уссури и шел далее по рекам Нарзановке и Павловке, откуда собрался идти на перевал через Сихотэ-Алинь. Это было устье реки Нынту, или Нотто, слияние которой с рекой Даубихе и образует реку Уссури. Любопытно, что, как доносил Венюков, «более половины течения Уссури я прошел не встречая надобности в вожатых и довольствуясь расспросами у местных жителей». Венюков вел съемку местности и ее описание.

Далее путь шел на перевал, что и привело М. И. Венюкова 18 июля к цели. «Этот день был очень радостным для нас как потому, что мы видели себя у давно желаемых берегов моря и почти у цели своих странствований, так и потому, что, наконец, впервые с самого

отбытия из Уссурийского поста мы не подвергались промоканию от дождя», — записал Венюков. Он распорядился «поставить на небольшом холме крест и сделать на нем надпись, объясняющую, что я был в этом краю 18 июля 1858 года» [4].

Первое путешествие через хребет Сихотэ-Алинь имело большое значение для изучения края. Было доказано, что бассейн реки Уссури располагается весьма близко к побережью Японского моря. Венюков нашел этот путь. Он дал первое описание природы внутренних районов Уссурийского края между бассейном Уссури и морским берегом. Позже В. К. Арсеньев отмечал: «Честь сделать первое пересечение через Сихотэ-Алинь принадлежит М. И. Венюкову» [5].

Результатами экспедиции было «Обозрение реки Уссури и земель к востоку от нее до моря», по поводу которой вице-президент Русского географического общества П. П. Семенов-Тян-Шанский писал: «Результатом этого первого русского путешествия вдоль всего течения Уссури была съемка реки и множество расспросных сведений о притоках реки, талантливо сгруппированных и изложенных путешественником в его интересной статье «Обозрение р. Уссури» [6].

Став достоянием Муравьева, а затем и правительства России, результаты исследований Венюкова помогли разработать дальнейший план изучения Уссурийского края и побережья Японского моря. В 1859 году в Уссурийском крае работали экспедиции К. Ф. Будогосского, К. И. Максимовича, Р. К. Маака и Ф. Б. Шмидта. Мы расскажем подробно лишь о первой.

---

[4] Венюков М. И. Путешествие по Приамурью, Китаю и Японии. Хабаровск, 1970, с. 120—121.

[5] Там же, с. 15.

[6] Семенов-Тян-Шанский П. П. История полувековой деятельности Имп. Русского географич. общества (1845—1895). Ч. 1. Спб, 1896, с. 205—206.

11 июля 1858 года Н. Н. Муравьев-Амурский в рапорте великому князю Константину написал слова, которые стали основой политики его на Дальнем Востоке: «Смею думать, что после Айгунского договора мы не только имеем право, но и обязаны отстранять все иностранные притязания на земли общих или неразграниченных владений наших с Китаем и Японией»[7]. Не допустить вмешательства английских, французских и американских предпринимателей в вопросы, которые подлежали юрисдикции только лишь России, Китая и Японии, — вот суть этого заявления, которое удостоилось, как раньше писали, собственноручной резолюции царя: «Справедливо».

В 1858—1859 годах Н. Н. Муравьев-Амурский возглавил морскую экспедицию вдоль побережья Уссурийского края. Штаб губернатора находился на пароходе «Америка». Экипаж «Америки» составили: командир — капитан-лейтенант А. А. Болтин, старший офицер — лейтенант П. Л. Овсянкин, вахтенный начальник и ревизор — мичман Н. Ф. Бенкович, старший штурманский офицер — офицер Я. Т. Астафьев и другие офицеры, 31 матрос, вспомогательный персонал[8].

События развивались так. Пароход-корвет «Америка», транспорт «Японец», корветы «Воевода», «Боярин» и «Новик», клиперы «Стрелок» и «Пластун» к началу июня 1859 года сосредоточились в заливе Чихачева (Де-Кастри). 3 июня в гавань из Николаевска-на-Амуре прибыл транспорт «Маньчжур», на борту которого находился Н. Н. Муравьев-Амурский. Он перешел на «Америку».

5 июня губернатор отправил корвет «Новик» в южные гавани. Командиру его было «приказано ожидать

[7] Барсуков И. П. Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский. Кн. 2. М., 1891, с. 182.

[8] Шханечный журнал парохода-корвета «Америка» за 1859 год. ЦГАВМФ, ф. 870, оп. 1, д. 8210, лл. 6—8.

экспедицию при устье р. Суйфун и послать шлюпку вверх по реке»[9]. Муравьев назначил сборным пунктом порт Хакодате, куда все и пришли к 15 июня. Там их ожидал клипер «Джигит», находившийся в распоряжении консула О. Гошкевича. В этот же день «Америка», «Маньчжур», «Японец» и «Воевода» отправились в южные гавани и вскоре встретились с корветом «Новик» у выхода из Босфора Восточного. Командир доложил, что он послал шлюпку вверх по реке (Суйфуну. — **Ред.**), но она еще не возвратилась. Оставалось ждать известий от Будогосского, ждать подхода остальных кораблей. Но уже через несколько часов на корвет прибыл топограф с донесением от Будогосского, в котором он извещал, что к 15 июня выйдет на берег залива Посьета, куда и просил прислать за ним судно[10].

В штурманском журнале парохода «Америка» есть запись от 18 июня 1859 года. Вот она: «В 2 часа вошли в пролив Гамелена (Босфор Восточный. — **А. А.**) и пошли по его изгибам. В 3 часа при выходе из Гамеленова пролива встретили шлюпку с корвета «Новик», отыскивающих партию топографов, взяли ее на буксир и пошли в залив Герен (залив Амурский. — **А. А.**)»[11].

Сопоставив эту запись с другими высказываниями Н. Н. Муравьева-Амурского, невольно думаешь о том, что он лишь бегло ознакомился с бухтой Золотой Рог, где спустя год был основан пост Владивосток. В тот день Муравьев-Амурский приказал командиру корвета оставаться на месте, дождаться всех кораблей и командирам их передавать приказ следовать в залив Посьета. Губернатор на пароходе «Америка» отправился в залив. Было раннее утро 19 июня, стоял густой туман. И как только он рассеялся, снялись с якоря.

[9] Романов Д. И. С Русского берега. «Морской Сборник». Спб, 1862, № 11, неоф. отдел, с. 87.

[10] Романов Д. И. Указ. соч., с. 88.

[11] ЦГАВМФ, ф. 870, оп. 1, д. 8210, л. 41.

В 3 часа дня корабли прошли мыс Гамова, но на рейде Паллада туман снова сгустился. Около 7 часов вечера, «пройдя между камнем и утесистым мысом кошки, вошли во внутреннюю бухту... В начале 8 часа сделали два пушечных выстрела, чтобы дать знать береговой экспедиции о нашем приезде» [12]. Таким образом, первым русским судном, ставшим на якорь в заливе Посьета, в его внутренней гавани, стал корвет «Америка».

К борту корабля подъехали два местных жителя, которые сказали, что наша экспедиция три дня назад пришла на северный берег большой бухты, то есть бухты Экспедиции. А рано утром 20 июня берега бухты огласили звуки салюта — это корвет «Воевода» салютовал флагу генерал-губернатора Восточной Сибири Н. Н. Муравьева-Амурского. С ним вместе пошли в бухту Экспедиции. В 7 утра дали еще два пушечных выстрела, внимательно всматривались в берега обширной бухты. «Вглядевшись пристально, мы действительно увидели вдали на зеленом холме несколько белых точек, на которые и направились в своих шлюпках. Бухта Экспедиции в этом месте очень широка, и потому мы гребли более часа, пока наконец явственно заметили три или четыре палатки, людей, флаг, развевающийся на высоком месте» [13].

В вахтенном журнале по этому поводу записано: «Сего числа (т. е. 20 июня в 12 часов дня. — **А. А.**) поступили на пароход Генерального штаба подполковник Бадаговский (Будогосский. — **А. А.**), межевой инженер поручик Бусольцев (Усольцев. — **А. А.**) и переводчик манджурского языка чиновник Шишмарев, корпуса топографов унтер-офицеров 2 и 3 линейного батальона ряд-

[12] ЦГАВМФ, ф. 870, оп. 1, д. 8210, л. 43.
[13] Романов Д. И. Указ. соч., с. 93.

довых» [14]. А встретили их и доставили на корабль архимандрит Аввакум, знавший местные языки, и Д. И. Романов. Они же первыми услышали рассказ о трудных делах экспедиции К. Ф. Будогосского, который был затем во всех подробностях и с приложением карт и описаний повторен на «Америке» генерал-губернатору.

Вот этот рассказ. В составе экспедиции находились астроном А. Ф. Усольцев, офицер Генерального штаба штабс-капитан, астроном П. А. Гамов, хорунжий Даржитаров, хорунжий Васильев, художник-академик Е. Е. Мейер, переводчик Я. П. Шишмарев, 13 топографов и нижние чины. От Сибирского отделения Русского географического общества к экспедиции были прикомандированы Р. К. Маак и А. Д. Брылкин. Впрочем экспедиция Маака считалась самостоятельной, хотя и действовала одновременно и часто вместе с Уссурийской экспедицией.

Основной состав Уссурийской экспедиции выехал из Иркутска 15 января 1859 года, и в конце марта все участники, кроме партии топографов капитана Ельца, собрались в Хабаровке. Один из активных участников экспедиции известный исследователь Сибири А. Ф. Усольцев оставил интересное воспоминание о Хабаровке, которое нам раньше не приходилось встречать: «Хабаровка в то время только что успела отстроиться, как говорится, на скорую руку... Хабаровка — едва ли не одно из самых красивых мест на всем Амуре. Она построена на высокой горе живописного берега Амура. Здания баталиона с красными крышами, живописно расположенные амфитеатром, виднеются версты за две. И каких неимоверных усилий стоило врубиться в это место, глухо заросшее грецким орешником, дубом, кленом, ясенем, фруктовыми деревьями, из которых многие перевиты тонкими лозами винограда, а промежутки за-

[14] ЦГАВМФ, ф. 870, оп. 1, д. 8210, л. 44.

громождены шиповником и вьющимися кустарничными растениями...» [15].

5 апреля по Амуру прошел лед. Несмотря на это, решили по льду подтащить лодки с основным отрядом к кромке льда и 6-го вышли из Хабаровки на юг. К устью пришли в станицу Казакевичева, где были радушно приняты. В ту пору на Уссури существовало совсем немного поселений (Казакевичева, Корсакова, Киселева, Невельского и Дьяченкова), каждое из которых состояло из нескольких домов.

Окончательно отправились в путь 11 апреля. Казаки и солдаты тащили лодки бечевой. Экспедиция двигалась на юг по территории Уссурийского края. Произведенные измерения глубин показали, что Уссури река глубокая. А при большой ширине, доходящей в средней части реки до 600 саженей, по ней могли ходить пароходы.

27 апреля подошли к устью реки Сунгачи. Эта река не широкая, извилистая; вода в ней мутная. В первый день мая у путешественников произошла неожиданная встреча: вдруг на правом берегу (хорошо что бечева шла по левому) показался черный медведь, он «приподнялся на задние лапы и, по-видимому, с большим вниманием стал рассматривать нашу флотилию. Появление его замечательно тем, что в этом месте ни леса, ни рощи видно не было. Когда люди, бывшие на лодках, засуетились, чтобы угостить любопытного зверя, он заметил дурные против себя намерения и скрылся в высокой прошлогодней траве» [16].

На третий день мая экспедиция вышла к озеру Ханка. Оно показалось путешественникам бурным. Впрочем, по отзывам местных жителей, они «редко видят

[15] Усольцев А. Ф. Заханкайский край Приморской обл. Восточной Сибири. «Морской Сборник», 1864, № 6, неоф. отдел, с. 181.

[16] Газ. «Амур», Иркутск, 1860, № 1, с. 13.

здесь это озеро спокойным; оно вечно волнуется, не уступит Байкалу в бурное время, так что плавать на нем можно только на больших лодках и в близком расстоянии от берегов» [17]. Озеро лежит на равнине — отсюда и простор и ветру и волне. А лодки плоскодонные, на которых далеко не уйдешь. И с неимоверными усилиями удалось участникам экспедиции пройти вдоль самого берега около 80 верст, до устья небольшой речки, названной рекой Тур.

Тут основали первый пост, который назвали Турьим Рогом.

Пост построили на северо-западном берегу озера. Пока шло строительство поста, Будогосский распорядился описать озеро, что и было исполнено на основе двух определенных астрономических пунктов: при выходе реки Сунгачи и пост Турий Рог. Окончив опись и подняв русский флаг над постом, в котором оставалась дежурная команда, экспедиция 12 мая продолжила свой путь к заливу Посьета.

Сначала пошли вверх по реке Тур, а пройдя ее верховье, попали на местность, по которой среди густых зарослей ясеня, тополя, осины и тальника, всего в 23 верстах от озера Ханка, вышли на реку Мурень. «Куда ни взглянешь, всюду благодатные, привольные места; так и кажется, здесь поместятся миллионы людей; возделают эти раздольные степи и поставят они хлеба и сена на целый мир.

Но когда еще это сбудется» [18].

Дорога шла на перевал через Сихотэ-Алинь. До сих пор она была весьма удовлетворительной. Даже две телеги, на которых лошади тащили основное снаряжение экспедиции, не задерживали, «и с ними легко поднялись мы на самый хребет, казавшийся высоким с боль-

[17] Газ. «Амур», 1860, № 1, с. 13.

[18] Там же.

шими нагроможденными сопками, но, в сущности, это были почти обнаженные, пологие горки с луговыми увалами» [19].

Буквально через несколько верст пути все изменилось. Экспедиция вышла к реке Суйфуну. Река здесь так быстра и извилиста, что переправиться на плоту через нее не удалось. Пришлось выдалбливать лодку и на ней перебираться на противоположный берег. Вскоре путешественники вступили в горы и в девственные леса Уссурийского края.

Леса эти огромны и разнообразны. Отряд пробивал себе дорогу топорами и шел не более трех-четырех верст в день. «Но несмотря на глухую чащу, воздух от множества разнообразных лиственных дерев и могучей травяной растительности был свеж и полон благоухания; только там, где густо засел высокий папоротник, было душно. Переходя степь, и здесь в лесу мы видели много свежих следов тигра, медведя и других лесных жителей, а раз как-то в виду нашем прогуливалась тигрица с детенышами» [20].

Не имея ни времени, ни сил продолжать борьбу с девственной природой, К. Ф. Будогосский повернул отряд к морю, вдоль берега которого он рассчитывал успеть попасть в бухту Посьета к условленному сроку, то есть к 15 июня. Об этом он и извещал в записке генерал-губернатора, с которой направил топографа к устью реки Суйфуна. Основной же состав экспедиции вскоре вышел на берег Японского моря, которое встретило путешественников сплошным туманом. Они оказались в районе залива Славянского. Отсюда внутренними путями, придерживаясь генерального направления вдоль берега моря, экспедиция вышла на реку, ведущую к западной бухте залива Посьета. Это была бухта Экспедиции. 14 июня путешественники остановились на высоком открытом месте, откуда был виден выход с моря в залив, разбили лагерь и на следующий день подняли русский государственный флаг. Будогосский в точно назначенное время появился в условленном месте. Оставалось дождаться прихода кораблей с генерал-губернатором.

Все шесть дней ожидания шли непрерывные дожди, кончались продукты, питались преимущественно тем, что удавалось купить у местных жителей. Впрочем трудности не помешали участникам экспедиции подготовить не только карты пройденного маршрута и описание перехода, но и произвести еще съемку маршрута по направлению к устью реки Тюмень-Улы.

На шестой день к вечеру услышали пушечные выстрелы и в густом тумане различили «Америку», входившую в Новгородскую гавань. Путешественники в ответ долго наигрывали на рожке, бодрствовали всю ночь. А рано утром увидели другое судно — корвет «Воевода» и услышали выстрелы с него. Потом заметили, что корвет повернул назад к выходу, и все были страшно этим удручены. Возникала мысль о том, что это были не русские корабли.

Но часа через три из тумана показалась шлюпка под русским военно-морским флагом, которая вскоре была у лагеря. «Разменявшись приветствиями и успокоившись от натиска первых приятных ощущений, мы немного подзакусили, выпили и отправились на пароход, на котором граф весьма любезно встретил нас. В тот же день команде была доставлена провизия. Всю ночь солдатики провели за кипящими котлами гороха, щей и каши: они вполне вознаграждали себя за претерпенный ими продолжительный пост» [21].

На следующий день экспедиция снялась с места, и

[19] Газ. «Амур», 1860, № 2, с. 26.
[20] Там же.
[21] Усольцев А. Ф. Указ. соч., с. 196.

с кораблей было видно, как караван растянулся вдоль бухты Экспедиции, следуя к внутреннему полуострову в этой бухте. Вскоре лагерь был разбит у истока небольшой речки напротив стоянки кораблей. В лагере стало шумно и весело. Все были заняты своими делами. Штурманский офицер Астафьев ставил на входном мысу морской телеграф. Мичман Бенкович занимался промером глубин.

Усольцев и Гамов производили астрономические определения.

Продолжительное время на берегу находился Н. Н. Муравьев-Амурский. «Граф осматривал берега и окрестности залива так внимательно, как будто тут предполагал воздвигнуть целый город. Нет сомнения, что он восхищался заливом и его окрестностями, сулившими вместить в себе значительные поселения, а гавань — притон для многочисленного флота» [22].

В письме М. С. Корсакову Муравьев написал: «Будогосский — молодец: прекрасно исполнил свое трудное дело и вовремя кончил» [23].

Н. Н. Муравьев-Амурский опасался, что англичане могут проникнуть в Уссурийский край.

Неожиданное открытие выходов угля еще более укрепило решимость действовать без промедления. В тот самый день, когда лагерь экспедиции был разбит на новом месте и все устремились на берег с кораблей, командир корвета «Воевода» зашел в один из домиков соседней деревни. Он заметил в углу куски черного камня. Бросив их в огонь, командир понял, что это был каменный уголь. Он доложил обо всем Муравьеву-Амурскому. Тотчас же была снаряжена шлюпка, в которой командир корвета с механиком отправились к тому месту, где уголь был найден.

[22] Усольцев А. Ф. Указ. соч., с. 196—197.
[23] Барсуков И. П. Указ. соч. Кн. 1, с. 558.

Они привезли несколько кусков каменного угля, взятого из самого месторождения, расположенного на другой стороне внутреннего полуострова, на самом берегу бухты Экспедиции. Пласт угля выходил толстым слоем у поверхности воды и составлял подошву весьма крутого берега, заросшего травой и кустарником. «На другой же день по приказанию графа Муравьева-Амурского были посланы матросы для ломки угля и шлюпки для промера этой части бухты. В два дня успели наломать несколько мешков и при этом, хотя углубились не более аршина, но открыли уголь лучшего качества. Добытый уголь немедленно был испытан на пароходе «Америка» и по отзыву механика оказался лучше хакодатского (т. е. японского. — А. А.), хотя и был взят из верхнего пласта» [24]. Произведенный промер глубин залива показал, что к месту ломки угля могут подходить любые суда на сотню саженей к берегу и спокойно грузить уголь.

23 июня в залив пришли транспорты «Маньчжур» и «Японец» с припасами и углем, а также и «Новик». С транспортов перегружался уголь на «Америку» и другие винтовые суда, производился промер входа в гавань, велись наблюдения за приливами. Экспедиция Будогосского продолжала съемку берегов залива Посьета. Пять военных кораблей стояли в заливе, и для команд всех этих кораблей хватало работы. 25 июня эскадра ушла из залива в Китай.

Прежде чем последовать за ней и проследить, как дальше развивались главные события в южных гаванях, завершим рассказ о действиях экспедиции Будогосского и расскажем о некоторых других исследованиях и событиях, происходивших в Уссурийском крае в это время. Сам Будогосский отправился вместе с Муравьевым-Амурским на «Америке». Оставшаяся экспе-

[24] Кеппен А. П. Минеральный уголь в Южно-Уссурийском крае. «Морской Сборник», 1888, № 7, неоф. отдел, с. 62.

диция была разбита на два отряда. Один, с хорунжим Даржитаровым во главе и с топографом, «должен был подняться на хребет, разделяющий море от реки Хунчуна, следовать гривою этого хребта, выйти на реку Мурень и по ней спуститься на Уссури». Другой отряд, которым распоряжался поручик Усольцев, «направился берегом моря до устья Суйфуна, поднялся по Суйфуну, с среднего течения этой реки перевалил на Лефу и по этой последней спустился на Ханку и в Уссури до Хабаровки»[25].

Каковы итоги исследований? В отчете Сибирского отдела Русского географического общества за 1859 год говорилось: «При этом нельзя не сказать несколько слов о части, порученной хорунжему Даржитарову; офицер этот сделал больше, нежели можно было ожидать: он преодолел невероятные препятствия, следуя по непроходимому, безлюдному горному хребту, девственными лесами этой части Маньчжурии, и с необыкновенным искусством выразил на плане цепи гор с вершинами всех речек, спадающих с хребта в обе стороны, обогнул истоки р. Шуфани и прошел далеко западнее к вершинам другого притока р. Суйфуна — Хабту-Бира. Засим он спустился по этой речке и по Суйфуну дошел до места, где переправлялся в передний (т. е. по пути в залив Посьета. — **А. А.**) путь, а отсюда с такою же пользою прошел по другому, указанному ему водораздельному хребту, с которого перевалил на р. Мурень и по ней около 150 верст проплыл до устья на р. Уссури»[26].

С успехом исполнил свой маршрут и отряд Усольцева, завершившийся прибытием в пост Турий Рог. Кроме съемок маршрута Усольцев определял астрономические пункты. На его счету семь астрономических определений, легших в основу будущих карт Уссурийского края.

[25] Усольцев А. Ф. Указ. соч., с. 197.

[26] Отчет Сибирского отдела ИРГО. Сообщение И. С. Сельского. «Амур», 1860, № 1, с. 15.

Скажем здесь же, что другими участниками Уссурийской экспедиции определено 15 астрономических пунктов. Правитель дел Сибирского отдела Русского географического общества И. С. Сельский так отзывался о действиях Усольцева: «Г. Усольцев, с редким самоотвержением совершивший до сего три путешествия по дебрям и тайгам Восточной Сибири: в долинах Амура и Лены, с такою же любовью к науке и своему делу исполнил и последнее свое путешествие»[27].

Из других участников экспедиции К. Ф. Будогосского нужно отметить маршрут партии штабс-капитана Генерального штаба Ельца, в которую входили два топографа и семь нижних чинов, повторившей маршрут М. И. Венюкова: перешли с реки Уссури на перевал хребта Сихотэ-Алинь, перевалили через него и вышли к морю в районе залива Ольги.

Елец с командой принял участие в основании поста в заливе Ольги. По приказанию генерал-губернатора пост, выставленный в 1858 году в заливе Владимира, переносился в 1859 году ближе к южным гаваням — в залив Ольги. Осуществлял этот перенос экипаж транспорта «Байкал» под командованием лейтенанта Дерпера. Команда поста под начальством лейтенанта А. С. Маневского, быстро поставив дом начальника поста, построила казарму для команды и обрабатывала огород из 50 гряд. И во всех этих делах ей активно помогала партия офицера Ельца.

Уссурийская экспедиция К. Ф. Будогосского успешно завершила подготовку первых карт огромной территории от Хабаровки до реки Туманган.

Выше нами отмечалось, что почти одновременно с ней в Уссурийском крае работала натуралистическая экспедиция Р. К. Маака и А. Д. Брылкина. Их путе-

[27] Отчет Сибирского отдела ИРГО. Сообщение И. С. Сельского. «Амур», 1860, № 1, с. 16.

шествие началось в Иркутске. В начале июня натуралисты были уже в устье Уссури. Дойдя по ней до Сунгачи, натуралисты перешли в озеро Ханка. Здесь произошла встреча Р. К. Маака с П. А. Гамовым, который проинформировал его о ходе работы Уссурийской экспедиции.

Больше всего времени Маак и Брылкин затратили на исследование озера Ханка. Они совершили по озеру две продолжительные экскурсии. Маак занимался метеорологией, орографией, гидрографией, собиранием растений, геологией, «изучением условий органической жизни в Уссурийской стране», а Брылкин — этнографией. На реку Уссури путешественники возвратились 28 августа. Вскоре идти стало трудно, кончались продовольственные запасы, лодка не могла проходить мели. Пришлось прекратить плавание, а с ним и экскурсии в стороны от реки и идти до устья Уссури пешком. Движение отряда продолжалось с 4 по 25 сентября.

Впервые Р. К. Маак опубликовал географическую характеристику Уссури и Уссурийского края в описании своего путешествия: «Под именем страны или долины реки Уссури я разумею пространство земли по обеим сторонам ее течения и ограниченное с юга и востока прибрежными горами Сихотэ-Алиня, с запада же водораздельным хребтом левых притоков Уссури и правых притоков Сунгари»[28]. За этим определением следуют подробные географические описания страны, лежащей на восток от Уссури и ее левых притоков, метеорологические наблюдения, материалы о фауне Уссурийской долины и словарь местных народностей. Весь второй том посвящен описанию растительности Уссурийского края. В конце книги приложена хорошая карта. Работа Маака — первое систематизированное всестороннее исследование природы Уссурийского края[29].

[28] Маак Р. К. Путешествие по долине реки Уссури. В 2-х т. Т. 2. Спб, 1861, с. 26.

Исследования Уссурийского края продолжались и в последующие годы. Уже в 1859 году началось изучение побережья Японского моря. Его вели корабли Тихоокеанской эскадры под командованием контр-адмирала А. А. Попова. Во время плавания «Америки» были открыты и названы многие заливы и острова. «Экспедиция Н. Н. Муравьева, — свидетельствует А. И. Крушанов, — обследовала залив Америка, остров Путятина, пролив Стрелок, Уссурийский и Амурский заливы, остров Аскольд, остров Русский, заливы Новик и Воевода, бухты Золотой Рог, Экспедиции и Посьета». Именно во время этой экспедиции решился вопрос о многих названиях, в том числе и о Владивостоке.

Небезынтересно в качестве примера рассказать о том, как возникло название порта Находка. Во время плавания «Америки» в залив Посьета осматривалось побережье по пути следования. В вахтенном журнале парохода есть запись от 18 июня 1859 года: «В 6 часов снялись с якоря и пошли к осмотру берега по RWNW и, заметив на SW углубление, пошли по RWSW, а потом по RS и открыли бухту, имеющую положение от NO к SW около 3-х миль, шириною от 1 мили до 1½ миль, глубина везде ровно — от 5 до 4 саж. Грунт — ил с песком. На правом и левом берегу два селения. По приказанию его сиятельства (т. е. графа Н. Н. Муравьева-Амурского. — А. А.) эта бухта названа «Находкой»[30].

Образованная в 1860 году Гидрографическая экспедиция под начальством В. М. Бабкина положила на карту все эти открытые бухты и острова залива Пет-

[29] Алексеев А. И. Русские географические исследования на Дальнем Востоке и в Северной Америке (XIX—нач. XX вв.). М., 1976, с. 51.

[30] ЦГАВМФ, ф. 870, оп. 1, д. 8210, л. 40 об.

ра Великого и дала первое их навигационно-гидрографическое описание. Но к этому мы будем еще не раз возвращаться. А теперь завершим рассказ о поистине историческом плавании Н. Н. Муравьева-Амурского на пароходе-фрегате «Америка» в навигацию 1859 года. Отметим только, что Н. Н. Муравьеву принадлежит инициатива в наименовании залив Петра Великого. Именно в это же плавание, как утверждает его биограф И. П. Барсуков, все «пространство на 120 морских миль Муравьев назвал заливом Петра Великого» [31].

Именно во время экспедиций на пароходе-корвете «Америка» в 1858 и в 1859 годах решился вопрос о многих названиях, таких как Америка, Стрелок, Путятин, Русский, Аскольд, Воевода, Новик, Амурский, Уссурийский и Владивосток. Конечно же, огромную роль в исследовании морского берега Уссурийского края сыграли русские офицеры кораблей, о которых говорилось. Сейчас трудно установить конкретно, кто и когда давал то или иное название, но совершенно несомненно, что многие из них одобрял Н. Н. Муравьев-Амурский. Так, например, в его донесениях 1859 года упоминается название порт Владивосток, когда такого порта не было еще и в помине. Ясно, что под таким названием имелось в виду морское значение слова «порт»: моряки иногда называли именно так хорошую бухту, словно бы самой природой приготовленную к тому, чтобы в ней был устроен порт.

Характерна в этом отношении карта залива Петра Великого, составленная в 1859 году. На ней есть примечание: «Осмотр берегов залива Америка и гавани Находка произведен пароходом-корветом «Америка» в 1859 году. Острова Путятина, Маячный и пролив Стрелок положены по описи клипера «Стрелок» в 1859 году. Берега от мыса Майделя до залива Посьета сняты с

[31] Барсуков И. П. Указ. соч. Кн. 1, с. 556.

английской карты, с теми дополнениями и исправлениями, которые произведены пароходом-корветом «Америка» в 1859 году. Реки Суйфун и Цимуха взяты с описей офицеров клипера «Стрелок» в 1859 году. Залив Посьета и берег до реки Тюмень сняты с описи фрегата «Паллада» 1854 года, Новгородская гавань — с инструментальной съемки Уссурийской экспедиции 1859 года» [32].

Так вот, на этой самой карте 1859 года уже нанесен порт Владивосток. Следует отметить также и то обстоятельство, что в плавании «Америки» 1859 года самое активное участие принимал В. М. Бабкин, представивший проект производства морской описи всего побережья Уссурийского края, принимавший непосредственное участие в съемке побережья уже в этом плавании, для чего он пересаживался с одного корабля на другой. Он же, как мы уже отмечали, несколько лет возглавлял всю гидрографическую службу на Дальнем Востоке начиная с 1860 года.

Основание постов Новгородского и Владивосток

Плавание корвета «Америка» и других русских кораблей на Дальнем Востоке в 1859 году и активная деятельность Н. Н. Муравьева-Амурского предопределили необходимость создания постов в южных гаванях. Ожидание возможности вторжения англо-французов во внутренние китайские дела побуждало генерал-губернатора Восточной Сибири к решительным акциям. Медлительность и инертность со стороны министерства иностранных дел России шли не на пользу делу. Отдаленность Дальнего Востока от Петербурга задерживала решение

[32] ЦГАВМФ, ф. 1331, оп. 10, д. 600.

важных вопросов, таких как уменьшение влияния англо-французов на китайское правительство и тем самым облегчение дипломатической деятельности Н. П. Игнатьева по окончательному разграничению территории двух соседних держав.

Обо всем этом неоднократно сообщал Н. Н. Муравьев-Амурский в Петербург. Так, 18 октября 1859 года из станицы Куприяновки на Амуре он писал царю: «Об окончательном утверждении южной пограничной черты между нами и Маньчжуриею я ожидаю известий от генерал-майора Игнатьева... С сухого пути наши посты и заселения выставлены до озера Хинкая (Ханка. — **А. А.**) по направлению от вершин р. Уссури по Корейской границе» [1].

Между тем, связь с Петербургом была весьма трудной, а решать надо было все без промедления. Н. Н. Муравьев-Амурский обратился с обстоятельным письмом о положении на Дальнем Востоке к великому князю Константину. И одновременно из Благовещенска 15 ноября 1859 года предписал «господину военному губернатору Приморской области и командиру Сибирской флотилии и портов Восточного океана контр-адмиралу Казакевичу» следующее: «Значительные приготовления, делаемые в Англии и Франции к новой войне с Китаем, поставляют и нас в необходимость иметь в готовности все суда вверенной вам флотилии к выступлению в море **немедленно по вскрытии льда в лимане** (выделено Н. Н. Муравьевым-Амурским. — **А. А.**). Поспешая уведомить об этом Ваше превосходительство для благовременных с Вашей стороны распоряжений, я вместе с тем имею честь сообщить Вам, что эскадра наша должна будет выступить в море под личным Вашим начальством и исполнить нижеследующие главнейшие предложения: 1) занять и укрепить два пункта для небольших

[1] Барсуков И. П. Указ. соч. Кн. 2, с. 279.

команд в гаванях Новгородской и Владивосток, в заливе Петра Великого; 2) занять и укрепить для двух рот место в заливе Анива на острове Сахалин и 3) крейсировать вдоль залива Петра Великого и описать все берега оного от границы Кореи с юга (устья реки Тюмень-Улы) до бухты Ольга к северу с всевозможною точностью и подробностью» [2].

С другой стороны, в Петербург поступали тревожные послания Н. П. Игнатьева о трудностях, возникших из-за вмешательства англо-французов в китайские дела. Суть этих дел такова. В Китае происходили события, в результате которых царствовавшая династия находилась под угрозой свержения. Шли бои за Пекин. И если бы победили претенденты на престол, то влияние англо-французов стало бы преобладающим на юго-востоке Азии и, конечно, было бы использовано ими против России.

К этому времени Н. Н. Муравьев-Амурский прибыл в Петербург. Н. П. Игнатьев прислал царю донесение о больших трудностях ведения переговоров в Пекине и просил разрешения выехать оттуда. Необходимо было срочно принимать меры по укреплению обороны дальневосточных рубежей России. Вскоре была сформирована эскадра под командованием капитана 1 ранга И. Ф. Лихачева.

В нее были включены корвет «Посадник», клиперы «Разбойник» и «Наездник», фрегат «Светлана» и другие суда.

Однако командир «Светланы» Н. М. Чихачев не мог прибыть на Дальний Восток. Долгие годы, зная об этом факте, я не мог найти этому объяснения. Казалось, какие могли быть обстоятельства, которые не позволили бы Н. М. Чихачеву быть на любимом им Дальнем Востоке во время происходивших там важных событий?

[2] Барсуков И. П. Указ. соч. Кн. 2., с. 280.

И совсем случайно, как это часто бывает у историков-исследователей, ответ на это я получил тогда, когда ко мне в руки попало частное письмо Н. М. Чихачева генерал-губернатору Н. Н. Муравьеву-Амурскому, написанное им 2 февраля 1859 года. Поскольку это письмо проливает свет на многие стороны жизни славного сподвижника Невельского, о которой до сих пор было сравнительно мало известно, то я решил опубликовать его, полагая, что читателям-дальневосточникам оно будет не безразлично:

«Ваше Сиятельство, Николай Николаевич!

Незабвенные для меня семь лет службы моей в Восточной Сибири, воспоминания о прежнем расположении Вашего Сиятельства ко мне, внушили мне смелость писать Вам, и писать Вашему Сиятельству в минуты почти полного счастья! Не зная, до какой степени еще я могу рассчитывать на Ваше участие к моей судьбе, я кратко извещу Ваше Сиятельство о недавней женитьбе моей на баронессе Корф, дочери известного Вам покойного Ф. И. Корфа... Буду откровенен с Вами, Николай Николаевич, совесть упрекает меня лишь в одном, в удалении от Вас, в оставлении Сибири в такое время моего возраста, сил, опытности, в которых я мог быть полезен ей. Но это от меня не зависело! Оставляя Китай, я рассчитывал вернуться в Сибирь... Возвратясь в Петербург, я застал на столе тело отца теперешней жены моей, и вместе с этою потерей я должен был оплакать еще три потери самых близких ее родственников — сестры, брата и бабушки, которых судьба неожиданно похитила в течение 6 месяцев! Николай Николаевич, в эту минуту у меня не хватило духу нанести пятый удар вдове, разлучив ее за 10 000 верст с любимой дочерью... Вы прежде, чем кто-либо другой, поймете это, поймете и мое сожаление оставить Сибирь, где мне так много еще улыбалось и для деятельности и для карьеры. Вот причины, заставившие меня оставить Сибирь, удалиться

из-под начальства Вашего Сиятельства, далеко не заслужив все Ваши милости...»[3].

В середине 1859 года Чихачев был назначен командиром фрегата «Светлана» и, следовательно, снова должен был отправляться на Дальний Восток, от которого он с таким тяжелым сердцем, как это видно из письма, отказался. Решено было, что Чихачев доведет «Светлану» до Шанхая (из Средиземного моря), туда же прибудет новый командир корабля И. И. Бутаков, участник славной амурской эпопеи. И. Ф. Лихачев, командир эскадры, отправился в Шанхай из Марселя на пассажирском пароходе. Там он зафрахтовал французский пароход «Реми» и пошел на нем в Хакодате.

В Хакодате Лихачев застал клипер «Джигит» и транспорт «Японец». Хорошо зная положение, в котором находился посол Н. П. Игнатьев, Лихачев действовал решительно. Не ожидая прибытия русских кораблей из Николаевска-на-Амуре — навигация там начиналась в мае, — он, перегрузив сто тонн угля с «Реми» на «Японец», 7 апреля ушел на нем в залив Посьета. Командиру «Джигита» было приказано немедленно по окончании ремонта идти в Печилийский залив в распоряжение Н. П. Игнатьева.

Вечером 11 апреля «Японец» прибыл в Новгородскую гавань залива Посьета. На следующий день Лихачев самым внимательным образом осмотрел бухту и выбрал место для поста. Лихачев решил, не ожидая дальнейших указаний, выставить пост. Для этого он сформировал команду во главе с П. Н. Назимовым. В составе команды было 20 рядовых с унтер-офицером из команды транспорта «Японец» и с клипера «Джигит», а также артиллерийский кондуктор и фельдшер. Провизией Новгородский пост был снабжен на два месяца.

Итак, 12 апреля 1860 года началась выгрузка снаря-

[3] РОБЛ, ф. 336, 42, 17, лл. 1—2об.

жения и продовольствия на берег, которая и была завершена к шести часам вечера. Назимову Лихачев вручил следующую инструкцию:

«Г. лейтенанту Назимову.

Поручая Вам начальство над постом в гавани Посьета, прошу принять к исполнению следующее:

1) Как скоро устроено будет жилье Ваше и все нужное для помещения команды, Вы тотчас приступите к разработке каменного угля для эскадры... Считайте это дело весьма важным, потому что мы будем рассчитывать на Ваши работы.

2) Примите немедленно все меры, чтобы разузнать от местных жителей путь к озеру Хинкаю (Ханка.— А. А.) и верховьям реки Уссури, где находятся наши поселения, и при помощи их изыщите средства отправить прилагаемые при сем весьма важные бумаги. Вы потребуете, чтобы их отправили из наших поселений далее с нарочным курьером.

3) Вы воспользуетесь временем, если обстоятельства позволят, для того, чтобы собрать все сведения об окружающей местности, осмотреть подробно устья реки Тюмень, и в особенности бухту Гошкевича.

4) В сношениях с туземцами Вы будете действовать с возможною кротостью и ласкою...

5) В случае прихода иностранных судов, Вы поднимете флаг Ваш и на вопросы их будете отвечать, что занимаемое Вами место и порт находятся на земле, утвержденной за Россиею Айгунским трактатом в 1858 году и заключающей все пространство до корейских владений, и что Вы здесь находитесь, собственно, для пробной разработки угля.

6) Вы употребите все усилия для того, чтобы содержать команду Вашу в здоровом и бодром виде, и не затруднитесь, если найдете нужным для этой цели или по другим соображениям, перенести Ваш пост на другую точку. В это же время Вы не упустите никаких

предосторожностей, которые необходимо наблюдать в стране дикой и неизвестной, и будете содержать пост Ваш в совершенно военном порядке.

7) В случаях, здесь непредвиденных, Вы не должны затрудняться недостатком инструкций, а будете действовать, как благоразумие и ревность Ваша к службе укажет Вам.

8) Затем, по прибытии г. контр-адмирала Казакевича, Вы имеете явиться к нему и передать как самого себя, так и пост свой под его высшее начальство.

Командующий эскадрою капитан 1 ранга Лихачев.
Гавань Посьета. 12 апреля 1860 г.»[4].

В распоряжении начальника поста были оставлены шестивесельный ял и четверка, ружья, порох, дробь, палатки, различные инструменты, лопаты, кирки, сто долларов с разными товарами для меновой и иной торговли, двойной запас винной порции, рыболовные снасти и прочее имущество.

Окончательно согласовав с Назимовым все вопросы, 13 апреля в 7 часов утра Лихачев ушел на транспорте «Японец» в Печилийский залив для оказания практической помощи Н. П. Игнатьеву и сформирования эскадры. Конечно, Лихачев брал на себя огромную ответственность за самостоятельное, по сути дела, выставление поста в заливе Посьета, но, как показали дальнейшие события, он оказался прав. Но об этом мы будем говорить позже. А сейчас о жизни в Новгородском посту... Если говорить совершенно точно, то впервые в заливе Посьета лагерь был разбит в прошедшем, 1859, году участниками Уссурийской экспедиции К. Ф. Будогосского. Тогда же был и впервые поднят русский флаг в этих местах.

Созданный Лихачевым Новгородский пост официально провозглашал принадлежность территории к России.

---

[4] Кеппен А. Указ. соч., с. 64—65.

И, наверное, прав автор статьи, в которой излагалась история организации поста, пришедший в конце ее к следующему выводу: «Таким образом, честь занятия и даже сама мысль о необходимости такого занятия ввиду англо-французских соединенных сил в китайских водах вполне и безраздельно принадлежит И. Ф. Лихачеву» [5].

Сразу же после ухода транспорта солдаты принялись ставить палатки. Занимались переноской с берега к лагерю провизии и различного багажа, раскладывали все по местам. В этот же день, как говорится в отчете, «поставлен флагшток на хребте гор над лагерем и поднят флаг» [6].

16 апреля половина команды поста приступила к разработке каменного угля, а другая половина утепляла палатки и обеспечивала службы водосточными канавами, с одной стороны — рвом глубиной в три фута.

20 апреля Назимов на яле отправился с группой матросов к устью реки Тюмень-Улы. В этот же день он прибыл в бухту Гошкевича, где и заночевал. На утро следующего дня офицер описывал бухту и пытался войти в устье реки, но безрезультатно.

Назимов возвратился в пост ночью 22 апреля, где все это время продолжали работать в копях. 24-го и 25-го часть команды была занята устройством огорода и посадкой овощей. Одновременно готовили гребное судно для плавания по Амурскому заливу к устью реки Суйфуна. 26 апреля с рапортом П. В. Казакевичу был отправлен мичман Бенкович с матросами.

На следующий день Назимов направился верхом вдоль берега бухты Экспедиции в надежде найти пресную воду. Однако надежды его не оправдались. Зато ему удалось найти новый слой угля. Он распорядился

[5] Беломор А. Кто занял Новгородскую гавань в 1860 году. «Исторический вестник». 1892, т. 47, № 3, с. 810.

[6] ЦГАВМФ, ф. 909, оп. 1, д. 46, л. 40.

прекратить работу на старом месте и перейти на новое. Вскрышные работы были быстро закончены, и проба угля дала удовлетворительные результаты. Работы на новом месте продолжались и в последующие дни. Они прерывались только дождем. В такое время все забивались в палатки, занимались починкой одежды.

Из других работ, которыми была занята команда, следует отметить строительство. Так, например, в первый день мая вырыли погреб для хранения пороха. С 9 по 18 мая строили каменную казарму с кухней на 24 человека и офицерский дом.

В один из дней середины мая отправились на противоположный берег для рубки леса на двух шлюпках. Привезли 4 штуки леса — лес таловый и черемуховый, годный только на крыши и стропила. Вскопали еще один огород, на котором посадили картофель. Вырыли еще один колодец. Матросы ухитрились посадить на яйца одну из двух японских курочек. Устраивались как можно лучше. И все же тоска по родным местам усилилась с наступлением теплых дней.

Назимов записал однажды в своем дневнике: «Сегодня впервые услышал пение команды после ужина; но песни все унылые, разлука с родиною, неимение постоянного жилья, что-то похожее на ссылку; я им не мог противоречить, соглашаясь с ними вполне, но подсказал спеть веселую; она не клеилась, что же делать! Первая тихая и теплая ночь» [7]. А это было 2 мая 1860 года.

11 мая возвратился с устья реки Суйфуна мичман Бенкович, успешно справившийся с поручением и сумевший организовать доставку депеш с нарочным. Иногда ходили на охоту на рябчиков. 16 мая Назимов снова объехал верхом весь полуостров «и не нашел ни одного открытого источника пресной воды. Лесу также нет, дуб

[7] Кеппен А. Указ. соч., с. 71.

мелкий, никуда не годный и в малом количестве»[8].

С середины мая матросы устраивали себе баню уже на открытом воздухе, а вот искупался Назимов в бухте в первый раз 3 июня, и, как он записал в дневнике, ему было «ужасно холодно». 6 июня пошла рыба — горбуша, чем не преминули воспользоваться — хорошее подспорье в скудном питании команды.

Основным занятием команды поста оставалась добыча угля. Иногда матросов навещали местные жители, которые приносили для меновой торговли различные продукты. А 21 мая часовой у флагштока доложил, что видит в море трехмачтовый барк, идущий с юга на север. Для того чтобы часовой мог быстрее сообщить о появившихся у залива кораблях, ему было приказано извещать об этом поднятием особого, большого флага. Ожидая прибытия кораблей из Николаевска, Назимов распорядился заготовить «вехи для промера бухты, дабы суда наши могли ближе подойти к «углю», а затем сам 2 июня сделал промер глубин и выставил вехи. Одним словом, к встрече судов готовились основательно.

21 июня в пять часов дня увидели входивший в залив Посьета транспорт «Маньчжур». Командир его Алексей Карлович Шефнер не знал, что в заливе Посьета уже выставлен пост, и был этим приятно удивлен.

Получив предписание Н. Н. Муравьева-Амурского, контр-адмирал Петр Васильевич Казакевич принял самые решительные меры к своевременному выходу кораблей в море весной 1860 года и подготовке к основанию постов в заливе Посьета и в гавани Владивосток. Положение осложнялось тем, что в распоряжении Казакевича были только транспорт «Маньчжур» и пароход-корвет «Америка», так как транспорт «Японец» находился в Японии у И. Ф. Лихачева. В его же распоряжение назначались стоявшие в Николаевске-на-Амуре корветы

[8] ЦГАВМФ, ф. 909, оп. 1, д. 46, л. 42 об.

«Боярин» и «Воевода» и клипер «Опричник». Напомним, что в дальневосточную эскадру, которой командовал И. Ф. Лихачев, вошли также клипер «Джигит», находившийся в Японии, и прибывшие из Кронштадта винтовой корвет «Посадник» и клиперы «Наездник», «Разбойник», фрегат «Светлана».

Итак, в распоряжении П. В. Казакевича были корабли «Америка», «Маньчжур» и «Гридень». Был у него еще парусный транспорт «Байкал», тот самый, который плавал под командованием Г. И. Невельского в начале эпопеи. Поэтому было решено им отправить в первую очередь транспорт «Маньчжур», предписав его командиру исполнение самой трудной задачи. В приказе от 10 мая 1860 года говорилось: «Винтовому транспорту «Маньчжур», окончившему вооружение, согласно донесению командира, завтрашнего числа поднять флаг и вымпел, начав морское довольствие, а в четверг отправиться к мысу Чныррах и принять там строительные материалы для постов в южных гаванях»[9]. Этим же приказом есаул Кукель 2-й назначался дежурным штаб-офицером по сухопутной части при отряде войск для занятия постов на острове Сахалин и в южных гаванях.

В марте 1860 года в связи с изменившейся обстановкой Н. Н. Муравьев-Амурский дополнительно предписывал П. В. Казакевичу, что «занятие с моря пункта в заливе Анива должно быть отложено до благоприятнейшего времени»[10].

Чтобы не задерживать исполнения вышестоящего ответственного поручения, Казакевич решил направлять их на выполнение заданий по мере готовности кораблей. Первым среди них оказался транспорт «Маньчжур».

[9] ЦГАВМФ, ф. 909, оп. 2, д. 17, л. 85 об.—86.

[10] Владивосток. Сб. документов (1860—1907). Владивосток. 1960, с. 18.

Командиром его, как уже упоминалось, был капитан-лейтенант Алексей Карлович Шефнер.

Этот военный транспорт был построен в США, в Бостоне. Корабль трехмачтовый, машина мощностью 370 л. с.; он был оснащен 14-весельным баркасом, 12-весельным вельботом, 12-весельным катером, 6-весельной гичкой и 4-весельным спасательным ботом. Транспорт имел современное по тем временам штурманское оборудование, офицеры — самые последние карты и навигационные пособия для плавания в Японском море.

12 мая 1860 года на транспорт прибыл чиновник особых поручений при генерал-губернаторе есаул Б. К. Кукель. В этот же день для прохождения практики поступили на транспорт воспитанники Николаевского мореходного училища Чупров, Чернов и Дунаев. Транспорт вышел к мысу Чныррах, где Кукель сошел на берег. Это было 14 мая. А 16 мая в Николаевск прибыл клипер «Стрелок». На следующий день к мысу Чныррах подошел пароход «Аргунь», на котором прибыл П. В. Казакевич. На берегу производили приготовления к погрузке на транспорт и на «Америку» и «Гридень» строительных материалов для основания постов во Владивостоке и в Новгородской гавани. Следует сказать, что в Николаевске-на-Амуре еще ничего не знали о том, что распоряжением И. Ф. Лихачева уже выставлен пост в заливе Посьета. В этот же день началась погрузка на суда строительного материала, ранее заготовленного на мысе Чныррах: балки, брусы, доски, плахи, горбыли. В этот же день шхуна «Восток» ушла вниз по Амуру.

20 мая начали грузить провизию и багаж солдат 4-го линейного батальона Восточной Сибири, которые были предназначены для морских постов. Погрузка строительных материалов и необходимого снаряжения продолжалась и в следующие дни. После окончания основной погрузки у мыса Чныррах транспорт снова перешел на Николаевский рейд, где она продолжалась.

22 мая на рейде Николаевска собралась вся эскадра: корветы «Воевода», «Боярин», «Гридень», клиперы «Опричник» и «Стрелок», а также пароход-корвет «Америка» и транспорт «Маньчжур». 24 мая на транспорт прибыл прапорщик Комаров, 31 мая — доктор, коллежский советник Трибе для следования в залив Посьета и для участия в кампании корпуса флотский штурман прапорщик Погорельский. 1 июня на транспорте появился фельдшер Назаров, назначенный в гавань Посьета. Прибыли также два унтер-офицера — топографа, которые должны быть доставлены в пост в бухте Ольга. Грузили также лошадей, коров, быков для постов в бухтах Ольга и Посьета.

2 июня был получен приказ П. В. Казакевича о подготовке к отходу. А вскоре прибыл и он сам.

В бухте Ольга стоял брандвахтенный пост — военный транспорт «Байкал», командир которого лейтенант Александр Степанович Маневский одновременно являлся и начальником поста. Бросалось в глаза отменное состояние поста, прекрасная казарма на 40 человек, красивый офицерский флигель. Здесь имелось большое хозяйство: содержались коровы, быки, козы, обрабатывались большие огороды, на которых выращивались все нужные овощи, и прежде всего картофель и капуста. Кроме того, матросы вели успешный лов рыбы. Пост в бухте Ольга не только снабжал себя продуктами, но мог выделить кое-что и для других постов. Несколько пудов говядины с поста было доставлено на транспорт «Маньчжур».

19-го утром вышли из бухты Ольга и направились вдоль приморского берега. На следующий день моряки увидели берега полуострова Муравьев-Амурский. «В 1 час, подходя к проливу Босфор Восточный, стали располагать курсами для входа в порт Влади-Восток. В 3 часа, придя в порт Влади-Восток, положил якорь Даглиста на глубине 8 сажен, канату вытравили 20 са-

жен, грунт—ил»[11]. Термометр показывал 18 градусов тепла.

Наступила очередь распоряжаться командиру 3-й роты линейного батальона Восточной Сибири капитану Ивану Францевичу Черкавскому и прапорщику Н. В. Комарову. Трудились, конечно, и офицеры «Маньчжура». Место для высадки было выбрано удачно. Отсюда просматривался вход в бухту Золотой Рог. Место было возвышенным, за береговой чертой начинались не очень высокие горы. Кругом было много леса. В этот же день, 20 июня 1860 года, как записано в вахтенном журнале транспорта «Маньчжур», было «свезено на берег: ящик с амуницией — 1, бочки с мясом — 4, пеньки — 25 пудов, муки ржаной — 29 пудов, крупы — 4 пуда, ящик с ружьями — 1, патронов — 2160 штук, котлов чугунных — 3, веревок — 5 пудов 20 фунтов, железа — 50 листов, невод — 1, лошадей и быков — 2... Сего числа отправлено на берег 1 обер-офицер, 2 у. о. и 28 ч. рядовых № 4 линейного батальона для занятия поста»[12].

Вот и все. Так состоялось основание Владивостока. Без парадной шумихи, без салютов и торжественных подъемов флага. Вроде бы совсем буднично. Наверное, ни Шефнер, ни Комаров, ни Черкавский не представляли себе всю важность того дня, когда на берег выгрузили имущество и когда туда сошли 28 рядовых, два унтер-офицера и один прапорщик. Сошли, чтобы остаться, по крайней мере, до следующего лета; сошли, чтобы основать тут пост с гордым названием Владивосток, чтобы вдохнуть в эти прекрасные места русскую жизнь. Не могу не отметить одного обстоятельства. Вот какого. Обращение к первоисточникам, как в данном случае к шханечному журналу, позволяет совершенно точно установить, как все это происходило. В частности, мы точно теперь знаем, что команду поста Владивосток составил 31 человек, а не сто и не сорок, как весьма часто об этом пишут разные авторы.

[11] ЦГАВМФ, ф. 870, оп. 1, д. 8565, л. 35.
[12] Там же, л. 36.

Только сутки пробыл «Маньчжур» во Владивостоке, только сутки — и на века вошел в историю Дальнего Востока. 21 июня, опять-таки, как записано в журнале, «снялись с якоря и под парами пошли в порт Новгородский, а в 9 часов, выйдя из порта Влади-Восток, начали располагать курсами по способности до порта Новгородского. В 18 часов пришли в порт Новгородский и стали на якорь»[13].

События дальше развернулись не совсем обычно, ну, скажем, не так, как во Владивостоке, где все были единодушны в выборе места.

Здесь произошло все иначе. Во-первых, командиру «Маньчжура» А. К. Шефнеру, есаулу Б. К. Кукелю и командиру роты И. Ф. Черкавскому ничего не было известно о том, что тут уже выставлен пост. Причем пост этот оказался не на том месте, где по карте его предписано было выставить. Не существовало единого мнения о том, какая из бухт залива Посьета является Новгородской. Интересные воспоминания по этому поводу оставил в своем дневнике П. Н. Назимов, непосредственный участник событий: «Прибыв в залив, карту положили на стол (новую карту, вычерченную на основании исследований офицеров «Америки» и Уссурийской экспедиции в 1859 году. — А. А.) и давай смотреть, которая бухта Новгородская, от которого мыса надо ее считать; решили считать с того места, где поставлена первая буква Н. От этой буквы и начали искать место для лагеря». Тут возникло три варианта. Шефнер их все забраковал «и предложил занять лагерь ближе к угольной ломке; тогда адъютант (Б. К. Кукель. — А. А.) сказал ему, что он имеет приказание поставить пост в га-

[13] ЦГАВМФ, ф. 870, оп. 1, д. 8565, л. 36.

вании Новгородской, а уголь находится в бухте Экспедиции, а потому этого сделать нельзя. Итак, поселились около бухты Н.»[14].

«Маньчжур» несколько раз менял свое якорное место. Только 26 июня с корабля стали выгружать строевой лес и продовольствие, а 27-го были «свезены на берег — 1 обер-офицер, 4 у. о. линейного № 4 батальона, 1 фельдшер, 1 денщик и 50 рядовых»[15]. Следовательно, в Новгородском посту было 57 человек. На следующий день на транспорт начали грузить заготовленный командой Назимова уголь, помогать команде поста устраиваться на новом месте. А 30 июня стали готовиться к выходу из гавани. 1 июля снялись с якоря, чтобы идти в порт Владивосток. На выходе из залива Посьета встретились с идущим под адмиральским флагом пароходом-корветом «Америка», с которого увидели сигнал, приказывающий следовать за ним. В этот же день оба корабля вошли в Новгородскую гавань, и «Маньчжур» стал на якорь рядом с «Америкой».

Пароход-корвет «Америка» вышел из Николаевска 17 июня под флагом П. В. Казакевича, имея на буксире купеческий бриг «Грета», на котором находилась провизия, предназначенная для судов эскадры И. Ф. Лихачева. Груз этот необходимо было доставить в пост Ольга, который становился, таким образом, базой для эскадры. На «Америку» также был погружен лес и некоторое снаряжение, которые не поместились на транспорт «Маньчжур». Пароходом командовал капитан-лейтенант А. А. Болтин.

Зайдя в залив Чихачева, застали тут корвет «Гридень» и клипер «Опричник», которые грузились дровами и должны были идти в Дуэ за углем. 20 июня они ушли, а на следующий день «Америка» направилась в

[14] Кеппен А. Указ. соч., с. 86.
[15] ЦГАВМФ, ф. 870, оп. 1, д. 8565, л. 40 об.

Императорскую гавань. После печальных событий зимовки Н. К. Бошняка в 1853/54 году, когда в этой гавани осталось навечно лежать 29 человек, умерших от цинги, и когда английский капитан Никольсон, зашедший весной 1856 года на корабле «Пик», сжег все постройки первого поста, здесь снова были поставлены три флигеля и казарма. Это сделала команда транспорта «Иртыш», зимовавшая в 1857—1858 годах.

О событиях в Новгородской гавани писал П. Н. Назимов: «Адмирал Казакевич, придя в гавань Новгородскую, бросил якорь против лагеря. На другой день поехал осмотреть место угля и мой лагерь. Нашел, что мой лагерь расположен на месте и отвечает условиям своего назначения; приказал линейный (то есть поставленный солдатами линейного батальона. — А. А.) лагерь перенести туда же; ропот и негодование посыпались со стороны поляка адъютанта (Бронислав Кукель по национальности поляк. — А. А.), зачем соединяют две разнородные команды вместе (морскую и солдатскую. — А. А.) и зачем не в Новгородской бухте; но адмирал Казакевич объявил, что тут селиться есть цель и вода Новгородской гавани (имеется в виду акватория гавани. — А. А.) так же хорошо будет видна часовому на хребте, как и вода бухты Экспедиции и потому нет причины держаться буквально приказаний. Поселились и начали строить казарму»[16].

После того как с транспорта «Маньчжур» было перегружено на «Америку» 400 мешков каменного угля, оба корабля перешли 3 июля в бухту Экспедиции, где в течение нескольких дней всеми средствами помогали Черкавскому устраиваться на новом месте. Казакевич вменил ему в обязанность заняться добычей каменного угля, сообщил также, что для связи и защиты поста остается на зимовку корвет «Гридень», командиру кото-

[16] Кеппен А. Указ. соч., с. 86—87.

рого «поручено охранение постов как в заливе Посьета, так и в гавани Владивосток и вместе с тем содействие к устройству их» [17].

7 июля транспорт «Маньчжур» перешел во Владивосток, Кукель и доктор Триббе сошли на берег для того, чтобы пересесть на «Америку», приход которой ожидался во Владивостоке со дня на день. На другой день команда поста Владивосток была усилена еще 14 солдатами батальона № 4, которые были доставлены на пароходе-корвете «Америка». На берег также был выгружен запас пороха. 11 июля транспорт «Маньчжур» покинул Владивосток и отправился в Николаевск. Но по пути ему было приказано зайти в бухту Ольга и в Императорскую гавань для того, чтобы забрать оттуда людей, уволенных в бессрочный отпуск.

А 13 июля во Владивосток, после захода в залив Славянский, пришел пароход-корвет «Америка», на котором впервые появился здесь П. В. Казакевич. Четверо суток пробыл во Владивостоке Казакевич и 17 июля ушел в Хакодате. Оттуда 27 июля он отправил Н. Н. Муравьеву-Амурскому и великому князю Константину рапорты о своем плавании, которые поручил доставить в Петербург «состоящему по особым поручениям при Главном управлении Восточной Сибири войсковому старшине Кукелю 2-му, который в зимнее время занимался в Николаевске-на-Амуре заготовлением материалов для построек в южных постах» [18].

П. В. Казакевич писал генерал-адмиралу Константину о Владивостоке следующее: «Команда, состоящая из 30 человек и доставленная сюда на транспорте «Маньчжур», успела уже начать постройку, но преимущественно занималась заготовлением леса. Из всех осмотренных мною в настоящем плавании гаваней, бесспорно гавань Владивосток есть лучшая. Здесь превосходный во всех отношениях рейд соединяется со всеми другими условиями, необходимыми для устройства хорошего порта. Единственное неудобство заключается в неимении реки для снабжения водой, которую легко, впрочем, получить в изобилии, устроив колодцы и водопроводы. Несмотря на эти выгоды, гавань Владивосток может иметь значение только в случае устройства хорошего берегового сообщения с рекой Амуром и прочного заселения всего пространства, по которому сообщение это будет производиться. До тех пор и эта гавань может служить только временным пребыванием для судов» [19].

Казакевич, как моряк, сразу разобрался в огромных преимуществах прекрасной бухты, отметив сразу же и ее недостатки. История показала, что он был совершенно прав. По сути своей такого же мнения придерживался генерал-губернатор Восточной Сибири Н. Н. Муравьев-Амурский, который в своем рапорте генерал-адмиралу великому князю Константину 4 октября 1860 года горячо отстаивал преимущества Владивостока, впрочем, не умаляя достоинств залива Посьета. Это письмо Н. Н. Муравьева является программным — в нем содержится подробнейший план дальнейшего освоения русскими людьми Уссурийского края.

Изложив и затем раскритиковав слабые места рапорта Казакевича, генерал-губернатор совершенно объективно делает важные выводы: «Все эти обстоятельства, вошедшие в описание залива Посьета и порта Владивосток, в рапорт контр-адмирала Казакевича, заставляют меня почтительнейше доложить Вашему императорскому высочеству следующее:

а) В залив Посьета впадает семь речек до того многоводных и глубоких, что переправы через них бывают

[17] ЦГАВМФ, ф. 16, оп. 1., д. 94, л. 10.
[18] Там же, л. 13 об.

[19] ЦГАВМФ, ф. 16, оп. 1, д. 94, л. 11 об.

затруднительны. В прошедшем году при переходе через эти речки в июне месяце в Уссурийской экспедиции было утоплено несколько вьюков с провизией, а люди бродили в воде по горло. Вообще берега залива Посьета хотя не покрыты лесом, но весьма влажны и имеют много живых ключей прекрасной пресной воды. В Новгородской бухте я сам видел в прошедшем году ручей, на котором стоял бивуак Уссурийской экспедиции, три ручья в направлении от флагштока к месту стоянки парохода «Америка», а также источник близ каменноугольной ломки, где были дома рыболовов, которые без пресной воды не могли бы существовать.

б) По описанному свойству берегов нельзя не усомниться, чтобы и в порту Владивосток не было пресной воды, если там есть жители, то должна быть и пресная вода. И там, как по всему прибрежью, находится множество ключей и ручьев с отличною пресною водою, хотя и нет реки, что не мешает быть здесь порту, как, например, в Гонг-конге.

в) Лес, годный на постройки, начинается с 9 версты от Новгородской бухты в направлении на... В этом расстоянии на горах кроме дуба и ясеня растет пихта, а далее кедр.

г) Относительно присутствия каменного угля в заливе Посьета, он там особенно важен по чрезвычайно удобной нагрузке при вполне безопасной стоянке, что видно из карты — вход в залив Посьета, — сообщенной в Гидрографический департамент.

д) Что разумеет контр-адмирал Казакевич под именем берегового сообщения: дорогу ли берегом моря к устьям Амура или внутренний путь через озеро Ханка и Уссури и к среднему течению Амура? Не знаю. Кратчайший путь от порта Владивосток к Амуру прокладывается уже с весны нынешнего года.

е) Река Уссури, приток ее Сунгача и озеро Ханка — судоходные; по рекам промер не открыл нигде на фар

ватере глубины 7 футов, промер же озера Ханка производился в течение лета нынешнего года, и о результатах оного ожидаются известия, что также было сообщено контр-адмиралу Казакевичу. От озера Ханка до порта Владивосток 150 верст, местность самая способная для многочисленного населения и для устройства всякого рода дороги... С устройством пути будет проложена с берегов р. Суйфуна дорога к заливу Посьета около 80 верст, она пойдет в некотором расстоянии (от 2-х до 5 верст) от берега моря по местности, изобилующей превосходными пастбищами и местами, весьма удобными для хлебопашества, и составит вместе с остальною дорогою до озера Ханка около 225 верст сухопутного сообщения, откуда дальше начнется водяной путь к Амуру.

ж) Ко всему вышеизложенному можно присовокупить еще следующие удобства порта Владивосток, о которых контр-адмирал Казакевич не упоминает, а именно:

1) близ порта в Амурский залив впадает река Суйфун, судоходная и сплавная с лишком на 100 верст;

2) в долине реки Суйфуна и ее притоков растут леса, каких нет около лесистого залива Ольги: кедр, пихта до сажени в отрубе, соответственных размеров дуб, ясень, клены до 5 разных видов, пальма вроде австралийской, превосходного качества орех — для отделки судов и проч.;

3) залив Петр Великий лежит в одной широте с Лионским заливом, имеет самый благорастворенный климат, богат множеством отличных бухт, среди которых центральное место занимает порт Владивосток...

Я со своей стороны нахожу, что порт Владивосток по сравнительной близости к Амуру и по удобству сообщения, удовлетворяя притом всем требованиям морской науки, должен быть главным по своим морским учреждениям. Что же касается до залива Посьета, то

занятие его имеет для нас особенно важное политическое и торговое значение»[20].

Мы невольно опередили события, так как эти свои соображения Н. Н. Муравьев-Амурский излагал уже в конце года, осенью, подводя итоги свершенного за летнюю кампанию. Но, наверное, уже с года основания постов начались долгие споры, длившиеся несколько лет, о том, Владивостоку или Новгородскому посту быть главным на Тихом океане. И Муравьев с Казакевичем вольно или невольно выступили инициаторами многолетней дискуссии, обошедшей многие русские газеты и журналы. Владивосток или Новгородский пост — этот спор решила история. Но и в том и в другом случае спор мог быть разрешен лишь при условии принадлежности залива Петра Великого России. И поэтому так горячо доказывал необходимость борьбы за него Н. Н. Муравьев-Амурский. В том же докладе-рапорте он писал: «Достаточно лишь взглянуть на означенную карту При-Амурского края и юго-восточного прибрежья, чтобы убедиться в географической и политической важности для России залива Петра Великого, прилегающего с одной стороны к границе независимого государства, а с другой к местности, удобной для проложения всякого рода сухопутных дорог до судоходной системы вод озера Ханка и рек Уссури и Амура и представляющей страну богатую и в самых благоприятных во всех отношениях условиях для многочисленного русского заселения, начало которого по рекам Амуру и Уссури уж твердо положено»[21]. Именно в одну из бухт залива Петра Великого мыслилось со временем перенести главный русский порт на Тихом океане из Николаевска-на-Амуре, сообщение которого с морем по реке и через лиман всегда оставалось затруднительным.

[20] ГАПК, ф. 530, оп. 1, д. 3, лл. 5—8.
[21] Там же, л. 3.

В становлении Владивостока и Новгородского поста в первое время их существования, в частности в 1860 году, огромную роль сыграли корабли Сибирской эскадры. Особенно необходимо рассказать о корвете «Гридень» и транспорте «Японец». Без преувеличения можно сказать, что команда корвета «Гридень» вместе с командой поста является основательницей Владивостока. Поэтому познакомимся с офицерами корвета. 25 мая 1860 года в командование корветом вступил лейтенант Густав Христофорович Егершельд, с этого же дня «Гридень» вступил в кампанию 1860 года.

Винтовой корвет «Гридень» кроме парусного вооружения имел двухсотсильную машину и мог принимать около шести тысяч пудов каменного угля. Длина корвета составляла 163 фута, ширина — 31 фут, а глубина интрюма 15 футов 8 дюймов. 11 июля 1860 года корвет вошел в залив Посьета и встретил там пароход «Америка» под флагом адмирала П. В. Казакевича. Егершельд весьма добросовестно отнесся к исполнению возложенной на него задачи, неоднократно проявлял разумную инициативу, во всем помогая строительству постов в заливе Посьета и во Владивостоке. На следующий день пароход «Америка» ушел из залива Посьета, и корвет «Гридень» остался в этих водах представителем русского флота на Тихом океане. На него были возложены и перевозка людей, снаряжения, почты, и доставка леса для строительства постов, и само строительство, и, самое главное, охрана побережья в заливе Петра Великого.

До 24 июля корвет находился в посту Новгородском, в котором строились дома, подсобные помещения, в том числе баня, сараи для снаряжения. Часть команды сопровождала в ежедневных походах по окрестностям залива Карла Ивановича Максимовича, который перешел с парохода «Америка» на корвет. Когда стало совершенно ясно, что доставлять лес по суше за несколько

верст — дело трудное, было принято решение поискать лес вдоль берега.

24 июля корвет вышел к северу и стал на якорь в заливе Славянском. Хорошего строевого леса и тут не было, но все же нашли ясень, дуб, клен, не совсем, правда, прямой, корабельный, но чтобы не терять времени на поиски, Егершельд распорядился рубить здесь. В течение нескольких дней матросы свалили и очистили 315 бревен, среди которых встречались размерами от двух до трех саженей и до 14 дюймов в диаметре. Затем сколотили из них плоты и, дождавшись тихой погоды, 3 августа доставили их в Новгородский пост.

На следующий день корвет отправился во Владивосток и 5 августа впервые стал на якорь против поста. «Здесь я решился, — писал Г. Х. Егершельд, — обратить все силы корвета для постройки казарм, чтобы обеспечить команду от холодной и сырой зимовки на корвете» [22]. Нужен был снова хороший лес. Росший на берегу бухты Золотой Рог лес частично был вырублен командой поста. А строить для корвета нужно было много, и, как решил про себя командир, строить нужно было добротно. Поэтому он, разузнав, что в заливе Стрелок растет такой лес, отправил туда 6 августа на баркасе и четверке 52 человека команды под начальством мичмана Стромилова.

12 августа 1860 года Егершельд отправился на катере в залив Новик. «Сего же числа с 7 часов утра и до 7 часов вечера часть команды работала на берегу» [23]. Такая же запись повторилась 13 и 14 и в другие дни августа. Заготовка леса стала самой важной работой, и исполнение ее находилось под контролем. Но командир давал возможность людям отдохнуть: в журнале встречаются записи, когда «команда с корвета отпускалась на гулянье на берег».

[22] Рапорты командира корвета «Гридень» лейтенанта Егершельда. «Морской Сборник», 1861, № 7, оф. отдел, с. 24.

[23] ЦГАВМФ, ф. 870, оп. 1, д. 8413-а, лл. 98—99.

21 августа корвет снялся с якоря, чтобы идти в залив Новик, где были заготовлены бревна, увязанные в плоты. При подходе сделали выстрел, означавший сигнал всем собраться на берегу и приготовиться быстро завести буксир. Когда стали на якорь, то на четверке прибыл на борт мичман Стромилов и доложил, что все у него готово. «В 11 часов взяли на буксир 12 плотов, состоящих из 586 бревен разной величины. В то же время мичман Стромилов и команда 52 человека приехали с берега на корвет» [24].

Корвет снялся с якоря и, имея на буксире плоты и шлюпки, отправился во Владивосток, куда благополучно и пришел через несколько часов. Там катера быстро отбуксировали плоты к берегу. Теперь можно было строить все, что было намечено и обговорено с П. В. Казакевичем и начальником поста Н. В. Комаровым. Можно было и заменить мачты на корвете. И с этого времени команда была разделена на две части: одна работала на корабле, готовила его к осенним переходам, а другая специализировалась на строительстве домов и других строений на берегу.

Исполняя инструкцию, Егершельд готовился к выходу в залив Посьета. При этом он знал, что будет зимовать во Владивостоке. Поэтому перед уходом корабля «во Владивостоке были оставлены офицер, матросы и мастеровые служащие. Им оставили продовольствие на три месяца жизни» [25].

11 сентября корвет снялся с якоря и ушел в залив Посьета. По рапорту Егершельда до этого числа команде удалось «вывести стены казарм (в 102 фута длины, 24 фута ширины и 12 футов вышины), заложить не-

[24] ЦГАВМФ, ф. 870, оп. 1, д. 8413-б, л. 104 об.

[25] Там же, д. 8413-а, л. 117.

большой офицерский флигель (60 футов длины, 19 футов ширины) и вывести стены для мастерской (36 футов длины, 18 футов ширины) и кузницы (18 футов длины и 16 — ширины); последние две построены вместе и будут употребляться как бани. Мы также выстроили шлюпочную пристань с надежным краном для подъема тяжестей. Усердие команды, — отметил командир, — при всех этих работах было весьма замечательно»[26].

12 сентября корвет «Гридень» отправился в Хакодате, где капитан закупил лошадей и коров. Матросы сумели сделать для них такие хорошие стойла, что, несмотря на огромную зыбь и свежий ветер на переходе, не было потеряно ни одного животного. Из других важных приобретений была покупка десяти пудов чеснока, который столь необходим при зимовке, как первое по тем временам средство от цинги. С другими продуктами дело обстояло хуже, и Егершельд надеялся пополнить провизию для команды корвета и для постов в заливе Ольги, где был устроен склад продовольствия.

Распорядившись оставить во Владивостоке команду, состоящую преимущественно из плотников и разных строителей — всего 24 человека, — для ускорения возведения зданий под крышу и отделку, Егершельд направил корвет 13 октября в залив Ольги. И тут он увидел корвет «Воеводу», который исправлял вышедшие из строя котлы, чтобы добраться до Хакодате. Так что ни о каком заходе его в залив Посьета не могло быть и речи.

Команда «Гридня» немедленно занялась погрузкой продовольствия, которая прекращалась лишь поздним вечером. В разговорах с Матвеевым, командиром «Воеводы», Егершельд очень просил его доставить из Японии муки, мяса и рому. 17 октября погрузка была закончена. 18-го корвет отправился в залив Посьета. Сначала

[26] Рапорты командира корвета «Гридень»... с. 24.

дули постоянные, хотя и не сильные встречные ветры. Но когда он пришел на меридиан залива Находка, задул сильный норд-вест, перешедший в скорое время в штормовой ветер, скорость которого достигала одиннадцати с половиной узлов.

Порывами изорвало в клочья паруса на фок-мачте, поломалась снасть на грот-мачте. Шли под зарифленными марселями. Поздно вечером 22 октября вошли в залив Посьета. Но бушевавший шторм не позволил подойти к посту. Дали выстрел, чтобы предупредить капитана Черкавского о своем прибытии. Удалось перейти к посту 25 октября. «Я нашел пост, — отмечал в рапорте Егершельд, — обнесенный валом и рвом, можно сказать, с почти оконченными зданиями. К сожалению, я не могу до весны перевезти туда леса, необходимого для угольной ломки, потому что паровые котлы требуют безотлагательного исправления — работа, которая продолжится до двух месяцев, — а идя под парусами в это время года, при свежих ветрах с жестокими порывами, можно легко быть отброшенными в Японское море, что с грузом леса на палубе было бы более чем вредно для корвета»[27].

27 октября пошли во Владивосток и прибыли туда в этот же день в шесть часов вечера и стали против своего поста. Все было сделано, продовольствие доставлено. Приступили к его разгрузке. Команда занялась ремонтом корабля после шторма, механики колдовали вокруг машины и котлов, хотя спускать пары совсем командир пока не разрешил. В посту оказался хорунжий Головин, посланный с Амура, из Хабаровки, с целью наладить сообщение с постами Владивосток и Новгородским и привезти начальству сведения о современном состоянии обоих постов.

Головин отправился в сопровождении четырех чело-

[27] Рапорты командира корвета «Гридень»... с. 26.

век из станицы Буссе на четырех лошадях, имея месячный запас продовольствия. Он выполнял предписание, идущее от Н. Н. Муравьева-Амурского, по разысканию кратчайшей и безопасной дороги с Уссури во Владивосток и в залив Посьета. Ему также вменялось в обязанность устроить сообщение между двумя этими постами. Сначала они шли по исхоженному пути, где уже были выставлены русские посты, — по берегу реки Сунгачи. «В настоящее время, — писал впоследствии Головин в газете «Амур», — самые посты — не что иное, как военные караулы — иные с деревянными постройками, другие — с земляными, ничем не огороженные, так как в этом нет никакой необходимости» [28].

Головин, так же как и все те, кто проходил ранее него по этим путям, отмечает пригодность приханкайских степей для развития сельского хозяйства, особенно для скотоводства. Пройдя около 70 верст по берегу озера Ханка, Головин повернул влево, к горам.

25 сентября выпал снег и стало холодно. Перевалили через три хребта, вышли к реке Суйфуну и пошли вдоль берега. Так прошли верст 80 и считали, что находятся уже недалеко от залива Посьета, что до него осталось не более одного дня ходьбы. И крепко просчитались. Целых десять дней ходили они из стороны в сторону. Вскоре кончилось продовольствие. Случайно набрели на избу какого-то отшельника, который и показал им путь... во Владивосток, куда они и прибыли 23 октября.

Вот как описал Головин Владивосток конца октября 1860 года: «Пост Владивосток, в заливе Золотого Рога, лежит на скате довольно высокой горы, упираясь в нее своей задней стороной. Вершина горы, да и самый пост, покрыты лесом. С левой стороны поста находится гора, выдающаяся в море, за ней зимовье и казармы матросов корвета «Гридень»; с правой стороны — местность открытая: в настоящее время в посту живет один офицер и 45 нижних чинов; для них выстроена казарма и домик для офицера» [29].

3 ноября 1860 года Головин в сопровождении трех человек вышел в обратный путь. Повсюду подморозило, и можно было прокладывать путь напрямую, через замерзшие речки и низменные места. И уже 17 ноября ему удалось прибыть на пятый русский пост. Перед своим уходом из Владивостока начальнику поста было приказано «тотчас по открытии зимнего пути открыть сообщение с Новгородским постом, построить где нужно зимовья; одним словом, сделаны были все распоряжения и даны были средства к тому, чтобы поручение, для исполнения которого я сюда прибыл, успешно окончено было и без меня» [30].

С Головиным были отправлены официальные рапорты и частные письма. Егершельд послал свои рапорты, которыми мы с благодарностью и признательностью пользуемся — их опубликовали в журнале «Морской Сборник» и тем самым сохранили бесценные свидетельства первых дней существования постов Владивосток и Новгородский. С Головиным отправил свой рапорт, датированный 1 ноября 1860 года, и начальник поста Владивосток Н. В. Комаров. Он докладывал командиру Уссурийского пешего батальона Амурского казачьего войска, что во вверенному ему посту «построено: 1 казарма, 1 кухня и 1 офицерский дом из сплавного леса, крытые тесом; план же всех как конченых, так и предполагаемых построек и самого укрепления при сем препровождаю» [31].

Более эмоциональную картину того, как строился

[28] Путь от озера Ханка до поста Владивосток. Газ. «Амур», 1861, 21 февраля.

[29] Путь от озера Ханка... с. 119.

[30] Там же, с. 120.

[31] «Морской Сборник». 1862, № 5, с. 79—80.

пост, нарисовал второй начальник поста, сменивший летом 1861 года Комарова, лейтенант Е. С. Бурачок. Он свидетельствует, что лес для постройки зданий солдаты рубили в бухте Новик и в Амурском заливе верст за двадцать от поста, спускали к берегу, соединяли в плоты и на себе тащили эти плоты к посту. «Во время этих проводок случалось, что плоты бывали захвачены противным или боковым ветром; сильным прибоем их разбивало. Счастье, если лес выкидывало на берег,— работа не пропадала; но большею частью бревна разносило, и недельная работа вырубки и вытаски дерева из лесу на берег пропадала совершенно. Солдаты в таком случае вырубали еще и, выбирая ночное время, когда ветер вообще стихал, приводили к месту. На пути встречаются очень приглубые утесы, в иных местах выше пояса. Такие проводки продолжались до начала ноября. Из 40 человек в течение времени только один имел в слабой степени цингу, и тот скоро поправился, пользуемый черемшой (род дикого лука или, ближе, чеснока)» [32].

В другом месте и уже после того, как он сам несколько лет провел во Владивостоке, Е. С. Бурачок написал такие проникновенные слова, что не привести их было бы в высшей степени несправедливо: ведь он писал о русских солдатах. «Нужно отдать справедливость солдатам: они чрезвычайно отчетливы. И неудивительно: эта рота со своим командиром Иваном Францевичем Черкавским с 1854 года не знала постоянного места. Почти все первые постройки по Амуру произведены солдатами этой роты. Такова участь некоторых линейных батальонов Восточной Сибири! Едва обстроятся на одном месте, обзаведутся хозяйством, огородом, их переводят в другое, для новых построек; от того такие команды очень бедны. Следующие за работы день-

[32] «Морской Сборник». 1862, № 5, с. 79—80.

ги инженерное ведомство высылает иногда через несколько лет в самом ограниченном количестве, от учетов по урочному положению, трудно выполнимому на пустынной местности, где разве похождения Робинзона Крузо могут дать понятие о жизни тружеников-солдат» [33].

30 октября в журнале корвета «Гридень» появилась такая запись, характеризующая запасы поста, доставленные из залива Ольги: «Сего числа отправили начальнику поста прапорщику Комарову: солонины 29 пудов 15 фунтов, масла 45 пудов 20 фунтов, гороху 232 пуда 11 фунтов, крупы 155 пудов 7 фунтов, сухарей 21 пуд 15 фунтов, бочек 10 штук, мешков 108 штук» [34]. Свозили на берег с корвета на хранение и свою корабельную провизию.

Вечером 5 ноября ко входу в бухту Золотой Рог подошел транспорт «Японец», так давно ожидавшийся в южных гаванях. Наутро 6-го он втянулся в бухту и стал на якорь недалеко от корвета. Его командир Николай Яковлевич Шкот рассказал Егершельду о том, что ему удалось уйти из Николаевска только 26 сентября, имея на буксире шхуну «Первая». Осенняя погода задержала его в лимане, и он только 14 октября добрался до поста Дуэ, где погрузил четыреста тонн угля и 19-го числа ушел в залив Чихачева. Здесь, в Александровском посту, Шкот принял на борт первых переселенцев, отправляющихся в залив Ольги. Это были Степан Васильев, Николай Григорьев и Иван Никифоров со своими женами, которые были из ссыльных. Кроме них в залив Ольги отправлялись еще пять незамужних ссыльных женщин [35].

[33] Воспоминания За-Амурского моряка. «Морской Сборник», 1865, № 8, неоф. отдел, с. 234—235.
[34] ЦГАВМФ, ф. 870, оп. 1, д. 8413-б, л. 157.
[35] ГАПК, ф. 530, оп. 1, д. 1, л. 2.

В Де-Кастри на «Японец» было погружено, кроме того, шесть голов рогатого скота и шесть мясных туш, которые он с другим продовольствием доставил начальнику поста в заливе Ольги, лейтенанту Маневскому. Тут Шкот встретил ремонтирующийся корвет «Воевода» и передал ему провизию, предназначенную на корабли эскадры И. Ф. Лихачева. 17 ноября транспорт «Японец» ушел в море, в залив Посьета. Там он простоял с 22 ноября по 3 декабря и оттуда отправился в Японию к эскадре И. Ф. Лихачева.

В начале ноября корабли, активно участвовавшие в основании и первостановлении Владивостока и Новгородского поста, стали на зимовку. Транспорт «Японец», как уже говорилось, зимовал в Нагасаки, куда он доставил провизию для кораблей эскадры, стоявших там: фрегата «Светлана», корвета «Посадник», клиперов «Наездник» и «Опричник». Зимовка была короткой. «Я решился отправить на нем, — сообщал в своем рапорте из Шанхая 9 апреля 1861 года контр-адмирал И. Ф. Лихачев, — в новые наши порты Японского моря некоторые предметы первой необходимости, которыми по низким ценам в Нагасаки казалось мне удобным и нужным снабдить новые поселения. Командиру фрегата («Светлана». — А. А.) было поручено купить 45 голов рогатого скота, 15 лошадей, 100 пудов извести, 2 ящика стекла и проч., что все и было погружено на «Японец». Сверх того на транспорте отправлены две китайские лодки, купленные мною в Шанхае, как образцы для судостроения на реке Суйфуне» [36].

Кстати, о командире «Японца» капитан-лейтенанте Н. Я. Шкоте. Им был весьма недоволен И. Ф. Лихачев и намеревался с ним даже распрощаться. 10 августа 1860 года с фрегата «Светлана» он написал письмо управляющему морским министерством адмиралу

[36] «Морской Сборник», 1861, № 7, оф. отдел, с. 31.

Н. К. Краббе, в котором есть и такие слова: «Это офицер, о котором я давно представил бы как о бесполезном для службы, если бы меня не удерживало уважение к контр-адмиралу Казакевичу, хорошим мнением которого он, кажется, пользуется» [37].

В следующем письме он сообщает о нарушении Шкотом его инструкции, по которой «Японец», выйдя из Шанхая 18 июня, должен был сразу идти в Новгородский пост, где тогда был пост Назимова, оттуда обойти весь берег и встретиться обязательно с Казакевичем. Шкот же пошел прямо в залив Ольги, а уж оттуда по постам и затем — в Хакодате. С другой стороны, он очень настаивал на поощрении капитана 2 ранга Н. М. Чихачева за блестящий переход. И Краббе отвечал ему следующее: «Вы так беспокоились о невозможности сдержать Ваше обещание Чихачеву, который к тому же произведен в кап. 1 ранга по единому слову Вашему. Что же касается до других командиров, которых Вы, кажется, собираетесь отправить домой, то я должен предупредить Вас, что это весьма не нравится его высочеству (т. е. великому князю Константину. — А. А.) и что как он, так и общественное мнение во флоте смотрит очень невыгодно на командиров и офицеров, которые возвращаются домой не на своих судах» [38].

Краббе писал также по поводу того, что между мнением Н. Н. Муравьева и мнением М. С. Корсакова есть разница во взглядах в отношении будущности вновь открытых портов и просил Лихачева, как человека беспристрастного и на основательное суждение которого вполне можно положиться, высказать свое мнение великому князю Константину, взвесивши на месте все данные, «которому из новых портов должно быть отдано преимущество при окончательном выборе главного

[37] ЦГАВМФ, ф. 410, оп. 2, д. 4039, л. 2.
[38] Там же, лл. 11 об. — 12.

местопребывания наших судов на Восточном прибрежь России» [39].

Почему-то выпала из поля зрения исследователе и писателей большая роль И. Ф. Лихачева в основани постов в южных гаванях. Мы больше привыкли гово рить о Муравьеве, Казакевиче, Шефнере, Шкоте, Ко марове, Черкавском, а о Лихачеве упоминаем редко Мы постараемся рассказать о нем как можно больше

Усилия многих людей, служивших на Дальнем Во стоке в те годы на самых различных ступенях иерархи ческой лестницы, увенчались успехом. На Дальнем Во стоке воцарился мир. Россия имела единую и надежну границу с соседним Китаем.

Теперь предстояла огромная работа по освоени Уссурийского края и строительству там новых порто и селений.

И эту работу продолжали офицеры Сибирской фло тилии под руководством П. В. Казакевича и офицеры эскадры Тихого океана под руководством И. Ф. Лиха чева. 11 ноября 1860 года он на «Наезднике» заходи в залив Посьета, нашел, что пост живет полнокровно жизнью, что продовольствием он обеспечен до 1 февра ля 1861 года.

Великий князь Константин, узнав о создании пост в заливе Посьета, писал И. Ф. Лихачеву 26 июл 1860 года: «Ты совершеннейший молодец, я обнима тебя от всей души. Все письма твои я давал читать го сударю, и он в высшей степени доволен тем, что ты н пути из Хакодате в Бейтан зашел в залив Посьета основал там пост, не дожидаясь для сего никако особого приказания. Говоря об этом с князем Горчако вым в моем присутствии, он выразился, что именно та ких людей любит и ценит, которые не боятся ответст венности и умеют распоряжаться в затруднительных об

[39] ЦГАВМФ, ф. 410, оп. 2, д. 4039, л. 18.

стоятельствах и находятся, что делать, и что как они редки!» [40].

29 октября 1860 года Н. Н. Муравьев-Амурский направил ему письмо, в котором есть такие слова: «Тринадцатилетние постоянные стремления мои к достижению тех видов, которые должна иметь Россия на Восточном океане, дают мне некоторое право и поставляют меня в обязанность искренне благодарить Вас, милостивый государь Иван Федорович, за основание Новгородской гавани как за важное содействие к исполнению правительственных видов в стране, устройство и развитие которой обязано постоянному покровительству и деятельности государя, великого князя Константина Николаевича, которого Вы имеете счастье быть адъютантом» [41]. И не случайно И. Ф. Лихачев стал в 35 лет контр-адмиралом и был награжден за отличие одним из высших орденов — орденом Владимира 3-й степени. Он внес неоценимый вклад в урегулирование нестабильного в те годы положения на юге Дальнего Востока. Мы еще будем о нем говорить.

А пока наступила зима. В обоих постах занимались прежде всего отделкой помещений на берегу, а также консервацией — это относится к команде «Гридня» — корвета на зимнее время. По опыту прошлых плаваний знали, что зима в этих местах стоит недолго, так что много времени на раздумье не оставляет. Новый, 1861, год встретили дружной семьей. В декабре матросы корвета также перебрались в казармы, и теперь солдаты и матросы ходили друг к другу в гости. Комаров и Егершельд координировали свои действия. Приятным сюрпризом было катание на тройке вдоль берега от поста Владивосток до казарм корвета — просека эта стала

[40] Вице-адмирал И. Ф. Лихачев. (К пятилетию со дня смерти.) «Морской Сборник», 1912, № 11, неоф. отдел, с. 14.
[41] Там же.

через год Светланской улицей — по имени фрегата «Светлана».

Одним из важных дел, которым занималась команда особенно команда «Гридня», было производство зимнего промера глубин в бухте Золотой Рог и проливе Бос фор Восточный. Нужно сказать, что исследование побе режья Уссурийского края с моря велось со времени пла вания фрегата «Паллада». А во время плавания «Аме рики» в 1857 и особенно в 1859 году производилась мор ская опись посещенных мест.

В 1860 году шхуна «Восток», которой командова лейтенант Петр Леонтьевич Овсянкин, производила мор скую опись побережья от залива Св. Владимира до бух ты Америка. Бессменными исполнителями гидрографи ческих работ были братья, поручики корпуса флотски штурманов — М. А. и И. А. Клыковы, а также и неко торые другие офицеры Сибирской флотилии. Эти работы продолжались и были успешно завершены в навигации 1861 года. В эту же навигацию, в 1861 году, офицеры клипера «Гайдамак» описали залив Восток и гаван Гайдамак в заливе Петра Великого. Еще больший раз мах гидрографические работы приняли в последующие годы.

Ну а зимой с 1860 на 1861 год большую работу про делали офицеры и команда корвета «Гридень». Старший офицер корвета Ф. К. Де-Ливрон, старший штурманский офицер П. Ф. Чуркин, а также и другие офицеры органи зовали производство зимнего промера, или, как тепер принято говорить, промера со льда: Чуркин работал бухтах, примыкавших к северной стороне пролива Бос фор Восточный, то есть в бухтах Диомид, Улисс Патрокл, Де-Ливрон промерял Золотой Рог, особенн тщательно меря глубины у берега, где намеревались строить пристани и возводить доки. Вот тогда-то и по явились на картах мысы Чуркина и Эгершельда и неко торые другие названия. Штурман Чуркин произвел не

однократные измерения широты и долготы Владивостока астрономическим способом. Определенные им координаты имеют весьма небольшое расхождение с координатами, определенными в настоящее время, — так точны они были для своего времени. Для астрономического пункта была построена специальная будка рядом с домом начальника поста [42].

Несмотря на некоторое затишье, наступившее в зимнее время, в посту велись работы по заготовке теса для летнего строительства, изыскивалась кратчайшая дорога в Новгородский пост и велась подготовка к открытию навигации 1861 года, которая была не за горами.

Как мы видели, большие топографические и геодезические работы в Уссурийском крае провела Уссурийская экспедиция, но все же их было явно недостаточно для полного представления о топографии и географии огромной приморской территории. Именно поэтому, передавая распоряжение Муравьева, Корсаков предписывал совету Главного управления Восточной Сибири 10 февраля 1860 года, чтобы одновременно с описью русского берега Японского моря произвести съемку «берега моря с островами между устьем реки Суйфуна и заливом Ольги, а также пополнить съемку берега от реки Суйфуна до устья Тюмень» [43].

Во исполнение этого поручения уже летом 1860 года была образована топографическая экспедиция во главе с корпуса топографов поручиком Силиным. Именно топографы этой экспедиции Кудрин и Лисученко были доставлены на «Маньчжуре» в пост Ольга к лейтенанту Маневскому, где с помощью команды «Байкала» произвели съемку окрестностей залива Ольги. Затем они работали на других участках побережья. Но все эти работы были не систематическими — они как бы латали про-

[42] Один из первых планов бухты Золотой Рог и Владивостока хранится в ЦГАВМФ, ф. 410, оп. 2, д. 4257, л. 139.

[43] ЦГАВМФ, ф. 909, оп. 2, д. 19, л. 1.

рехи в большом деле. Они никак не могли дать общей картины географии залива Петра Великого и Уссурийского края.

В. М. Бабкин по окончании съемки побережья от залива Владимира до залива Америка в рапорте П. В. Казакевичу писал 29 сентября 1860 года о том, какие силы и средства нужны, чтобы сделать «подробную морскую опись берега от залива Св. Владимира до Корейской границы»[44].

В это же лето начали свою деятельность экспедиция по изучению леса в Приморском крае под начальством А. Ф. Будищева и экспедиция Сибирского отдела Русского географического общества под руководством Ф. Б. Шмидта.

Главные и первые

Мы хотим ненадолго прервать повествование о Владивостоке и южных гаванях для того, чтобы рассказать о людях, которые начинали освоение Приморья. К сожалению, невозможно рассказать о всех. Расскажем о тех лицах, от действий которых часто зависела судьба дела.

Главный деятель Восточной Сибири и Дальнего Востока в середине XIX столетия Николай Николаевич Муравьев уехал с Дальнего Востока навсегда в начале 1861 года, поэтому просто необходимо с ним попрощаться. Этот норовистый, горячий, смелый человек находился в Сибири и на Дальнем Востоке лучшие свои годы, проводя коренные преобразования в суровом, «забытом богом», каторжном крае. Еще больше от него потребовалось мужества и выдержки, чтобы вплотную заняться амурскими делами.

[44] ЦГАВМФ, ф. 909, оп. 2, д. 19, л. 14.

Выходец из известной старинной дворянской фамилии, Муравьев был прямым потомком лейтенанта Степана Воиновича Муравьева, участника сибирских отрядов экспедиции В. И. Беринга, описавшего морской путь из Архангельска в Обскую губу. Отец его Николай Назарьевич после окончания Горного корпуса служил в Нерчинске, затем — на флоте и дослужился до капитана 1 ранга, командира линейного корабля. Затем он стал вице-губернатором в Новгородской губернии, губернатором которой был Н. И. Сумароков.

Выйдя в отставку, Николай Назарьевич Муравьев поселился в своем селе Покровском на левом берегу реки Невы по Шлиссельбургскому тракту.

Николай Николаевич Муравьев, его сын, родился 11 августа 1809 года в селе Покровском, учился в Пажеском корпусе и по окончании его в 1827 году получил назначение в Финляндский полк, в составе которого участвовал в войне с Турцией, владевшей тогда всем западным побережьем Черного моря. Молодой офицер принимал участие во взятии Варны и за отличие был произведен в подпоручики. Затем, прикомандированный к Пятой Черноморской флотской бригаде, он был зачислен в число десантников, бравших Сизополь, участвовал в осаде крепости Шумлы и взятии Адрианополя.

Во время турецкого похода Муравьев дважды награждался боевыми орденами и золотой шпагой с надписью «За отвагу», получил два чина и стал штабс-капитаном в двадцать лет. Несмотря на такое успешное начало, ему пришлось уйти в отставку, так как он заболел лихорадкой. До 1833 года он жил в имении отца, в бывшей Виленской губернии. Но в 1833 году Муравьев снова оказался в действующей армии, теперь уже на Кавказе — он стал адъютантом командующего Кавказским корпусом генерала Е. А. Головина, когда-то командира Финляндского полка, хорошо знавшего Муравьева.

В бою при Ахульго Муравьева ранило в руку,

После излечения он стал начальником Черноморско береговой линии, а в 1841 году 32-х лет от роду полу чил чин генерал-майора. Вскоре новая и более серьез ная вспышка болезни заставила Муравьева покинут военную службу. В 1844 году он уехал лечиться за гра ницу. Там он познакомился со своей будущей супруго французенкой Екатериной Николаевной де Ришмо Возвратившись в Петербург в 1846 году, Муравьев со стоял при министерстве внутренних дел и вскоре, не бе протекции великой княгини Елены Павловны, стал туль ским военным и гражданским губернатором. Прогрес сивно настроенный, он представил царю Николаю сво проект освобождения крестьян от крепостной зависимо сти. «Вопрос об отмене крепостного права еще не соз рел для разрешения» — будто бы так царь поручи ответить Н. Н. Муравьеву. Но с тех пор царь не упуска случая говорить о Муравьеве, как о либерале и демо крате, что в устах Николая 1 отнюдь не звучало по хвалою [1].

Назначение Н. Н. Муравьева генерал-губернатор Восточной Сибири, происшедшее в 1847 году, также н без вмешательства великой княгини, благоволившей нему еще со времен Пажеского корпуса, вызвало мног противоречивых толков. Обычно ведь в Сибирь посыла лись пожилые и опытные генералы, государственные чи новники, а тут вдруг получил назначение молодой, энер гичный, решительный и самостоятельный в решения боевой генерал. Уместно отметить, что выбор царя, как ми бы мотивами он ни был вызван, оказался весьм удачным. Н. Н. Муравьев сменил на высоком государ ственном посту В. Я. Руперта, который не мог противо стоять злоупотреблениям, процветавшим во всех звен ях управленческого аппарата Восточной Сибири.

Муравьев появился в Петербурге в конце сентябр

[1] Штейн М. Г. Н. Н. Муравьев-Амурский. Дальгиз. 1947, с. 1

1847 года, чтобы во всех деталях познакомиться с положением в Восточной Сибири и в Русской Америке. Он познакомился с состоянием русско-китайских отношений, вник в суть амурского вопроса, в дела кяхтинской торговли и Российско-Американской компании, проявил большой интерес к русскому мореплаванию в морях Дальнего Востока. Знакомство Н. Н. Муравьева с Г. И. Невельским привело к активизации деятельности Геннадия Ивановича на Амуре.

Последовавшие после заключения Айгунского трактата годы, до 1861-го, когда Н. Н. Муравьев все же покинул Восточную Сибирь, были заполнены заботами о заселении Приамурья русскими людьми, освоении Уссурийского края в 50-е годы XIX в.: по Амуру продолжались сплавы, и он нередко участвовал в них сам. Во время этих сплавов были основаны первые казачьи и крестьянские селения по Амуру. Но и до заключения этого договора Муравьев основал ряд селений на нижнем Амуре, а в предписании командиру 13-го линейного батальона капитану Якову Васильевичу Дьяченко 30 июня 1858 года Муравьев указывал, что поступающие в этом году 154 семейства должны быть размещены в шести селениях, из коих четыре выше Уссурийского поста «на пространстве 90 верст вверх по реке Уссури. Для заселения казаков сих должны быть командированы в пособие (то есть для помощи. — **А. А.**) от вверенного Вам батальона столько людей, чтобы казаки своевременно успели дойти до своих мест, обстроиться, накосить сена и приготовить озимовые посевы. Из числа же людей, которые будут отправлены в помощь казакам, прошу Ваше благородие оставить на зиму при верхних селениях казачьих на Уссури и выше последнего селения еще верстах в 20-ти до ста человек нижних чинов, которым и выстроить особое во всех сих местах помещение».

Продолжая инструктировать Дьяченко, Муравьев обязывал его в сношениях с местными жителями «руко-

водствоваться общепринятыми у нас правилами доброты и снисходительности»; он писал далее, что «местополо. жение штаба вверенного Вам батальона принимает на. звание Хабаровки. 1-е селение вверх по Уссури — Кор. сакова, 2-е — Казакевича, 3-е — Невельского, 4-е — Дья. ченки, 5-е — Киселева, 6-е — Будогосского и 7-е — Веню. кова». Все названия даны им по фамилиям активны участников Амурского дела [2].

Важнейшим делом Муравьева было и в дальнейше заселение Приамурья, а после заключения Пекинского договора в 1860 году — Приморья.

В 1859 году во время плавания на пароходе «Амери. ка» он лично сам осмотрел южные гавани и наметил ме. ста для основания постов — Новгородского и Владиво. сток. Во время экспедиции Будогосского были основаны некоторые посты по сухопутной границе, по реке Сун. гаче и на озере Ханка. В 1860 году было образовано Амурское казачье войско. Всего же через два года после заключения Айгунского трактата там находилось около. ста населенных пунктов. В верхнем течении Амура рас. положилось 39 казачьих станиц, в которых было 687 дво. ров с 4992 жителями; в среднем течении — 36 станиц с числом дворов до 400 и числом жителей до 2500, в ни. зовьях — пять русских селений с числом жителей около 1000, в Уссурийском крае — 5 казачьих станиц.

Кроме того, существовали военные посты во Влади. востоке и в Новгородской гавани, Мариинске, Софий. ске, Хабаровке, в Николаевске-на-Амуре проживало 2455 человек, в Благовещенске — 3225. Всего на Амуре находилось более 15-ти тысяч человек [3].

Все это — результат деятельности Н. Н. Муравьева. Он прекрасно понимал значение содеянного им и не бе.

[2] ЦГАВМФ, ф. 909, оп. 1, д. 26, лл. 71—72.
[3] Кабанов П. И. Амурский вопрос. Благовещенск, 1959, с. 200.

злой иронии писал 29 августа 1860 года заведующему Азиатским департаментом МИД России Е. П. Ковалевскому из Иркутска: «Живы ли г. Нессельроде и Сенявин, а также и Любимов (канцлер и его коллега по министерству иностранных дел России до А. М. Горчакова. — **А. А.**), если живы, то надо бы им послать Айгунский договор с моим портретом как единственную месть за доброе их к этому делу расположение» [4].

«Заключение Пекинского договора явилось огромным шагом вперед к установлению точной и постоянной границы между Россией и Китаем. Положен был конец вековому спору о Приамурье и неразграниченных землях. Достигнутое соглашение способствовало развитию мирных отношений между народами обеих стран, несмотря на агрессивный колониальный характер политики царизма и реакционную сущность цинского владычества в Китае...» [5].

Деятельность Н. Н. Муравьева-Амурского во многом предопределила эти успехи русской дипломатии. А ведь по Айгунскому и Пекинскому договорам 1858—1860 годов Россия возвратила себе Приамурье, которое в середине XVII в. являлось частью Русского государства, и получила Приморье, фактически никогда не принадлежавшее какому-либо государству. Оставался до конца не решенным лишь вопрос о Сахалине, южная часть которого продолжала оставаться в совместном владении России и Японии на основании Симодского договора 1855 года.

...Настало время вдохнуть жизнь в Приамурье, Приморье и Сахалин. Время это должно было быть не менее трудным, чем годы борьбы за возвращение Россией своих земель. Н. Н. Муравьев отлично понимал необходимость некоторых реформ по управлению огромными

[4] РОГПБ, ф. 356, д. 271.
[5] Международные отношения на Дальнем Востоке. Кн. 1. М., 1973, с. 103.

территориями. В качестве одной из первых мер он предложил разделение Восточной Сибири и Дальнего Востока на два генерал-губернаторства. И получил отказ. Муравьев и ранее собирался покинуть Сибирь и Дальний Восток — у него к тому же было больное сердце. Это ускорило отъезд Н. Н. Муравьева на лечение за границу.

Он приготовил себе замену. Корсаков, сподвижник и родственник губернатора (они двоюродные братья по материнской линии), продолжил дела по освоению земель русского Дальнего Востока. Н. Н. Муравьев сделал свое дело, теперь предстояло преемникам развивать его. «Граф Муравьев блестящим образом вырешил все спорные вопросы и увенчал ряд многолетних, настойчивых домогательств России к возвращению владений ее на Амуре. Бесспорно и навсегда утверждены права России на владение прекрасною страною, щедро наделенною богатствами природы и ожидающею лишь большего населения, которое бы воспользовалось ее богатствами и благоприятными географическими и климатическими условиями для прочного и успешного развития»[6].

В середине января 1861 года Н. Н. Муравьев-Амурский навсегда уехал из Иркутска, из Восточной Сибири. Хлебосольные иркутские жители в течение нескольких дней устраивали всевозможные званые обеды, на которых произносились речи, прославляющие деятельность губернатора. Обеды давали чиновники, купцы, члены совета Главного управления Восточной Сибири, губернаторы областей, его преемник М. С. Корсаков. Затем дал прощальный обед сам генерал-губернатор. И так продолжалось с 12 по 17 января 1861 года. В последний день после молебна в кафедральном соборе Н. Н. Муравьев-Амурский был приглашен в дворянское собрание. Торжество завершилось триумфом: Н. Н. Муравьев «был торжественно вынесен из собрания на руках общественников и поехал, сопровождаемый толпою провожавших его горожан и служащих, в Вознесенский монастырь, откуда, помолившись святителю, отправился в далекий путь»[7].

[6] Шумахер П. В. К истории приобретения Амура. Русский архив. Кн. 3, Спб, 1878, с. 333.

В Петербурге граф Н. Н. Муравьев-Амурский был назначен членом Государственного совета. Затем он уехал лечиться за границу, в Париж, много путешествовал по Европе. Николай Николаевич не переставал жить Сибирью. Он вел обширную переписку с М. С. Корсаковым и многими другими бывшими сослуживцами. Он писал ходатайства в Петербург, находился в постоянной переписке с военным министром Д. А. Милютиным, министром просвещения А. В. Головниным, канцлером А. М. Горчаковым.

По настойчивой рекомендации Н. Н. Муравьева был произведен в генерал-майоры начальник штаба войск Сибири Б. К. Кукель. Как это произошло? Это видно из его письма военному министру Д. А. Милютину. Из Парижа Н. Н. Муравьев писал: «Корсаков представляет вне правил начальника штаба Кукеля в генерал-майоры, я также его представлял, но департамент не хотел этого сделать, хотя вне правил не следовало бы отказывать. Я убежден, что Вы имеете другой взгляд на производство, чем его имели прежде, а потому прошу Вас произвести Кукеля для пользы службы, он таких способностей и нравственности, каких мало у нас в России генералов»[8]. И Болеслав Кукель стал генерал-майором и военным губернатором Забайкальской области.

А когда над ним сгустились тучи в связи с событиями в Польше, Б. Кукеля начали подозревать в прича-

[7] Газ. «Амур», 1861, № 6, 21 января.
[8] РОБЛ, ф. 169, 70, 50, л. 1.

стности к польским событиям, имея в виду его нацио-нальную принадлежность. Муравьев немедленно, как только ему стало об этом известно, писал военному министру: «Я уже слышал, что Кукель подвергся какому-то подозрению, и пожалел о нем, как о человеке с отличными способностями и прекрасным сердцем... Теперь же вижу, что и сам он не может себе представить причины падающего на него обвинения» [9]. В конце концов обвинения с Кукеля были сняты.

Муравьев через Д. А. Милютина выхлопотал место в министерстве и его брату Брониславу, который в дальнейшем служил по акцизному ведомству в Курской, Тульской, Курляндской, Ярославской и Костромской областях. В 1895 году он был управляющим Костромским акцизным управлением в чине действительного статского советника.

Восточной Сибири и Дальнему Востоку повезло, что генерал-губернатором был в этих обширных зонах империи Н. Н. Муравьев. Человек он был несомненно талантливый. О нем сохранились самые противоречивые мнения. Н. Н. Муравьева современники или восторженно хвалили, или жестоко ругали: в зависимости от личных с ним отношений, но равнодушных высказываний о нем не сохранилось. Его или любили и ценили, как крупного государственного деятеля, или ненавидели. Причем последних было значительно меньше, чем первых.

Первое появление его в Иркутске и знакомство с местными чиновниками показало, что он не намерен терпеть далее мошенничество и казнокрадство, которые, как ему было известно, процветают, в частности в горном отделении. Вызвав к себе в первый же день своего губернаторства начальника золотого стола Мангазеева, о махинациях которого с золотом ему стало известно

[9] РОБЛ, ф. 169, 70, 50, л. 37.

еще по дороге, Н. Н. Муравьев публично разделался с ним.

Сам Мангазеев впоследствии рассказывал об этой первой своей и последней встрече с Муравьевым во время официального приема: «Стою, а возле меня стоит Савинский. Он и моложе меня по службе и заведовал-то всего соляным столом. Представляют его Муравьеву. «Я так много слышал о вас хорошего», — и пошла писать: рассыпался в комплиментах... Потом вдруг спрашивает: «А где же Мангазеев?» Ну, думаю, если уж Савинского так расхвалил, то меня просто расцелует. «Я надеюсь, что вы не станете со мной служить». Вот тебе и похвала!» [10].

Конечно, не поздоровилось многим, немало казнокрадов было отдано под суд, некоторые из них поспешили по доброй воле навсегда уехать из Восточной Сибири. На Муравьева посыпались жалобы в Петербург, оттуда шли распоряжения, запросы. Стоявшие у власти в Петербурге высокопоставленные чиновники пользовались доносами и кляузами, чтобы обвинить Муравьева во всех грехах. Принимались меры к тому, чтобы больно кольнуть генерал-губернатора — выскочку. Так по чьей-то злой воле было задержано без объяснения причин его утверждение в 1849 году в должности генерал-губернатора и о производстве в генерал-лейтенанты.

Муравьев боролся изо всех сил. По словам И. А. Гончарова, «предприимчивый дух этого энергичного борца возмущался: человек не выдерживал, скрежетал зубами, и из обыкновенно ласкового, обходительного, приличного и любезного он превращался на мгновение в рыкающего льва» [11]. Н. Н. Муравьев-Амурский в письме к брату жаловался: «Всем им хороши были генерал-губернаторы, которые любили есть, пить, волочиться и

[10] Барсуков И. П. Указ. соч. Кн. 1, с. 179.
[11] «Русское обозрение», 1891, январь, с. 9—10.

наживаться, но когда государю угодно было назначить меня сюда, то они воображали, что обойдутся красными словами. На беду их бог дал мне молодость и глубокую преданность России... Вот и пошли на меня войной, конечно кабинетною, чернильною, дипломатическою...» [12].

Зато людей преданных делу, людей бескорыстных и честных Муравьев всячески поддерживал и приближал к себе, смело им доверял, продвигал по службе. Он ценил Запольского, Зарина, Казакевича, Невельского, Завойко, Кропоткина, обоих Кукелей, Шанявского, Ядринцева, Буссе, Будогосского, Венюкова, Лихачева, Чихачева, других преданных делу людей. Он ценил не слепо, а, доверяя, присматривался к каждому их шагу. Он ценил их до той поры, пока они безоговорочно выполняли его волю и проявляли инициативу лишь в рамках его предначертаний. Если же кто-либо осмеливался перечить ему, критиковать его, и притом делал это не раз и не два, то такому сослуживцу в лучшем случае была обеспечена почетная отставка, что в конце концов случилось с Невельским, с Завойко и некоторыми другими лицами.

Особым было отношение Муравьева к декабристам, к петрашевцам, вообще к политическим ссыльным. Он превосходно понимал, из какого круга вышло большинство декабристов. И он не только разрешил им проживать в Иркутске и в Чите, не только приглашал их к себе и сам бывал в их семьях, но стремился использовать их знания и образованность, привлекая их к своему делу. И надо сказать, что большинство декабристов это понимали. Исключением были Завалишин и Петрашевский. Особенно первый, который считал, что вся «система колонизации (Амура и Приморья. — А. А.) была ошибочна, и сверх того прилагалась к делу самым бестолковым образом и со всевозможными злоупотреблениями» [13]. А сам Муравьев, по мнению Завалишина, «был человек, вполне преданный корыстным целям, и притом шарлатан большой руки, отчего и его самого так много надували такие же шарлатаны» [14].

Вряд ли можно считать такую критику серьезной и обоснованной. В большом деле, конечно же, невозможно обойтись без ошибок. К тому же и Муравьев был не без недостатков. Очень хорошо о губернаторе сказал сибирский статистик Вагин: «Все хорошее, что было сделано Муравьевым, было результатом его ума, все дурное — его характера» [15].

Главным недостатком, как это отметил П. И. Кабанов, Муравьева была вера в свою начальническую непогрешимость; отсюда нежелание объективно проверять результаты мероприятий, предпринимаемых по его инициативе, нетерпимость к критическим замечаниям. Этот недостаток в Муравьеве усилился по мере его успехов в амурских делах, по мере роста его славы как генерал-губернатора Восточной Сибири [16].

И все же тысячу раз прав Кропоткин, который писал о Муравьеве: «Он был очень умен, очень деятелен, обаятелен как личность и желал работать на пользу края». Дальние родственники Муравьева были декабристами. Известно его своеобразное участие в побеге М. А. Бакунина за границу из Сибири. Он просто закрыл глаза на это дело и открыл их тогда, когда Бакунина не было в России. Вполне возможно, что тут сыграло роль то обстоятельство, что Бакунин был женат на Наталье Семеновне Корсаковой — двоюродной сестре Муравьева и родной сестре М. С. Корсакова.

[12] Барсуков И. П. Указ. соч. Кн. 1, с. 271—272.

[13] Амурское дело и влияние его на Восточную Сибирь и государство. «Русская Старина». Спб, 1881, № 9, с. 96.

[14] Завалишин Д. И. Записки декабриста. Спб, 1906, с. 390.

[15] Кабанов П. И. Указ. соч., с. 87.

[16] Там же, с. 88.

Вполне возможно. Но не случайно впоследствии Бакунин писал Герцену 7 ноября 1860 года о Муравьеве: «Это человек в высшей степени современный и просвещенный... Он решительный демократ, как мы сами». А в письме 8 декабря 1860 года Бакунин писал, что Муравьев «единственный человек, пользующийся силою и властью в России, которого без малейшей натяжки и в полном смысле этого слова мы можем и должны назвать нашим» [17]. И нет ничего удивительного в том, что предшественник иркутского гражданского губернатора В. Н. Зарина Пятницкий был снят с должности «уже по злостному доносу на Н. Н. Муравьева, на которого он доносил, что он стал на дружескую ногу со всеми государственными преступниками». Это написал декабрист М. А. Бестужев [18].

Н. Н. Муравьев-Амурский крепко стоял на том, что управлять Восточной Сибирью должны люди, лично ему известные или с рекомендациями своих людей. Поистине отеческой можно назвать привязанность Муравьева к своему двоюродному брату Михаилу Семеновичу Корсакову, которого он с юношеских лет взял в Сибирь и настоял на том, чтобы именно он занял его место после ухода в отставку. Сделал это, хотя и понимал, что Корсаков — это не он сам. История доказала, что выбор Муравьева был не из удачных, ибо М. С. Корсаков большими достоинствами не обладал.

Но Муравьев всеми доступными ему средствами стоял на своем и всячески его поддерживал. 24 ноября 1861 года он писал Д. А. Милютину из Парижа: «Рекомендую Вам Корсакова не только как отменно полезного генерала, но и как человека с сердцем, в обширном смысле этого слова, с правилами твердыми, самого лучшего направления и, по моему мнению, необходимого для Сибири, по крайней мере на пять лет; поддержите его и ободрите дружеским словом, а то другие министерства так его загоняли после меня, что, пожалуй, он и не выдержит» [19].

Муравьев из Франции просил не только за Корсакова и Кукелей, он принимал участие в делах К. Ф. Будогосского, Д. И. Романова, Н. Мартынова и многих других. Одно из писем Д. А. Милютину он послал с Д. И. Романовым, «который изучал в Америке способы проведения телеграфа по местам пустынным, для применения их на Амуре и при этом же случае знакомился с бытом и жизнью славян американских, предполагающих переселиться в Амурский и Уссурийский край. Романов человек отлично умный, деятельный и способный» [20].

Сообщая Д. А. Милютину о том, что П. В. Казакевич просит канцлера А. М. Горчакова наградить Будогосского пенсионом в 1500 рублей в год, Муравьев писал ему, что «Будогосский хотя имеет свои недостатки, но в этом деле, т. е. разграничения, которым он занимается уже три года, т. е. со дня Айгунского трактата, он оказал такие подвиги и так трудился, что пенсион ему следует, а он притом человек больной, с большим семейством и редкой честности — будьте же отцом командиром, и если Горчаков не станет ходатайствовать, то хоть Вы на него воздействуйте и дайте Будогосскому пенсион». Это письмо было написано 5/17 сентября 1861 года из Парижа, а уже 13/25 ноября того же года, получив известие о представлении к награждению Будогосского орденом, Муравьев написал Милютину, что «следующий ему орден был бы Станислава I степени, но как полковник не может иметь этого ордена, а к чину его не представляют, да и нельзя произвести,

[17] Кабанов П. И. Указ. соч., с. 87—88.
[18] Записки Михаила Александровича Бестужева. «Русская Старина», 1881, № 11, с. 651.
[19] РОБЛ, ф. 169, 70, 50, л. 5—5 об.
[20] Там же, л. 7.

то мне кажется, справедливо было бы дать ему хоть землю по чину, вместо ордена»[21].

Ну, а о братьях Буссе и говорить не приходится. Николай Вильгельмович Буссе, ближайший друг М. С. Корсакова по Семеновскому полку, был приглашен на службу в Восточную Сибирь по его протекции и сделал там головокружительную карьеру, закончив жизнь в должности губернатора Амурской области в чине генерал-майора, а начал службу в Сибири со штабс-капитана. И все это за 13 лет[22]. Не менее удачливым оказался и вызванный затем его брат Бернгард Буссе, принявший командование 4-м линейным батальоном Восточной Сибири от Я. В. Дьяченко.

Приведем еще одно высказывание о Муравьеве-начальнике и Муравьеве-человеке, принадлежавшее одному из его подчиненных А. И. Заборинскому: «Н. Н. Муравьев обладал быстрым соображением и предприимчивостью, характера был настойчивого и необыкновенно деятелен, посвящая все время служебным занятиям и всегда готовый преследовать зло. В обхождении с подчиненными был прост и ласков. Он был чужд всякой военной формалистики и даже того свойственного военным тщеславия, чтобы как начальник, окруженный свитою, рисоваться своим командирством перед войсками, которых он почти никогда и не осматривал. Вместе с тем Н. Н. Муравьев, как человек нервный и страдавший сердцем, был иногда до крайности раздражителен, что и было причиною некоторых с его стороны неуместных выходок и ошибочных поступков»[23].

Совершенно непреклонен был Муравьев в проведении государственной политики на Дальнем Востоке.

[21] РОБЛ, ф. 169, 70, 50, лл. 1—3.

[22] Алексеев А. И. Дело всей жизни. Хабаровск, 1972, с. 195—197.

[23] Заборинский А. И. Граф Н. Н. Муравьев-Амурский. «Русская Старина», 1883, т. 38, отд. оттиск, с. 4.

Муравьев искусно и решительно вел главное дело своей жизни. Он при назначении в Сибирь спрашивал у царя об Амуре, он интересовался им потому, что отлично понимал колоссальное значение Амура не только для судьбы Дальнего Востока, но и для судьбы всей Сибири. И поэтому Муравьев с таким неподдельным интересом встретил Невельского, поэтому он по достоинству оценил его порывы и его инициативу в решимости поднять завесу над устьем Амура и Сахалином. Прекрасно зная о том большом влиянии, которое имеет великий князь Константин на членов кабинета министров, и зная также о его интересе к амурскому вопросу, он 2 марта 1854 года информировал Константина о письме Г. И. Невельского, в котором сообщалось о выставлении поста в заливе Анива на Сахалине, и поддержал ходатайство Невельского о награждении принимавших в этом деле участников Амурской экспедиции. А затем он писал: «Весьма замечательное обращение Невельского с японскими властями и жителями Сахалина, и в особенности то, что и те и другие собираются покойно стать под защитою нашей батареи и команды. Все это доказывает доверие и уважение, приобретенные Амурской экспедицией, несмотря на всегдашние в том сомнения министерства иностранных дел; оно не может поверить, чтобы прямыми и добровольными действиями с надлежащею энергиею можно было успевать, тогда как оно всеми своими хитростями и страхом англичан никогда ничего полезного для России не достигло, разве только нынешней войны (имеется в виду Крымская война. — А. А.), но и той без намерения»[24].

Муравьеву удалось добиться разрешения правительства на самостоятельные действия, которые в конце концов привели к заключению Айгунского договора 1858 года. Очень хорошо, на наш взгляд, сказал о ро-

[24] ЦГАОР, ф. 722, оп. 1, д. 431, л. 43.

ли Муравьева в решении этого вопроса один из его сослуживцев — Б. В. Струве: «Муравьев первый указал, что вопрос о приобретении всего течения реки Амура может быть с успехом поднят только тогда, когда в наших руках будут не только ключи от входа в эту область, но и выхода из нее, т. е. когда мы, владея истоками Амура, станем твердою ногою на восточном прибрежье, примыкающем к устью этой реки и не составляющем в то время ничьей собственности»[25]. Воистину так. Но Муравьев не остановился на полпути. Он хорошо понимал, что одно разграничение — это еще не освоение. На Амур было организовано широкое переселение крестьян не только из сибирских губерний, но также и из центральных районов страны. В предписании М. И. Венюкову от 31 мая 1858 года подчеркивалась необходимость исследования мест, удобных для заселения, в частности по правому берегу Уссури и в направлении к заливу Владимира Японского моря.

Итог этой политики: в 1858—1862 годах в Амурскую область было доставлено 10 576 человек, а в Приморскую — 5401 переселенец[26].

Из всего этого видно, что Муравьев, пользуясь данной ему огромной властью, в своих проектах и особенно в их осуществлении шел намного дальше общей правительственной линии, часто ставя правительство уже перед лицом совершившихся действий. Отстаивая честь и достоинство России, проводя прозорливую политику, Муравьев сумел использовать сложившуюся на Дальнем Востоке политическую обстановку таким образом, что возвращение к России Приамурья и присоединение Приморья произошло мирным путем и получило международное признание.

[25] Струве Б. В. Воспоминания о Сибири 1848—1854 гг. Спб. 1889, с. 4.

[26] Кабузан В. М. Как заселялся Дальний Восток. Хабаровск, 1973, с. 51.

С конца 60-х годов XIX в., когда все муравьевские генералы так или иначе ушли с Амура (умерли М. Корсаков и Н. Буссе, перевелся на запад П. Казакевич), постепенно ослабевали связи Муравьева с Сибирью и с Дальним Востоком. Но с Россией он не порывал, хотя и продолжал жить в Париже. Несколько раз он предлагал свои услуги царю на любом поприще, достойном его опыта и знаний, но неизменно ему давали понять, что правительству удобнее, если он, либерал, будет продолжать оставаться членом Государственного совета. Так случилось и в войну 1877—1878 годов, когда Муравьев писал из Парижа А. В. Головнину: «По званию моему генерал-адъютанта я не вправе назначать себе место, но разумеется, что в настоящее военное время я не могу ни от чего отказываться, что благоугодно будет государю мне назначить делать»[27].

В этом же письме есть свидетельство причастности Муравьева к устройству в Сибири университета: «Вполне сочувствую учреждению Сибирского университета и, разумеется, буду об этом говорить в Общем Собрании (имеется в виду собрание Географического общества. — А. А.), но не разделяю мнения о выборе Омска для этой цели; по моему мнению, должен быть или Томск, или Иркутск»[28].

Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский умер в Париже 18 ноября 1881 года и был похоронен в семейном склепе родственников жены Екатерины Николаевны де Ришмон на кладбище на Монмартре. В 1908 году его останки были перенесены в отдельную могилу там же на Монмартре. Осуществившие это купцы и власти Хабаровска, Владивостока и Никольска-Уссурийского установили на могиле надгробие и возложили серебряный венок с надписью: «Города Примор-

[27] РОБЛ. Архив А. В. Головнина, д. 129, л. 1—1об.

[28] Там же.

ской области Хабаровск, Владивосток и Никольск-Уссурийский—графу Муравьеву-Амурскому. 1858—1908» [29].

Проживающий во Франции Н. П. Остелецкий разыскал по нашей просьбе могилу Муравьева, которая, по его словам, находится в крайнем запустении и с 1909 года никем не посещалась. Он принял меры к приведению в порядок могилы русского государственного деятеля и патриота Сибири и Дальнего Востока. На присланной фотографии могила имеет вполне приличный вид, в нише виден сохранившийся серебряный венок, привезенный сюда с берегов Дальнего Востока.

Муравьев был сыном своего времени, представителем правящего класса царской России. Отзывы о нем, несмотря на противоречивость, сводятся к признанию его несомненных заслуг перед Россией. Мы больше не станем приводить эти высказывания. Их множество. Нам, советским людям, Н. Н. Муравьев-Амурский дорог своими делами и горячим патриотизмом, дорог тем, что во многом благодаря его стараниям Приамурье, Приморье и Сахалин навечно остались в составе нашего государства.

Несомненно, что другим крупнейшим деятелем той поры на Дальнем Востоке был Петр Васильевич Казакевич, но он еще долго пробудет на Дальнем Востоке, и мы с ним неоднократно встретимся на страницах книги. А вот Иван Федорович Лихачев заканчивал в 1861 году свое пребывание на посту командующего эскадрой и прощался с моряками, которых успел полюбить и хорошо узнать.

Он родился в Казанской губернии 31 марта 1826 года. Мать его была родной сестрой известного поэта И. И. Панаева. С 13-летнего возраста Лихачев на флоте — кадет Морского корпуса, который окончил мичманом в 1843 году. По окончании учебы попал в офицерский класс, после чего проходил службу на Черноморском флоте.

[29] Русский некрополь в чужих краях. Вып. 1. Париж и его окрестности. Пгр., 1915, с. 60.

Круто изменилась жизнь молодого офицера в 1850 году, когда в ответ на просьбы Главного правления Российско-Американской компании о защите территории Русской Америки, а также порта Аян и Камчатки от нападения с моря иностранных кораблей было высочайше повелено: «Корвет «Оливуца» отправить ныне же в крейсерство в Охотском море для ограждения прав Российско-Американской компании, по производству в тамошних водах китоловства, отнесением издержек, требующихся на приготовление, отправление и содержание корвета на все время крейсерства на счет Государственного казначейства» [30].

Корвет «Оливуца» (бывший «Менелай») находился в Средиземном море. Командовал им капитан-лейтенант Иван Николаевич Сущев, а старшим офицером на корабле был лейтенант Иван Федорович Лихачев. Случилось так, что Лихачеву пришлось стать не только свидетелем, но и участником событий, связанных с действиями Амурской экспедиции, работать вместе с Г. И. Невельским. Прибыв в порт Аян Российско-Американской компании, И. Н. Сущев получил предписание Н. Н. Муравьева идти к селению Петровскому (первое русское селение, основанное Г. И. Невельским 29 июня 1850 года на кошке залива Счастья) «сколько позволят глубина и обстоятельства погоды, войти там в сношение с капитаном 1 ранга Невельским, от которого принять бумаги и депеши и все, что он признает нужным, отправить в Аян или Петропавловский порт...» [31].

Корвет «Оливуца» подошел к рейду селения Петровского как нельзя вовремя. Именно в это время Амурская

[30] ЦГАВМФ, ф. 909, оп. 2, д. 282, л. 1.

[31] АВПР, ф. 339, оп. 888, д. 884, л. 43; ЦГАВМФ, ф. 909, оп. 2, д. 282, л. 21.

экспедиция — первый ее отряд — на транспорте «Байкал» и барке Российско-Американской компании «Шелихов» пыталась высадиться на кошку залива Счастья. При этом барк затонул, сел на мель «Байкал», и подоспевший корвет помог высадке экспедиции и основанию Петровского. С корвета в штат экспедиции перешел совсем юный мичман Николай Матвеевич Чихачев, тот самый, который впоследствии командовал «Америкой» и «Светланой».

Затем корвет побывал в Аяне, оттуда ушел в Петропавловск-Камчатский. Здесь, перебираясь на шлюпке с берега на корвет, утонул командир корвета И. Н. Сущев. Старший офицер Иван Федорович Лихачев вступил в командование корветом. Этим же летом (1851 года) он снова побывал в Петровском, доставив Невельскому двух молодых офицеров — А. И. Петрова и Г. Д. Разградского. Затем он был произведен в капитан-лейтенанты.

«Пребывание в здешних местах корвета «Оливуца» увеличило наше влияние и поселило к нам еще более уважения в глазах туземцев. Пользуясь этим мнением и расположением к нам народа как для ознакомления со страною, так и для большего сближения с жителями, я постоянно имею в земле гиляков торговые экспедиции» — так оценивал значение пребывания корвета «Оливуца» в районе действия Амурской экспедиции ее начальник Г. И. Невельской в письме великому князю Константину [32].

Возвратившись с Дальнего Востока ввиду болезни на Балтику, И. Ф. Лихачев после начала Крымской войны был отправлен на Черное море, где принимает активное участие в обороне Севастополя в качестве флаг-офицера вице-адмирала В. А. Корнилова. В конце войны он был контужен, стал капитаном 2 ранга, был

[32] Алексеев А. И. Указ. соч., с. 151.

награжден орденами. После войны получил чин капитана 1 ранга, а с 1858 года стал адъютантом великого князя Константина. Некоторое время служил на броненосной эскадре Балтийского флота.

В январе 1859 года И. Ф. Лихачев подал генерал-адмиралу записку о состоянии флота, и в частности Тихоокеанского флота, в которой доказывал и обосновывал необходимость иметь на Дальнем Востоке самостоятельную эскадру. Несколько позже, когда все это удалось осуществить, великий князь Константин писал Лихачеву: «Я никогда не воображал, чтобы все наши планы, которые в январе месяце вечером в Кронштадте (помнишь ли?) мы с тобой сочиняли, могли до такой степени буква в букву исполниться, и исполниться так счастливо и так вовремя».

Затем последовали события, о которых написано уже в предыдущей главе и окончание их будет изложено в следующей.

В заключение рассказа о дальневосточной деятельности И. Ф. Лихачева приведем отзыв о нем П. В. Казакевича, приведенный в его рапорте 21 августа 1861 года: «Я не имею права что-либо сказать о контр-адмирале Лихачеве и его распоряжениях в южных гаванях, ибо Вашему высокопревосходительству более известна (рапорт адресован управляющему морским министерством. — А. А.) его служебная деятельность; но как начальник края я только вижу огромную пользу, кою для него может принести начальник эскадры, который вполне поймет значение наше во вновь приобретенной стране, действуя в общих пользах. Я считаю обязанностью доложить, что всем, что есть полезного ныне в гаванях Владивосток и Новгородской, край обязан начальнику эскадры» [33].

Отметим еще, что в ЦГАВМФ СССР сохраняются

[33] ГАПК, ф. 530, оп. 1, д. 2, л. 34.

все документы о пребывании корвета «Оливуца» на Дальнем Востоке, служебная переписка И. Ф. Лихачева во времена Амурской экспедиции, документы о посылке эскадры И. Ф. Лихачева и другие материалы вице-адмирала. Хочется думать, что эти материалы найдут своего исследователя [34].

Имя патриота и мореплавателя, много сделавшего для Дальнего Востока, Ивана Федоровича Лихачева увековечено на карте Дальнего Востока. Там есть мысы Лихачева — в бухте Тунгус в заливе Петра Великого и в бухте Комсомольской в Анадырском заливе, а также пролив, отделяющий в Охотском море остров Спафарьева в Тауйской губе от материка.

Нам осталось в этой главе рассказать еще о командире и старшем штурманском офицере корвета «Гридень» Густаве Христофоровиче Егершельде и Павле Филипповиче Чуркине. Сначала о командире. Точная дата рождения его не установлена, но, судя по тому, что уже 18 июня 1841 года Егершельд стал кадетом Морского корпуса, это произошло в 1828 или 1829 году. В 1846 году он был гардемарином и в следующую кампанию плавал на корабле «Лефорт» и фрегате «Цесаревич» в Немецком море. После производства в мичманы Егершельд несколько лет прослужил на Балтийском море на различных кораблях, а в 1853 году был зачислен на транспорт «Неман», направляющийся в кругосветное плавание. Но оно оказалось неудачным. После крушения транспорта в шведских шхерах у маяка Винго Егершельд возвратился в Кронштадт. Во время Крымской войны он находился в отряде канонерских лодок, которые защищали крепость Свеаборг, в 1854 году был произведен за отличие в лейтенанты. 1856—1857 годы Егершельд занимался гидрографическими работами в Финском заливе.

[34] ЦГАВМФ, ф. 16, оп. 1, д. 19, 24, 26, 97, 101, 102, 109, 127.

В 1858 году он был назначен командиром корвета «Гридень», который в составе эскадры А. А. Попова, состоящей еще из корвета «Рында» и клипера «Опричник», отправлялся на Дальний Восток. Деятельность Г. Х. Егершельда описана в предыдущей главе. Нужно сказать теперь о том, что переведенный на клипер «Стрелок», он на нем в 1861 году ранней весной ушел в Кронштадт. 1 января 1862 года он был произведен в капитан-лейтенанты и награжден орденом Станислава 2 степени. Вся последующая служба Г. Х. Егершельда прошла на Балтийском море, в Финляндии, в Свеаборге. Скончался он 1 февраля 1871 года совсем еще молодым, ему было немногим за сорок лет.

Мы в разные годы, начиная с 1974-го, делали попытки разыскать следы Егершельда в Финляндии, но все они оказались безрезультатными. И еще одно уточнение, которое мы заимствовали из статьи Б. Г. Масленникова, знатока происхождения названий на карте Дальнего Востока: «В повседневном обиходе Эгершельдом (сейчас стали писать и произносить так, а в прошлом веке существовало одно написание — Егершельд, да и сам владелец фамилии подписывался таким образом. — **А. А.**) называют весь район Владивостока, начиная от Привокзальной площади и кончая мысом, на котором стоит маяк Токаревский. На самом деле этот район расположен на полуострове, носящем имя военного моряка Н. Шкота. В честь Эгершельда же первые исследователи назвали мыс, выступающий от полуострова в сторону бухты Золотой Рог вблизи того места, где в настоящее время расположен кинотеатр «Вымпел» [35].

Несколько слов о штурмане Чуркине, именем которого во Владивостоке назван мыс, а точнее, как утверждает Б. Г. Масленников, полуостров. Дело в том, что

[35] Масленников Б. Г. Мыс Эгершельда. «Красное знамя». Владивосток, 1965, 21 ноября.

полуостров, называемый теперь именем Голдобина, сначала назван был полуостровом Чуркина, на котором есть мысы Голдобина и Чуркина. «Мыс Чуркина расположен ближе к выходу из бухты Золотой Рог. Сейчас за причальной стенкой его трудно опознать. Но хорошим ориентиром для него служит здание холодильника»[36].

Павел Филиппович Чуркин, один из трех братьев-штурманов Чуркиных, получивших известность на флоте, родился в 1828 году в Архангельской губернии и с десятилетнего возраста надел морской мундир, поступив в Кронштадтское штурманское училище. По окончании его прапорщик Павел Чуркин долго служил на Балтике, занимаясь сначала гидрографическими работами в Финском и Рижском заливах, а затем был вахтенным штурманом на фрегате «Аврора» и корабле «Св. Георгий Победоносец» и тендере «Копчик». В Крымскую войну 1853—1856 годов он служил на «Копчике», обороняя Ревель (Таллин. — **Ред.**).

С 1857 и по 1862 год П. Ф. Чуркин плавал на корвете «Гридень», перейдя с ним на Дальний Восток. Зима 1860/61 года прошла во Владивостоке, во время которой был выполнен зимний промер бухты Золотой Рог и ряда других мест. В 1862 году Чуркин стал поручиком. Возвратясь на Балтику, он получил назначение штурманом на корвет «Витязь». Дальнейшая судьба его, к сожалению, не выяснена.

Нам осталось с горечью закончить эту главу признанием, что не удалось буквально ничего найти о первом начальнике поста Владивосток прапорщике Н. В. Комарове. Мы даже не знаем, как расшифровать его инициалы. Просмотренные сотни личных дел всяких Комаровых ничего не дали. Какие-либо упоминания о нем в делах линейных сибирских батальонов 60-х годов XIX в. отсутствуют. Остается предположить, что Комаров очень мало служил на Дальнем Востоке.

[36] Масленников Б. Г. Мыс и полуостров Чуркина. «Красное знамя», 1965, 19 декабря.

При новом начальнике поста

После отправления части эскадры в Кронштадт у И. Ф. Лихачева в Японии оставались фрегат «Светлана», корвет «Посадник», который был послан к островам Цусима, и клиперы «Опричник» и «Наездник». Но он знал, что на смену ушедшим в Кронштадт оттуда отправлены в воды Дальнего Востока корвет «Калевала» и клиперы «Абрек» и «Разбойник». Там же стоял с грузом для Владивостока и Новгородского постов транспорт «Японец». «Маньчжур» зимовал в Императорской гавани и мог уйти оттуда не ранее конца мая 1861 года. Поэтому как только был подготовлен к рейсу «Японец», Лихачев отправил его во Владивосток. Это было 15 февраля. На транспорте шел новый командир корвета «Гридень» капитан-лейтенант Николай Васильевич Копытов, а также священник для Владивостока и Новгородского поста иеромонах Филарет. На транспорте отправился также адъютант генерал-губернатора Восточной Сибири майор Хитров.

Вслед за транспортом во Владивосток прибыл фрегат «Светлана», который стоял тут несколько суток. Этого времени хватило, чтобы личный состав его сумел построить для поста хороший баркас. И. Ф. Лихачев со своим адъютантом капитан-лейтенантом А. С. Мусиным-Пушкиным со дня прибытия «Светланы» во Владивосток, а оттуда в Новгородский пост, перешел 26 апреля на «Гридень» и по 12 мая находился на нем.

«Гридень» доставил во Владивосток и Посьет лесо материалы. В Новгородском посту его застал фрега «Светлана», с которого перешел командующий эскад рой контр-адмирал И. Ф. Лихачев. В тот же день фре гат и корвет отправились во Владивосток. Здесь кома дою корвета были построены казарма для матросов солдат, офицерский флигель, баня, ремонтная мастер ская.

Лихачев на «Гридне» посетил пост Ольга. В даль нейшем до осени 1861 года этот корабль регулярно пла вал между Владивостоком, Новгородским и Ольгин ским постами. Корвет перевозил людей, почту, различ ные грузы.

Тем временем готовились к навигации другие суда Сибирской флотилии. Шхуна «Восток» под командова нием П. Л. Овсянкина была направлена в распоряже ние В. М. Бабкина для продолжения гидрографически работ в заливе Петра Великого, клипер «Стрелок» го товился посетить южные гавани.

Интересная деталь. В Николаевске-на-Амуре на «Стрелок» были определены воспитанники Николаев ского мореходного училища Павел Дурынин, Василий Крохалев и Митрофан Чупров, для отправки их на транспорт «Японец», и Ефим Делатиевич, Михаил Ду наев и Степан Макаров — на транспорт «Маньчжур». Будущий знаменитый русский флотоводец С. О. Мака ров, таким образом, также причастен к становлению первых русских постов — он плавал навигацию 1861 го да на транспорте «Маньчжур».

Военный губернатор П. В. Казакевич, исполняя рас поряжение правительства, 13 мая отправился на паро ходе «Зея» по Амуру для плавания по Уссури; в Хаба ровке была уже готова экспедиция, которой снова ру ководил полковник К. Ф. Будогосский, назначенная для окончательного определения границы между Россией и Китаем на основе Пекинского договора. В составе эк

спедиции были капитан Турбин, майор Чумаков, хо рунжий Ротчев, коллежский секретарь Даманский, пе реводчик Иван Дианов, иеромонах Евлампий, топогра фы Дунаев, Белкин, Ларионов, Волков, Трапезников, Прокофьев — всего 60 человек.

16 июня 1861 года в устье реки Тур П. В. Казаке вич, К. Ф. Будогосский и уполномоченные Китая Чен-ци и Цзинь подписали протокол о размене картами, о гра нице по Уссури до Японского моря. Этот документ стал дополнительной статьей к Пекинскому договору. Экспе диция осуществила работу по описанию и картографи рованию Уссурийского края.

П. В. Казакевич прибыл во Владивосток. На рейде Золотого Рога были корвет «Калевала», клипер «Раз бойник», 26 июня прибыл из Хакодате клипер «Оприч ник». Вскоре подоспел пароход «Америка», который, выйдя 15 мая из Николаевска, выставил навигационное ограждение в лимане Амура, затем доставил различ ные грузы, провизию в Кусуннай, Де-Кастри, в пост Ольга, Владивосток и в Новгородский пост. В то же время «Японец», доставив кораблям эскадры и в юж ные гавани различные запасы, загрузился в заливе Оль ги дубовым лесом, который передал 4 июня в Николаевске для постройки канонерской лодки.

Во время пребывания губернатора во Владивостоке решился вопрос о назначении нового начальника поста взамен прапорщика Комарова. П. В. Казакевич офици ально доложил в Иркутск 21 августа 1861 года: «На чальником поста Владивосток назначен мною старший офицер клипера «Разбойник» лейтенант Е. С. Бурачок, согласно его собственного мнения» [1].

Черкавскому и Комарову довелось оставить первые следы русской жизни на берегах облюбованных Му равьевым и Казакевичем красивых бухт Золотой Рог и

[1] ГАПК, ф. 530, оп. 1, д. 2, лл. 35 об—36.

Посьета. Первые поселенцы не только основали здесь посты Владивосток и Новгородский, но и успели кое-что сделать за год. Е. С. Бурачок 22 июня 1861 года писал: «Когда входили на клипере в бухту, почти против самого входа, на северном берегу стоял офицерский флигель. Далее от него, к востоку, саженей в 40, деревянная казарма на 48 человек солдат, составляющих команду поста. Позади казармы, в нескольких саженях от нее, в сторону — кухня; возле нее загорожен скотный двор на крутом берегу оврага. По низу его бежит едва заметный ручей, впрочем чистой и приятной воды. В 200 саженях к востоку от казармы только что заложена была церковь во имя успения божей матери. К востоку от церкви, не более полуверсты, раскинуты были строения корвета «Гридень», зимовавшего здесь с 1860 на 1861 год»[2].

Мы видели, сколько усилий приложили Муравьев, Казакевич, Кукель, Черкавский, Комаров, Егершельд, Шефнер, Шкот, чтобы с помощью команды корвета «Гридень» сделать пост мало-мальски обжитым. Следует при этом иметь в виду, что в начале освоения Приморья основное внимание уделялось строительству Новгородского поста. По сути дела это сказалось и в том, что командир роты Черкавский не возглавил пост Владивосток, а оставил тут своего прапорщика. И в дальнейшем, по крайней мере в первые два года колонизации, предпочтение отдавалось Новгородскому посту. И тем благороднее выглядит подвиг команды корвета «Гридень», вынесшей на своих плечах всю основную тяжесть строительства поста Владивосток.

Деятельность Е. С. Бурачка во Владивостоке была настолько яркой, что следует более подробно осветить владивостокский период его жизни.

[2] Бурачок Е. С. Воспоминания За-Амурского моряка. «Морской Сборник». 1865, № 8, неоф. отдел, с. 234.

Сын выдающегося моряка-кораблестроителя Стефана Онисимовича Бурачка (1800—1876 гг.) Евгений Стефанович родился 8 января 1836 года.

Биограф С. О. Бурачка И. А. Быховский любезно поделился некоторыми сведениями. Близким другом семьи Бурачков был адмирал А. А. Попов, известный не только как мореплаватель и воспитатель морских офицеров, но и как автор проектов судов оригинальной конструкции. Находясь в Сан-Франциско, он 19 декабря 1859 года писал с борта корвета «Рында» Стефану Онисимовичу Бурачку относительно будущности сыновей Бурачков: «... я спешу сказать Вам, что если Вы желаете видеть из Ваших сыновей моряков, то посылайте их в океан; моряку нужно душевное спокойствие. Этому может научить только долгое время плавания в океане...»[3].

Письмо друга семьи уже не застало в Петербурге молодого лейтенанта Евгения Бурачка: 25 августа этого же года он на винтовом клипере «Разбойник» ушел в дальний рейс. Это был современный военный корабль с шестипушечным вооружением. Команду его составляли семь офицеров и 95 нижних чинов. Кроме отличных парусов на клипере была установлена 150-сильная машина, позволяющая маневрировать в проливах и заливах, продолжать движение при полном безветрии. Плавание на таком корабле — отличная школа для моряков.

До этого, несмотря на молодость, Бурачок уже получил некоторую морскую практику. 11 августа 1851 года 15-летний мальчик стал гардемарином Морского кадетского корпуса, пройдя его кадетский курс. В 1851—1853 годах на корабле «Россия» он находился в крейсерстве по Балтийскому морю. 13 августа 1853 года был выпущен мичманом в 17 лет и оставлен для продол-

[3] Письмо И. А. Быховского к автору 29/09 1970 года.

жения обучения в офицерском классе, который был впоследствии реорганизован в Военно-морскую академию.

Во время Крымской войны мичман Евгений Бурачок находился в Кронштадте на корабле «Красный» и в гарнизоне крепости. Получив 14 мая 1856 года чин лейтенанта, он был назначен на винтовой клипер «Стрелок», с которым перешел из Архангельска в Кронштадт вокруг Скандинавии. Следующие два года Бурачок плавал на Балтийском море на пароходе-фрегате «Грозящий» и винтовом клипере «Разбойник».

В 1859 году клипер был включен в состав Тихоокеанского отряда. Командиром «Разбойника» был капитан-лейтенант Ратьков, старшим офицером клипера шел лейтенант Евгений Стефанович Бурачок.

Плавание на Дальний Восток совсем не похоже на ежегодные кампании в Балтийском море и даже несравнимо с вояжем вокруг Скандинавии. Тут все становилось в новинку: частая перемена мест, разные климатические условия, до сего времени не встречавшиеся, огромные расстояния, длительное время нахождения за пределами родины. За это время Евгений Бурачок побывал в Дании, Англии, на островах Зеленого Мыса, у мыса Доброй Надежды, на Филиппинских островах, в Индокитае, Сингапуре, Китае. Он испытал изнурительные длительные переходы без заходов в порты по Атлантическому и Индийскому океанам, попробовал силу океанских штормов, повидал различные экзотические тропические страны, посмотрел на людей, живущих в этих странах. Убедился и сам в бесправном положении русского матроса, ибо сам впервые столкнулся с фактом, когда в самом начале плавания в английском порту Плимут 18 января 1860 года «два матроса и один парусник (мастеровой. — **Ред.**) попытались бежать, но благодаря удачно принятым мерам и содействию здешней

полиции представлены сегодня на клипер»[4]. Старший офицер задумывался впоследствии часто над этим фактом, вспоминал о нем и тогда, когда судьба забросила его командовать постом Владивосток и иметь в отдаленном краю земли русской в подчинении четыре десятка простых солдат.

Обязанностей у Е. С. Бурачка было много. Старший офицер — второй человек на корабле. И справлялся он со своими нелегкими делами отменно — по крайней мере, так говорит его послужной список. И все бы хорошо, но за время плавания на «Разбойнике» — раньше этого не наблюдалось — у старшего офицера развилось кровотечение, возобновлявшееся при малейшей качке. Это приводило Бурачка в отчаяние, приходилось невольно думать о том, что болезнь заставит бросить морскую службу, флот.

С такими невеселыми думами появился Бурачок во Владивостоке, куда «Разбойник» прибыл 22 июня 1861 года на смену корвету «Гридень». «В это время, — записал он в своих воспоминаниях, — болезнь моя уже довела меня до такого истощения, что судовые медики прописали мне лишь несколько недель жизни, если я не отрекусь от моря и не уеду в Россию, к обилию врачебных средств и в родной климат. Мысли в голове моей путались, я не мог дать себе ни в чем отчета и всего менее думал, что мне бог приведет в этом месте провести два года, перечувствовать многое и многое; весь свой запас знаний приложить к делу; убедиться в той истине, что хорошо сбирать в головной шкаф всякий хлам, если не для топлива, то хотя для растопки, — все пригодится в жизни, особливо в безлюдной точке, без всяких средств ни сверху, ни снизу, ни справа, ни слева, как во Владивостоке. Да, никогда человек не оценит с такой признательностью то, что нам преподавали

[4] «Морской Сборник». 1860, № 3, неоф. отдел, с. 261.

и к чему принуждали, что самому по дороге приключилось подхватить, осмыслить, посправиться с делом; нигде так не оценивается все, как в заброшенном одиночестве, в роли Робинзона, где еще требуется ничем из ничего созидать, охранять, пропитывать, веселить, лечить и чаще всего делать глупости, ибо век живи, век учись» [5].

Справедливости ради нужно сказать, что эти слова вырвались у молодого лейтенанта уже после двухлетней владивостокской эпопеи. Но тогда, в конце июня 1861 года, Бурачку приходилось решаться на то, чтобы навсегда покинуть море. Он ждал лишь прихода во Владивосток контр-адмирала П. В. Казакевича, чтобы просить у него разрешения отправиться в Петербург через Сибирь.

Исполняя обязанности старшего офицера клипера, Бурачок принимал от своего предшественника старшего офицера корвета «Гридень» лейтенанта Франца Карловича Де-Ливрона дела на берегу. Особенно важно было разобраться в том, что успела сделать команда корвета на берегу и что предстояло доделывать и заново строить экипажу «Разбойника». От корвета оставались казармы, офицерский флигель с мезонином, мастерская и баня. Весной 1861 года, когда матросы покинули казармы и заняли свои места на корвете, в помещении казармы устроили лазарет.

Бурачок принял от своего предшественника строительный объект. Де-Ливрон начал строить в западной части бухты, недалеко от того места, где сейчас морской вокзал, баржу, окончить которую надлежало как можно скорее. Строилась баржа для переброски в Новгородский пост леса и дров, а оттуда — для перевозки каменного угля для винтовых судов, базирующихся во Владивостоке.

[5] Бурачок Е. С. Указ. соч., с. 233.

По прошествии месяца в бухте Золотой Рог появился клипер «Абрек», на котором прибыли во Владивосток П. В. Казакевич и И. Ф. Лихачев. На рейде бухты стоял корвет «Калевала», на котором находился гардемарин Константин Михайлович Станюкович, ставший впоследствии известным русским морским писателем; стояли здесь клиперы «Разбойник» и «Опричник», доставивший депеши от русского консула Гошкевича из Японии. Вскоре из плавания прибыл «Гридень».

Бурачок поспешил к начальству с докладом. Тут-то Казакевич и предложил ему остаться начальником поста вместо прапорщика Комарова, пообещав отпустить лейтенанта в Петербург, когда здоровье его поправится. Не привыкший возражать, Бурачок принял предложение военного губернатора как приказ и немедленно переселился во флигель, построенный матросами корвета «Гридень», заняв там одну из двух комнат. Вторая предназначалась для К. М. Станюковича, которому предстояло длительное лечение.

Лазарет был устроен в казарме матросов корвета «Гридень». Следует отметить, что госпиталь во Владивостоке стал первым лечебным учреждением в Приморском крае.

Самой главной заботой Бурачка стало строительство начатой экипажем корвета «Гридень» пристани, казармы на 250 человек и склада-магазина для размещения грузов, которые прибудут из Кронштадта. Пристань должна была быть такой, чтобы к ней могли подходить морские суда. Самой тяжелой была работа по переносу небольшого поста с правого на левый берег реки Суйфуна. Станок (барак. — **Ред.**), как назвали его солдаты, строился зимой для временного размещения солдат, которые рубили в этом месте лес. Весной выяснилось, что помещение построили на болотистом месте. В дальнейшем эту базу перенесли на новое место.

Много времени у Бурачка в то лето занимали пр
бывавшие во Владивосток различные научные экспед
ции. Продолжительное время находился во Владивост
ке Фридрих Богданович Шмидт. Он возглавлял Сиби
скую экспедицию Русского географического общества
главной своей задачей считал исследование геологич
ского строения Амурского края и Сахалина. С это
целью участники экспедиции работали в Забайкалье,
Приамурье и на Сахалине начиная с 1859 года.

Ф. Б. Шмидту довелось побывать в Де-Кастри, в Ду
Тут он встретился с П. П. Гленом, своим коллего
взял его на пароход «Америка» и доставил в Кусунна
где тот и остался для продолжения исследовательски
работ. Ф. Б. Шмидт с топографом Г. В. Шебуниным по
сетил залив Ольги и познакомился с геологическим
строением и флорой окрестностей. Ему было известн
о том, что в районе Владивостока обнаружены углено
ные песчаники.

Шмидт совершил несколько экскурсий по окрестно
стям Владивостока, затем перебрался в залив Посьета
на побережье которого Шмидт и Шебунин провели око
ло двух месяцев, доставляя радость общения И. Ф. Чер
кавскому. За это время Шмидт подробно обследова
весь район залива Посьета в геологическом и ботаниче
ском отношении. По его мнению, залежи угля здесь бы
ли невелики. Самые заметные пласты имеют толщин
не более четырех футов. Они расположены в кристал
лических породах, и поэтому протяжение угольных пла
стов весьма ограничено [6].

Как только в Новгородский пост прибыл Будогос
ский, они вместе с ним морем возвратились во Влади
восток. Обратный путь на Амур Шмидт и Шебунин про
делали с отрядами экспедиции К. Ф. Будогосского и

[6] Труды Сибирской экспедиции Императорского Русского геог
рафического общества. Физический отдел. Т. 1. Исторические отче
ты, Спб, 1868, с. 31—33.

Владивостока через Суйфун, вдоль озера Ханка, по
рекам Сунгаче и Уссури до Хабаровки, затем парохо-
дом в Николаевск в середине октября.

Во время пребывания отрядов экспедиции Будогос-
ского во Владивостоке была оказана помощь топографу
Кудрину, производившему топографическую съемку ок-
рестностей поста весной и летом в условиях, когда поч-
ти все время шел дождь. Съемка территории в это ле-
то была доведена до устья реки Суйфуна. Бурачок пом-
нил об экспедиции майора Хитрово, совершенной еще
в марте 1861 года при прежнем начальнике поста, во
время которой, как показалось майору, он открыл ка-
менный уголь в пригороде Владивостока.

Немало забот доставляла рано начавшаяся навига-
ция в бухте Золотой Рог. Мы видели, что на вторые
сутки командования Бурачка во Владивостоке туда во-
шел клипер «Опричник», прибывший из Японии, когда
тут еще находился контр-адмирал П. В. Казакевич, к
которому командиры кораблей приходили с докладом.
Но уже на следующие сутки, 27 июля, клипер «Разбой-
ник» с Казакевичем на борту и клипер «Абрек» ушли в
Новгородский пост. 28-го туда же отправился и клипер
«Опричник». В начале августа (а именно 4-го) корвет
«Гридень» и клипер «Разбойник» снова вошли в бухту,
но ненадолго: 6-го корвет отправился в Ольгу, а клипер
9-го — в Новгородскую гавань. Больше других во Вла-
дивостоке бывали «Гридень» и «Разбойник». На сей
раз корвет отправили за продовольствием для эскадры,
которое он успешно доставил 18-го во Владивосток, а
21-го ушел в бухту Посьета.

На «Гридне» прибыл военный инженер Владимир
Алексеевич Бельцов для проверки сведений, сообщен-
ных майором Хитрово о каменном угле на побережье
Амурского залива. Осмотр ближнего к Владивостоку
каменноугольного пласта показал, что уголь был пло-
хой.

После ночевки в заброшенном рыбацком шалаш путешественники перешли к другому месторождению находившемуся верстах в семи от устья реки Суйфуна но из-за ветра и волнения высадиться тут не могли С трудом добрались до Суйфуна и укрылись в только что построенном бараке. Трудный переход не обошелся без поломок — при ударе о подводный камень слома лась мачта, и Бурачок занялся устройством новой Бельцов же пошел по берегу осматривать выходы ка менного угля, о которых имелись обнадеживающие из вестия.

Бельцов возвратился вечером и рассказал, что уго на полуострове подходит к самому берегу и что он хо рошего качества. Одна беда — добывать его чрезвычай но трудно: пласт подходит к обрывистому берегу, и не никакой площадки для рабочих.

В 1865 году Д. И. Романов опубликовал статью, в которой раскрывал подлинные цели поручения, данно го В. А. Бельцову. Он писал: «В 1861 году для осмотр южных гаваней и выбора наивыгоднейшей из них дл учреждения главного опорного пункта был командиро ван военный инженер поручик Бельцов, который, отда вая Новгородской гавани во всех отношениях преиму щество перед Владивостоком, приводит в своем отчет следующее заключение: «Владивосток как коммерче ский порт удовлетворяет большей части условий, необ ходимых для удобных торговых сношений с внутренно стию края, но как военный — потребует для защиты больших и бесполезных издержек на содержание укреп лений». А лучшее место для поселения на берегу бухты Экспедиции Бельцов указал по возвышенной и сухой долине речки. «Находящийся в настоящее время на этом полуострове (внутренний полуостров Новгород ской бухты. — А. А.) русский пост лежит на берегу бухты Экспедиции, на месте весьма неудобном и под

верженном господствующим здесь северным ветрам»[7].

На другое утро по возвращении с экскурсии Бурачку пришлось вступить в официальные сношения с представителем Великобритании. В бухту Золотой Рог вошел английский корвет «Энкаунтер», на борту которого находился вице-адмирал Хоуп. Случилось так, что в бухте в этот день не оказалось ни одного из кораблей русской эскадры. Однако Бурачок встретил корвет на катере. Морской международный этикет был соблюден. Во время обеда на корвете англичане спрашивали о том, где установлена русская граница. «Я молчал, — писал позже Бурачок, — потому что сведения мои о том были неофициальные и без подробностей, где именно проведена пограничная черта, хотя я и точно знал, что пограничные столбы поставлены, но не счел за нужное и это сообщить адмиралу»[8]. Так писал Бурачок через два года после описываемых событий. 3 сентября 1861 года он доложил контр-адмиралу П. В. Казакевичу: «Адмирал рассказал, что он заходил в залив Брюса (Славянский. — А. А.) и по случаю свежего остового ветра зашел во Владивосток. Ни накануне, ни в тот день свежего ветра не было. Адмирал интересовался знать о направлении нашей границы. Я ничего не мог сказать положительно, сообщил одно, что конец границы — р. Тюмень...»[9].

Убедившись в намерении русских утвердиться в Приморье навсегда, английский адмирал попытался получить новые сведения в заливе Ольги, куда он отправился рано утром следующего дня. И прав был Бурачок, когда писал: «...не из пустого любопытства и не для зай-

---

[7] Романов Д. И. Новгородская гавань в заливе Посьета. «Записки Сибирского отдела Имп. Рус. географического общества», Кн. VIII. Иркутск, 1865, с. 128 и 136.

[8] Бурачок Е. С. Указ. соч., № 8, с. 240.

[9] ЦГАВМФ, ф. 909, оп. 1, д. 45, лл. 105—106.

цев адмирал Гоп (так называет Бурачок адмирала Хоупа. — А. А.) скитался по нашим постам...»[10].

Это подтвердилось и во время пребывания английского корвета в заливе Ольги, где английского адмирала принимал начальник поста лейтенант А. С. Маневский. Адмирал Хоуп долго ходил по берегу, разглядывал многочисленные сооружения, с интересом знакомился с деревней, в которой построены были добротные русские дома с огородами, удивлялся обилию скота и домашней птицы.

После английского корвета, с 1 по 5 сентября, во Владивостоке стоял родной Бурачку клипер «Разбойник». Этим воспользовался Евгений Стефанович, чтобы помыть солдат. Замечалось, что чем дольше командовал молодой лейтенант постом, тем чаще обнаруживались многие важные житейские невзгоды, которые в конечном счете весьма отрицательно сказывались на жизнедеятельности и боеспособности поста.

Бурачок узнал, что солдаты его поста бог весть сколько времени не получают денежного и вещевого довольствия, что они все обносились на тяжелых земляных работах и на строительстве. Лишь шинели да головные уборы напоминали о том, что это русские солдаты. Выяснилось также, что солдаты не имели выходных дней. «У нас все будни — праздников не знаем», — говорили они.

Бурачок распорядился по субботам работать только до полудня, а остальное время и воскресенье использовать по личному усмотрению, точнее: приводить в порядок казарму, мыться, чинить белье и форму, чистить ружья и военную амуницию. Много забот и хлопот начальнику доставляли те солдаты, которые попали сюда «за штрафы». Законные уставные требования Бурачка часто принимались ими как проявление жестокости и

[10] Бурачок Е. С. Указ. соч., № 8, с. 241.

желание притеснить их. «Прибегать же к телесному наказанию людей, хотя и привыкших к нему, я считал совершенно неуместным»[11], — писал Бурачок. Поэтому своим основным методом избрал он убеждение и лишь изредка прибегал к дисциплинарным мерам воздействия. Постепенно «попечительность, удачное пользование в болезнях, участливый уход за больными и частые увещевания пробудили в них добрые чувства долга и доверия»[12].

Между тем клипер «Разбойник», простояв несколько дней, ушел в залив Чихачева. На его борту отправились некоторые выздоровевшие матросы. На другой же день по прибытии клипера с него сошли участники экспедиции Будогосского и с ними Шмидт и Шебунин, которые затем направились в пост Турий Рог. 12 сентября ушел в Шанхай корвет «Гридень», так полезно послуживший Владивостоку и Новгородскому посту.

Теплый сентябрь и лишь к концу прохладный, но без дождей октябрь оказались весьма кстати — удалось завершить некоторые хозяйственные постройки.

Кроме таких вот не совсем приятных обязанностей Евгений Бурачок находил себе занятия по душе. Он очень любил бродить по окрестностям поста, тщательно изучая каждую падь, каждый ручей и бухточку, взбирался на сопки, с которых любовался видом бухты Золотой Рог и далекими просторами не принявшего его моря. Большой его заботой стала почта: лишь приход кораблей связывал пока жителей приморских постов Владивосток, Ольга, Новгородского с внешним миром. Но отправлять почту по сухому пути до Хабаровки Бурачок все-таки не решался, так как сухопутная дорога не была точно определена.

В конце октября 1861 года во Владивостоке снова

[11] Бурачок Е. С. Указ. соч., № 8, с. 241.
[12] Там же.

появились иностранные военные корабли и транспорты. С 20 по 22 октября в Золотом Роге находился американский пароход «Сент-Луис», принадлежавший главе торгового дома в Нагасаки — Уолшу. Он прибыл из Японии, на борту его находилось многое из того, что необходимо для судов, находящихся в отдельном плавании. Бурачок израсходовал на покупки почти все наличные деньги, оставив лишь часть для покупки скота. Однако пост не был забыт П. В. Казакевичем. Через неделю Владивосток принимал четыре русских корабля, и на двух из них для поста, как ожидалось, прибыло множество товаров. Появились во Владивостоке и новые жители. 30—31 октября на рейде стали на якорь военный транспорт «Японец», пришедший из Николаевска, шхуна «Первая» — из Охотского порта, транспорт Амурской торговой компании «Св. Феодосий» и из Шанхая — клипер «Наездник» с почтой. Шхуной командовал амурский старожил Петр Леонтьевич Овсянкин, начавший службу во времена Г. И. Невельского; «Японцем» бессменно командовал Николай Яковлевич Шкот, а «Св. Феодосием» — поручик Алексей Петрович Вяткин.

Одиночество Бурачка кончилось, в офицерском флигеле стало шумно, весело. С «Японцем» прибыло много грузов, и Бурачок пожалел о том, что брал неделю назад у американца все подряд — можно было бы кое от чего и отказаться, но кто же знал? Зато теперь можно было жить безбедно и без опаски ждать приближающуюся зиму. Одного пороха было доставлено в бочках около трехсот пудов. С раннего утра и до позднего вечера матросы и солдаты разгружали транспорт. Поступили в пост различные товары и от Амурской компании на «Св. Феодосии». Ими распоряжался приказчик компании Бочкарев.

На «Японце» наконец-то добрался до Владивостока иеромонах Филарет, назначенный сюда священником.

Появился во Владивостоке и первый гражданский поселенец — купец Яков Лазаревич Семенов. С ним приехала и жена с маленьким сыном. Купец для начала привез с собой небольшое количество товаров. До сего времени он торговал в Ольге, сумел наладить там добычу морской капусты. Постепенно расширяя торговлю, Семенов сумел нажить небольшой капитал. Почувствовав перспективность торговли во Владивостоке, предприимчивый купец решил обосноваться в нем.

Уже через полгода, видя, что дела пошли хорошо, он обратился к Бурачку с просьбой о выделении земельного участка по три копейки за квадратную сажень. Первое в истории Владивостока свидетельство на частное владение землей Бурачок выдал Семенову. Вот оно: «Свидетельство. Дано николаевскому купцу 3-й гильдии Якову Семенову в том, что мною отведено ему для постройки дома и хозяйственных зданий, — земли в тридцать двух саженях от офицерского флигеля к ю. з. по линии домов двадцать саженей и в ширину двадцать саженей, всего четыреста кв. саженей и для покоса болотистое место на восточном берегу Амурского залива, в полуторах верстах от поста, что свидетельствуется моею подписью и печатью. Владивосток. 15 марта 1862 года» [13].

Семенов разместился в одной из комнат офицерского постового флигеля. Тут же устроил купец свою лавку и немедленно начал торговлю. А в свою комнату Бурачок пригласил выздоравливающего Станюковича, выписавшегося из госпиталя 2 ноября, но еще нуждавшегося в домашнем лечении. В третьей комнате офицерского флигеля дома Бурачок поместил прибывшего из Николаевска прапорщика Меньшука, который был назначен ему в помощники и командиром отряда солдат. Бу-

[13] Матвеев Н. П. Краткий исторический очерк г. Владивостока 1860—1910 гг. Владивосток, 1910.

рачок же становился как бы командиром порта и начальником поста.

В офицерском флигеле Матросской слободки разместился иеромонах Филарет. Половина здания была отдана под лавку Американской компании, а вторая была занята командиром и кондуктором шхуны «Первая», которая оставалась тут на зимовку. В казарме корвета «Гридень» пришлось провести некоторую перестройку. Так как больных осталось значительно меньше, то их потеснили и поместили всех в одной комнате-половине вместе с аптекой и фельдшером. Вторую половину казармы заняли команда шхуны «Первая» и работники Амурской компании.

Много забот причиняла почтовая связь. Бурачок попробовал наладить ее, использовав опыт солдата Болотова, сопровождавшего полковника Будогосского и Шмидта в Турий Рог. И получилось. Болотов взялся в течение двух-трех суток доставлять почту в Турий Рог, на озеро Ханка, откуда ее можно было отправлять в Хабаровку.

Обрадовавшись такому удачному обороту дел, Бурачок ходатайствовал об организации регулярной почты, но тогда, осенью, этот вопрос не был решен «по неучреждению там (т. е. во Владивостоке. — **А. А.**) почтового управления» [14]. Весной 1862 года вопрос этот был пересмотрен и 16 мая 1862 года генерал-губернатор Восточной Сибири генерал-майор М. С. Корсаков предписал командиру 3-го линейного батальона Восточной Сибири подполковнику Я. В. Дьяченко учредить десять «постов для содержания постоянного сообщения между устьем реки Сунгачи и рекой Суйфуном» по 6 человек в каждом посту. Причем особо оговаривалось, «что посты учреждаются, собственно, для привоза почты из Владивостока в Хабаровку и обратно: во время навигации — 2 раза, а зимою — 1 раз в месяц — и курьеров, если таковые случатся» [15]. Этой же весной устанавливалось регулярное сообщение Новгородского поста с Турьим Рогом — 14 станций, среди которых семь новых и семь постов использовались из тех, которые устанавливались между Владивостоком и Турьим Рогом.

[14] Матвеев Н. П. Указ. соч., с. 9.

Осенью почту организовать не решились. Реальную опасность для жителей представляли дикие звери, в том числе тигры. Сохранилось достаточно свидетельств встреч человека с тигром, часто заканчивающихся трагически. Так, в станице Екатериново-Николаевской погиб казак Федоров, стоявший часовым при местном складе. При обследовании оказалось, «что одежда (казака. — **Ред.**) вся разорвана, череп головы сорван, грудь растерзана до того, что выпали все внутренности, и на теле найдено множество ран» [16].

Известно, что даже во Владивостоке тигр уничтожил собак. «Однажды старая тигрица была обнаружена на бухте Золотой Рог, против нынешнего собора. За нею бросились «гриденские» собаки, а за ними строившие церковь матросы, и она была убита» [17].

О том, что случилось в самом конце декабря, или по новому стилю в ночь с 5 на 6 января нового, 1862 года, в деталях описал в своем дневнике К. М. Станюкович, выписку из которого он послал своей сестре Елизавете Михайловне (в замужестве — баронесса Клодт): «Утром часов в шесть, когда еще на дворе было темно, а ветер завывал немилосердно, вбежал к нам в комнату фельдфебель Бородин с криком «Несчастие, Ваше благородие!» Я и Бурачок проснулись, зажгли свечку и увидели Бородина, бледного, всего в снегу. Оказалось, что тигр удавил трех его лошадей. Ночью он, т. е. тигр, перебрался через соломенную крышу скот-

[15] Владивосток. Сб. документов (1860—1907 гг.), 1960, с. 20—21.
[16] Происшествия на Амуре. Газ. «Амур», 1860, № 36, с. 528.
[17] Матвеев Н. П. Указ. соч., с. 9—10.

ного двора и заел трех лошадей... Сегодня же вечером часов в 7 часовой, стоявший у магазина, на берегу залива, крикнул отчаянным голосом, и когда сбежались солдаты, он объявил, что тигр пробежал по льду бухты... Бурачок велел зарядить орудие гранатой и выстрелить в горы, чтобы напугать этого опасного соседа.

В следующую ночь тигр не приходил. Весь лагерь был взбудоражен. Люди боялись далеко отходить от своих жилищ. В ночь на 8 января 1862 года (по новому стилю. — **Ред.**) тигр появился: «Тигр ночевал в 100 шагах от нашего дома около магазина, где стоял часовой» [18].

В канун Нового года во Владивосток неожиданно нагрянул Иван Францевич Черкавский.

В этот же день на пирог к Бурачку собрались все бывшие во Владивостоке офицеры и гражданские чины. А на другой день все были гостями доверенного Амурской компании. Для молодого офицера пребывание в посту амурского старожила было полезным «И в других отношениях беседы с Черкавским были мне полезны: у меня явился новый взгляд на свои настоящие обязанности; я понял, что должен работать и хлопотать не для одного только своего поста, но иметь в виду весь край» [19].

Кроме этого, Черкавский имел в виду еще одно важное обстоятельство. Он получил предписание иметь к весне не менее ста тысяч пудов каменного угля. А в Посьете уже летом 1861 года найденные пласты были выработаны. Поэтому Черкавский и решил поискать на берегу Амурского залива хороший пласт, особенно вблизи тех трех мест, которые были известны Бурачку, но о качестве угля в них и о запасах этого угля он ничего сказать не мог.

[18] Литературный архив. Т. 6, М.—Л., 1961, с. 451—452.
[19] Бурачок Е. С. Указ. соч., № 8, с. 256.

«Нам казалось, что мы, заброшенные сюда судьбой, не встретим противодействия, которого бы не в состоянии были одолеть собственными силами. Нас утешало и подкрепляло то, что все сделанное в этом крае, худое и хорошее — будет наше собственное, исполненное доброй волей...» [20].

После Нового года Бурачок и Черкавский отправились осматривать каменноугольные месторождения. Выехали пораньше, предварительно отправив туда горного штейгера и семерых солдат. Поездка эта не привела к каким-то открытиям. Наоборот, Черкавский и Бурачок убедились в низком качестве найденного там каменного угля — встречали лишь уголь, смешанный с землей. Это — на левом берегу Суйфуна.

Такой поворот событий удручающе подействовал на Черкавского, которого тяготило его же донесение начальству, основанное на заключении горного мастера, что к началу навигации в Посьете будет добыто не менее пятидесяти тысяч пудов каменного угля, да к тому же — угля хорошего качества. Здоровье офицера внушало опасение. Он жаловался, что через полтора года исполнится 25 лет его службы и он сразу же уйдет на пенсию.

Когда Черкавский немного поправился, они отправились на правый берег Суйфуна, где в прошлом году Бурачок побывал с Бельцовым. Переночевав на базе, на другое утро солдаты приступили к разработке угля открытым способом. Во время экскурсии по окрестностям каменноугольной ломки Бурачку показалось, что он обнаружил признаки железа. Одновременно солдаты начали постройку зимовья, чтобы оставшиеся на заготовке угля солдаты и матросы могли не тратить время на небезопасное хождение в пост Владивосток и обратно.

8 января Бурачок, уже один, еще раз ездил в устье

[20] Бурачок Е. С. Указ. соч., № 8, с. 256.

Суйфуна посмотреть на угольные разработки, которы велись теперь успешнее: там устроили крепления, наве сы, чтобы не засыпался вход в штольню, и было выра ботано около двух саженей. Да и уголь в этом месте ока зался лучше. 11 января Бурачок с больным Черкавским отправились в Посьет. Бурачок взял с собой Семенова который интересовался, нельзя ли и там начать свою торговлю.

Поехали на двух лошадях, причем Черкавского при шлось уложить в сани. Попытались сначала идти в сто рону Песчаного мыса по льду, но вскоре убедились, что лед ненадежный. И весь остальной путь проделали в ос новном вдоль берега.

13-го утром пришли в Славянский станок, располагав шийся на южном берегу южной бухты. Около него вид ны были еще издали стога сена, за которыми угадыва лись две крыши домов. Солдаты несказанно обрадова лись прибывшим и старались угостить их самым луч шим, что у них было, — красной рыбой. В станке оказа лась и почта из Посьета во Владивосток на имя Чер кавского. Фельдфебель, оставшийся за него, доносил о благополучии поста и команды.

До поста оставалось верст десять, когда они сбились с дороги, но вскоре набрели на какое-то зимовье, хозяин которого сказал, что до поста еще 12 верст. Бурачок ре шил переночевать тут, Черкавскому было плохо. «В гру ди у него было сильнейшее хрипение. Я взял его за пульс — биение едва слышное; я было хотел расстегнуть ему шубу, но он крепко сжал мою руку. Солдат дога дался достать из моего мешка свечу. При свете ее я заметил, что Черкавский глазами просит оставить его в покое» [21]. Утром 16 января около четырех часов дня пу тешествие окончилось. Они прибыли в Новгородский пост.

[21] Бурачок Е. С. Указ. соч., № 9, с. 120.

И еще приведу один рассказ Бурачка. Лучше и не посредственнее не скажешь. «В комнате, где жил Чер кавский в Посьете, было не совсем тепло; впрочем, на столе кипел маленький самовар, и Черкавский предло жил было рому, но его оказалось так мало, что едва достало нам по ложке. Пока мы согревались, мне при готовили постель и вместо одеяла подали енотовую шу бу. Я принял было это за насмешку, но Черкавский серьезно отвечал: «Ведь у меня в доме не то что у вас. Смотрите не отморозьте носа... Захотите пить, одевай тесь и ступайте на кухню, а в комнате вода мерзнет» [22].

Затем началось очное знакомство Бурачка с постом и вообще со всеми бухтами залива Посьета. Все это по том он мастерски описал, дал каждой бухте прекрасную физико-географическую и навигационно-гидрографиче скую характеристику, углубив ее историческими сведе ниями и метеорологическими данными, которые регулярно и с любовью велись Черкавским, а в его отсутствие фельдфебелем, которого он, по выражению Евгения Сте фановича, «школил целый месяц».

Метеоданные получились систематическими с начала ноября 1860 года, когда командир клипера «Наездник» подарил Черкавскому анероид и термометр, а также для образца оставил печатный экземпляр метеорологическо го журнала. И с тех пор Черкавский через каждые че тыре месяца высылал в Гидрографический департамент в Петербург копии метеорологических наблюдений — первых систематических наблюдений в Приморье!

Пост располагался на высоком обрывистом берегу полуострова, отделяющего Новгородский залив от бухты Экспедиции. В зимнее время в этих местах господству ют страшной силы пронизывающие северо-западные вет ры. Получается своего рода воздушная труба, нечто вро де Новороссийской боры в миниатюре. «Здания Новго-

[22] Бурачок Е. С. Указ. соч., № 9, с. 120.

родского поста составляют: офицерский флигель, две казармы, кухня, два маленьких домика для женатых солдат и цейхгауза, все — ни больше ни меньше как бараки. В столбах, врытых в землю, выбраны пазы, в которые загнаны доски толщиной 2 $^1/_2$ дюйма. Снаружи и внутри стены барака вымазаны глиной. Крыши первоначально были сделаны из сена; их в первую зиму, во время свежих ветров, срывало... Нужно удивлять еще, как эта команда мало потеряла людей»[23]. И хотя плана поста, равно как впрочем и первого, комаровского плана Владивостока, пока не найдено, благодаря такому детальному описанию Е. С. Бурачка вполне наглядно представляешь себе и пост, и рвы вокруг него, и солдат на нарах, и горделиво развевающийся русский флаг.

Черкавский был плох. Бурачок решил остаться на некоторое время с ним. Однако он беспокоился и о положении во Владивостоке. Пришлось заняться хозяйством. В складе-магазине хранилась 271 тонна муки, привезенная в кулях морем. Надо было определить ее годность. Выяснилось, что муку не только перевешивать, но и перетаскивать нельзя по той простой причине, что мыши прогрызли большие дыры в верхних кулях. И если их тронуть, мука рассыплется. Поэтому с большим трудом, примерно, установили пропажу одной тысячи пудов муки и составили акт на ее списание.

Страдая от удушья, Черкавский все-таки выходил из дому и медленно передвигался по посту. Он упросил Евгения Стефановича взять под свой контроль отправлявшихся во Владивосток 15 солдат, а также 20 голов скота, которых эти солдаты должны были перегнать в пост Владивосток.

Все было готово в конце января, и Бурачок решил 1 февраля с утра отправиться во Владивосток. «Утром, в день отправления, мы оба (Бурачок и Черкавский. — **Ред.**) встали в грустном настроении духа: несмотря на короткий срок, стремление к одной цели, взаимная помощь и откровенные, задушевные беседы, можно сказать, сроднили нас... В этот день, однако, мне не удалось пуститься в путь: с Черкавским сделался сильный припадок, и мне пришлось долго возиться около него. Он был так слаб, что не мог говорить»[24].

[23] Бурачок Е. С. Указ. соч., № 10, с. 227—228.

11 февраля стадо, погоняемое солдатами, тронулось. По льду идти трудно, а в снегу быки и коровы вязли. Первую ночь провели у речки, а вторую под утесом. Все время вьюжило. Чтобы скрыться от ветра со снегом, повернули на бок сани и прятались за ними, но это не помогало. Бурачка осенило. Он устроился между двумя быками. «Спасибо им, они всю ночь пролежали смирно, и я немного согрелся»[25], — благодарил он животных. Третью ночь провели в брошенной землянке на берегу моря, и скот пил морскую воду. Была еще ночевка, затем через Славянку переправили стадо по льду. Многие животные падали, приходилось таких укладывать в сани, куда они с готовностью ложились, и по очереди перевозить на берег.

Следующую ночевку сделали в жилище гольда, который «ушел с прежнего места, чтобы быть поближе к русскому начальнику в Посьете. Занимается летом ловлей червей (трепангов. — **Ред.**) и капусты морской, а зимой охотится»[26].

Наутро Бурачок отправил во Владивосток, до которого оставалось еще верст шестьдесят, двух солдат с приказанием привезти два воза сена: на мыс Песчаный и к Амурскому заливу в условленное место. Сена почти не осталось — едва-едва можно было пару раз накормить стадо. Но когда пригнали с трудом быков и коров на оговоренное место, сена ни там, ни в другом месте не

[24] Бурачок Е. С. Указ соч., № 10, с. 243—244.
[25] Там же.
[26] Там же.

оказалось. Обозленный Бурачок чуть ли не бегом за два часа преодолел 17 верст. Оказалось, что фельдфебель болен, а Меньшук ушел на охоту. Сено же не выслали потому, что в посту его тоже не было. «Я попробовал было снять сапоги — боль в ногах нестерпимая, сапоги едва стащили, я неистово кричал. И немудрено: ноги покрыты были кровью, теплых чулок не было и следа, из сапогов вытащили какие-то лохмотья. Что со мной было потом — не знаю, я опомнился уже раздетый, в чистом белье; ногами не мог шевелить от боли, хотя они и были обернуты в мокрые компрессы» [27]. Когда очнулся, то узнал, что скот все-таки удалось перегнать во Владивосток без потерь.

Отлежавшись сутки, Бурачок направился к устью Суйфуна, навестил угольную шахту, которую прошли уже в глубину на 17 саженей. Затем он поднялся до верхнего Суйфунского станка, где унтер-офицер Малков доложил, что все у них благополучно. Во Владивосток начальник поста возвратился с большими трудностями ввиду усталости и болезни.

Между тем, забот было много! На шхуне «Первая», зимовавшей в бухте, развилась цинга. Искали прошлогоднюю черемшу, делали настойку из хвои, заставляли чаще людей бывать на свежем воздухе.

14 марта бухта Золотой Рог очистилась от льда, а 20 марта из Батавии неожиданно пришло зафрахтованное судно. Капитан Беренс доставил на пост орудия, которые по договоренности должны были разгрузить в течение месяца. Капитан по истечении месяца имел право за каждый день на большой штраф. Стали рубить во льду к пристани канал. Работа подвигалась быстро, и появилась надежда на то, что сумеют уложиться в срок. Но вот 31 марта сильным ветром сдвинуло лед и пристань, к которой рубили канал.

[27] Бурачок Е. С. Указ. соч., № 10, с. 243—244.

15 апреля пришел «Японец», командир которого Н. Я. Шкот распорядился помогать посту судовыми средствами — стрелами, лебедками и прочим. В тот же день пришел финский бриг с грузом муки. 26 апреля «Японец» загрузился мукой и ушел по постам. Пирс был уже готов, и началась разгрузка орудий, которая завершилась, к общей радости, 15 мая. Начальник поста Бурачок был болен.

Тем временем поступило известие о скором прибытии генерал-губернатора М. С. Корсакова — он совершал путешествие по внутренним районам Восточной Сибири и Приамурья. Губернатора сопровождали 45 человек.

Бурачок представился генералу. М. С. Корсаков ответил, что он рад Бурачка видеть и рад, что он приехал его встретить и доставить во Владивосток. Затем пошли разговоры, и Бурачок откровенно высказал свое мнение по всем волновавшим его вопросам. Сообщил, что выходить во Владивосток надо на шлюпке часа в три утра. Корсаков согласился и пригласил Бурачка вместе отужинать. В три часа ночи шлюпка с генерал-губернатором и баркас направились во Владивосток.

От того места, где пристали шлюпки к берегу (район Спортивной гавани. — **Ред.**), Корсаков пошел пешком. В офицерском флигеле для генерал-губернатора была приготовлена комната. Направляясь туда, Корсаков зашел в казарму, поздоровался с командой и похвалил всех.

По предложению М. С. Корсакова, Евгений Стефанович Бурачок подготовил записку о развитии края. К вечеру листки бумаги лежали перед генерал-губернатором Восточной Сибири. Бурачок предлагал давать продовольствие солдатам по морскому положению; сократить срок носки рабочего платья до двух лет; выслать немедленно деньги за выгрузку орудий; организовать доставку почты до Хабаровки раз в месяц; иметь

во Владивостоке небольшое паровое судно; подготовить правила отвода земли поселенцам; разрешить строить дома и приобретать землю женатым солдатам и предоставить им право жениться на ссыльных поселенках; не переводить из одного гарнизона в другой женатых и устроивших свое хозяйство солдат; перевести на поселение во Владивосток тех ссыльных женщин из Николаевска, которые сами хотят этого, имея среди солдат во Владивостоке своих избранников; назначить особую плату солдатам за добычу каменного угля; разработать подробную инструкцию начальникам постов и ряд других мер.

2 июня 1862 года во Владивосток зашел клипер «Абрек», на котором прибыли сразу два адмирала — П. В. Казакевич и А. А. Попов, командующий Тихоокеанской эскадрой. Бурачок — сразу на клипер, где радостно приветствовал давнего друга семьи. Затем все съехали на берег, где прошло совещание с М. С. Корсаковым. Ну а потом пошли указания закончить перестройку баржи для перевозки дров, готовить все к приему кораблей и рассчитывать на перемену места — в Ольгу еще на год. Мы увидим далее, что Казакевич об этом сказал не зря. Затем писались донесения, частные письма, а в 3 часа дня «Абрек» со всем начальством ушел из Владивостока.

На посту начались будни и ожидание чего-то тревожного, вызванного намеком П. В. Казакевича на перспективу пребывания в этом крае еще год. Пришло письмо от Черкавского с новостями, и среди них недоуменные рассуждения начальника Новгородского поста о том, что он получил распоряжение купить сто лошадей для устройства сообщения между озером Ханка, Посьетом и Владивостоком. На каждую лошадь выделялось от 15 до 20 рублей, а в самом деле цена ее сейчас подскочила до 30 рублей. Как быть?

15 июня прибыл «Наездник», с которым пришли все

кие депеши и распоряжения, посланные Казакевичем. И среди них предписание от 8 июня, в котором приводится мнение Корсакова о том, что тот во время пребывания в заливе Ольги «признал необходимым увеличить там русское крестьянское население и поручил мне сделать надлежащие по этому распоряжения». А далее для Бурачка в депеше содержалась разгадка слов Казакевича, сказанных им накануне отъезда. «Принимая во внимание, — писал Казакевич, — что при заселении крестьян в заливе Ольги необходимо должны усилиться занятия у заведывающего состоящим там постом, между тем как начальник оного лейтенант Маневский не обладает хорошим здоровьем, я признаю нужным назначить на место Ваше благородие, а лейтенанта Маневского перевести на Ваше место, почему и предписал ему отправиться ныне же для принятия от Вас поста» [28].

В ответ на это Бурачок направил официальный рапорт Казакевичу, что он по состоянию здоровья должен покинуть этот край и что есть хорошая возможность уже нынешним летом возвратиться в Кронштадт на клипере «Разбойник», который назначен в обратное плавание.

Распоряжение Казакевича осталось невыполненным, так как А. С. Маневский этой же осенью был уже в Николаевске [29], а Бурачок продолжал начальствовать во Владивостоке. Во всяком случае, в его письме Казакевичу 30 июня 1862 года никаких слов на эту тему не имеется. Есть обычные деловые запросы, например «по какой цене и какое количество может отпускаемо одному лицу (речь идет о порохе и свинце из магазина. — **А. А.**), стоимость пороха и свинца мне неизвестна, и удовлетворений просьб (солдат, частных лиц. — **А. А.**) не было» [30].

[28] ЦГАВМФ, ф. 909, оп. 1, д. 69, лл. 5, 6.
[29] Петров А. И. Амурский щит. Хабаровск, 1974, с. 344.
[30] ЦГАВМФ, ф. 909, оп. 1, д. 69, л. 13.

Ответив Казакевичу о своем желании выехать в Россию и потому не рассчитывать на него при назначении начальника вместо Маневского в пост Ольга, Бурачок до половины августа почти не жил в посту, сопровождая прибывших 31 июля из США на клипере «Наездник» чехов Мрачека и Барто-Литовского, появившихся тут в качестве депутатов от проживавших в Америке чехов и словаков с намерением переселиться сюда. Они осмотрели западный берег Амурского залива от полуострова Песчаного до залива Славянка и северные берега Уссурийского и Амурского заливов. 13 августа они отправились по Суйфуну и далее к озеру Ханка — до Хабаровки. «Переселение чехов-славян, — писал Бурачок, — принесет огромную пользу этому краю, потому что между ними не одни хлебопашцы, но и ремесленники. В Америке они приобрели достаточно опытности. Главнейшая цель депутатов — избрание удобного пункта для высадки переселенцев, из которого бы они, как из центра, могли расходиться. Владивосток они нашли более удобным, как отличную гавань и место, удовлетворявшие их желанию. Дай бог успеха этому делу»[31]. Мы можем добавить к пожеланию Бурачка, что со временем группа чехов действительно переселилась в Приморье.

Пришлось Бурачку стать свидетелем и в какой-то мере участником дела купца Я. Л. Семенова. У того кончались товары, и ему необходимо было попасть в Николаевск, где как раз, по сведениям, был наплыв товаров, а суда оттуда не приходили, хотя уже шел август. И вот 7 августа в бухте появился транспорт прогоревшей Амурской торговой компании «Св. Феодосий», на котором прибыл представитель компании Чеботарев. Он должен был тут ликвидировать лавку

[31] Бурачок Е. С. Владивосток, 30 октября 1862 г. «Морской Сборник», 1863, № 2, с. 43.

компании и увезти все товары в Николаевск. Семенов просил взять его в Николаевск, но ему Чеботарев отказал под предлогом, что нет мест. В самом же деле он хотел, чтобы Семенов купил дом, в котором размещалась лавка компании, или закупил залежавшиеся старые товары. Вмешательство Бурачка помогло. Сошлись на том, что Семенов за умеренную плату покупает дом, а Чеботарев берет его в Николаевск.

25 и 26 августа на рейде показались клипер «Разбойник» и корвет «Новик» под начальством В. М. Баббкина. Гидрографическая экспедиция, начавшая свою деятельность, успешно ее продолжала и завершила все намеченное на сей год в начале октября. Еще раз они пришли в октябре, когда Бурачок все еще не терял надежды на разрешение выехать. Но, увы! 15 октября «Разбойник», а 18-го «Новик» ушли в Нагасаки для подготовки к дальнейшему плаванию.

А затем, 30 августа, во Владивосток прибыл из Хабаровки конный отряд горного дивизиона Забайкальской артиллерийской бригады под начальством прапорщика Гильдебрандта. Он весьма сокрушался по поводу того, что от озера Ханка до Владивостока дороги практически не существует — каждый идет как ему вздумается, что реально наступило время для строительства конной гужевой дороги, а не пешей или вьючной тропы. Еще он рассказал, что казаки, поселенные на правом берегу реки Уссури, вовремя вспахали целину, подготовили поля под посев, а посеять не сумели.

14 сентября во Владивосток пришел зафрахтованный шведский бриг «Магнус», капитан которого Миндаль кроме артиллеристов горного дивизиона доставил сюда из залива Чихачева 500 кулей ржаной муки, 100 кулей ржаного зерна и 130 мешков крупы. 4 октября он с товарами, продовольствием отправился в Новгородский пост. Бурачок напрасно ждал ответа с каждым кораблем от М. С. Корсакова на свой рапорт. Его не было.

Мы уже отмечали, что особым пристрастием Бура
ка были каменноугольные месторождения — он отлич
понимал значение угля для флота и был уверен в на
личии крупных месторождений в Приморье. Он донос
о том, что этому вопросу уделяется до сего времени не
достаточное внимание. Представляет интерес его офи
циальное донесение-рапорт П. В. Казакевичу от 29 ок
тября 1862 года. «На купеческом бриге «Магнус», — со
общает он, — прибыл во Владивосток обер-штейгер Гель
ман. Я поручил ему осмотреть каменноугольные пласт
на устье Суйфуна. Он представил мне свое мнение пись
менно. По берегам бухты Золотой Рог в некоторых ме
стах породы давали возможность предполагать о при
сутствии каменноугольных пластов (об этом Бурачок
и раньше и позже доносил неоднократно. — А. А.). Я по
ручил г. Гельману осмотреть эти места. После несколь
ких дней разведки он открыл тонкий пласт угля, ко
торый дает возможность думать, что под ним еще не
сколько пластов. Нужно было начать разработку бу
рава. Но, к несчастию, бурав, который привезен г. Гель
маном с собою, потребовал таких исправлений, что куз
нец до сего времени не может кончить их. Кроме того
у некоторых частей сломаны соединительные винты и
нечем сделать их вновь. Смею думать, что эта разведка
будет не бесполезна, потому что на нее потребуется не
более 6 человек ежедневно. Она будет производиться
между церковью и казармами, построенными корветом
«Гридень».

На предписание Вашего превосходительства от 17 ию
ля с. г. имею честь отвечать: мне кажется, г. Гельман
не обладает особенными знаниями против штейгеров
(видимо, некомпетентность эту заметил и Казакевич
поэтому и попросил изложить Бурачка свое мнение. —
А. А.), которые присланы во Владивосток. Находившийся при разработке каменного угля на Суйфуне штейгер
Иван Горбин предлагал мне то же самое, что и г. Гель

ман, с тою разницею, что Горбин при случае собственноручно покажет, как надобно работать. Распорядительности г. Гельмана я не имел еще случая испытать, а уже несколько раз слышал от него, что он иностранец и знает гораздо более этих штейгеров — он обер-штейгер. Словом, он привык иметь дело с опытными и знающими мастеровыми и работниками...

Добыча угля на Суйфуне теперь мною остановлена, добыто до 25 тысяч пудов. К этому же прежняя (слово неразб. — А. А.) шахта обвалилась, засыпав несколько инструментов, которые не успели вынести. Начать новую добычу думаю не ранее марта месяца будущего года, дабы иметь его постоянно (теперь он уже знал, что ему придется зимовать еще раз, если он писал о марте. — А. А.) в количестве действительной потребности. Разрабатываемый уголь не так хорош, чтобы его можно было долго оставлять на воздухе. Уголь, добытый в марте и апреле месяце крупными кусками, теперь обратился в мелкий порошок и смешался с глиной. На военные суда взято его до 10 тысяч пудов.

Если, Ваше превосходительство, снабдите пост рабочими лошадьми, тогда добыча угля значительно увеличится — можно будет добывать до 2-х тонн на одного рабочего в сутки, устроив конный ворот. При этом рабочим лошадям нужно производить фураж, но овса в двойном размере против положенного для портовых лошадей.

Покорнейше прошу, Ваше превосходительство, приказать выслать хороший вентилятор и лампы «Деви», без которых углубляться в пласт чрезвычайно опасно. Эти лампы были требованы еще в 1861 году начальником Новгородского поста» [32].

В другом документе отмечалось: «В самом Владивостоке открыты признаки каменноугольных пластов, но

[32] ЦГА РСФСР ДВ, ф. 87, оп. 1, д. 370, лл. 22, 22 об, 23.

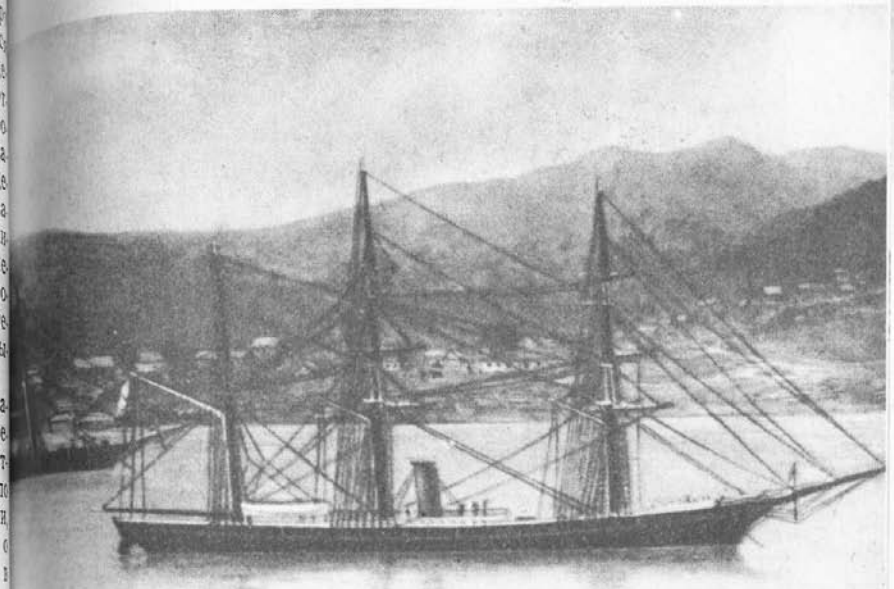
положительно нельзя сказать — будет ли стоить разработка их». Известно, что в то же время геолог Аносов обнаружил в заливе Находка признаки золота [33].

6 ноября 1862 года во Владивосток прибыл транспорт «Японец». «Командир его, — писал Бурачок, — обратился ко мне с требованием помещения для команды и офицеров. Рапортом моим к нему я донес, что половина флотской казармы занята нижними чинами горного дивизиона, прибывшими для заготовки леса на постройку зданий в Новгородском посту. На другой половине помещена команда с парового баркаса, фельдшер, старший машинист Соломин и неспособный IV разряда Крюков, прибывший на поселение отставной писарь Левкович с женою и тремя детьми. Офицерский флигель занят: иеромонахом Филаретом, обер-штейгером Гельманом, вахтером Спыхалиным с женою и сыном» [34]. И Шкот был вынужден уйти в Шанхай.

Зима стояла суровая в 1862/63 году, поэтому все работы на воздухе проводились с трудом. Новый год встретили по русскому обычаю — весело. Владивосток заметно расширился, создались определенные по вкусам и по положению в обществе компании, жители ходили в гости, строили жизненные планы, мечтали о родных местах, о будущих семьях, катались на санках с горы прямо в бухту Золотой Рог, катались и на лошадях.

Первая почта в 1863 году из Хабаровки пришла 25 января, с ней прибыли официальные бумаги. А частные письма — только Бурачку, от 14 июня прошлого года. Но курьеры сообщили, что в Хабаровке есть еще почта для Владивостока, но она будет отправлена тогда, когда туда подоспеют депеши и прочая почта из Николаевска. И все равно полугодовалые новости доставили много радостей Евгению Стефановичу: ему писали отец и мать,

[33] ЦГА РСФСР ДВ, ф. 87, оп. 1, д. 407, л. 3.
[34] ЦГАВМФ, ф. 909, оп. 1, д. 69, л. 1 об.

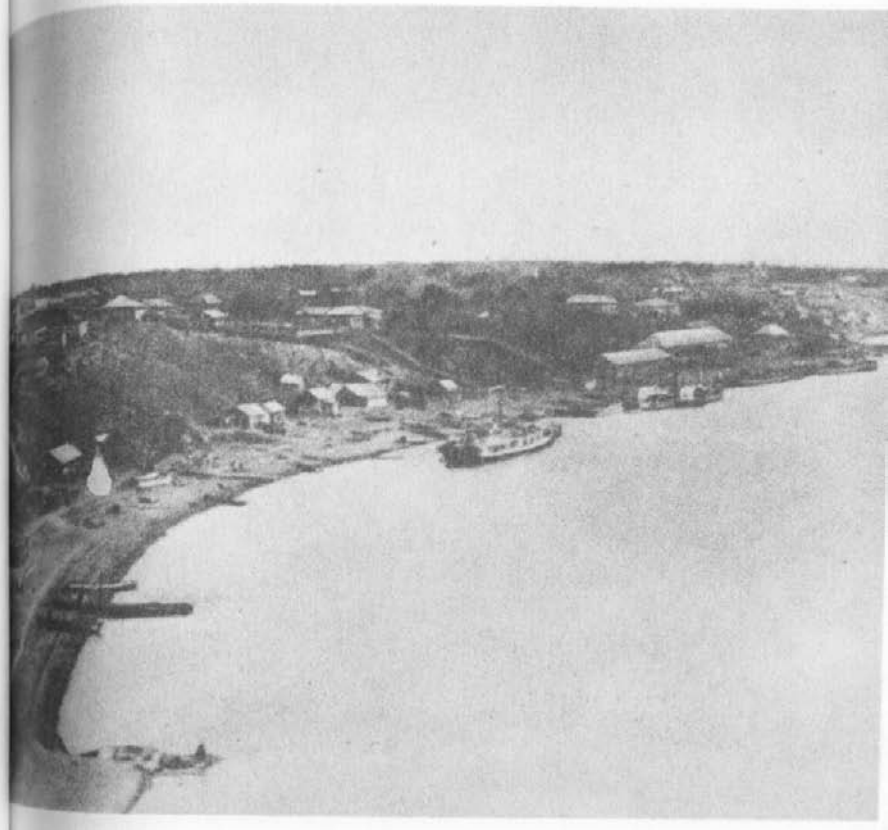


Транспорт «Маньчжур»

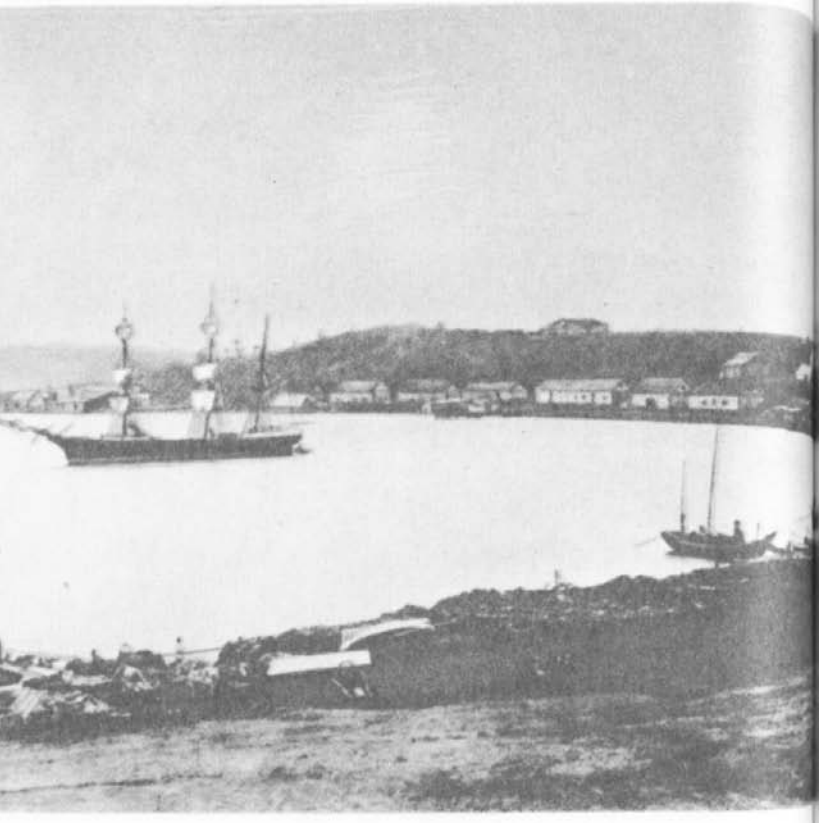
Н. Н. Муравьев-Амурский

Г. И. Невельской

Памятник Муравьеву-Амурскому



Хабаровка. 1876 г.



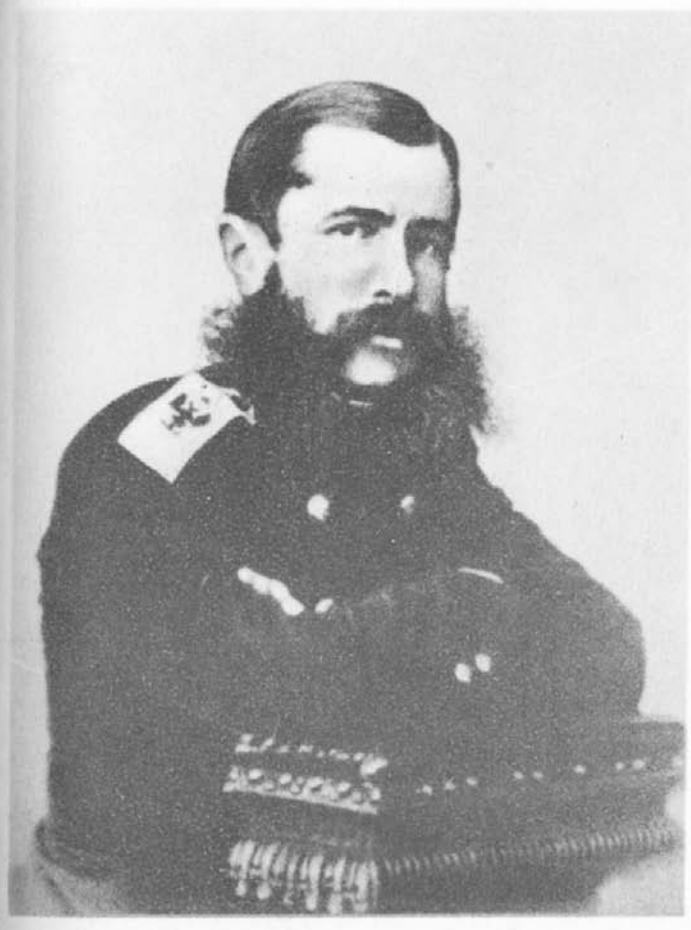
Рейд Владивостока. Начало 70-х гг.

Е. В. Путятин

Н. М. Чихачев

К. Н. Посьет

П. В. Казакевич

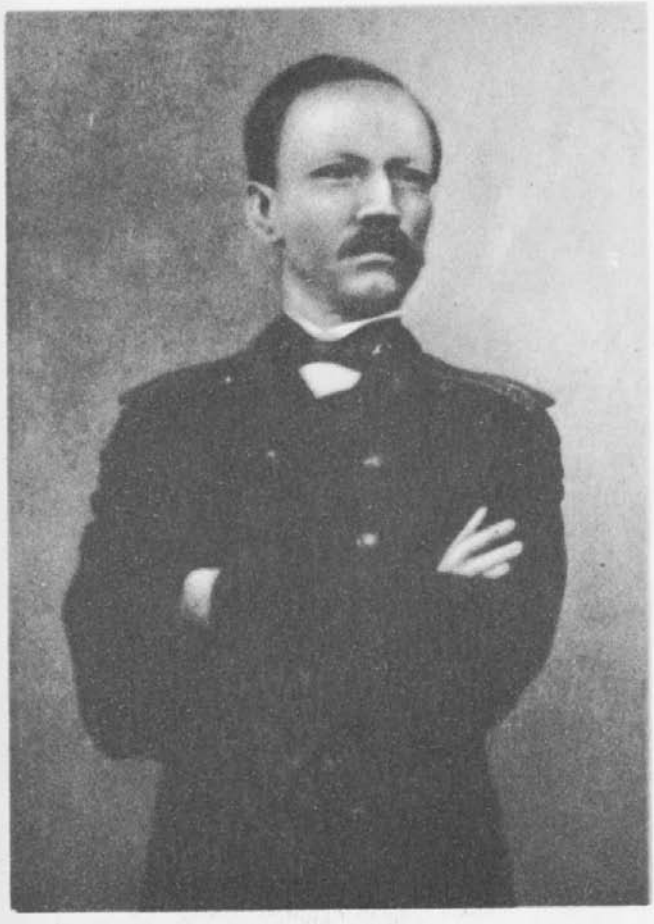


И. Ф. Лихачев

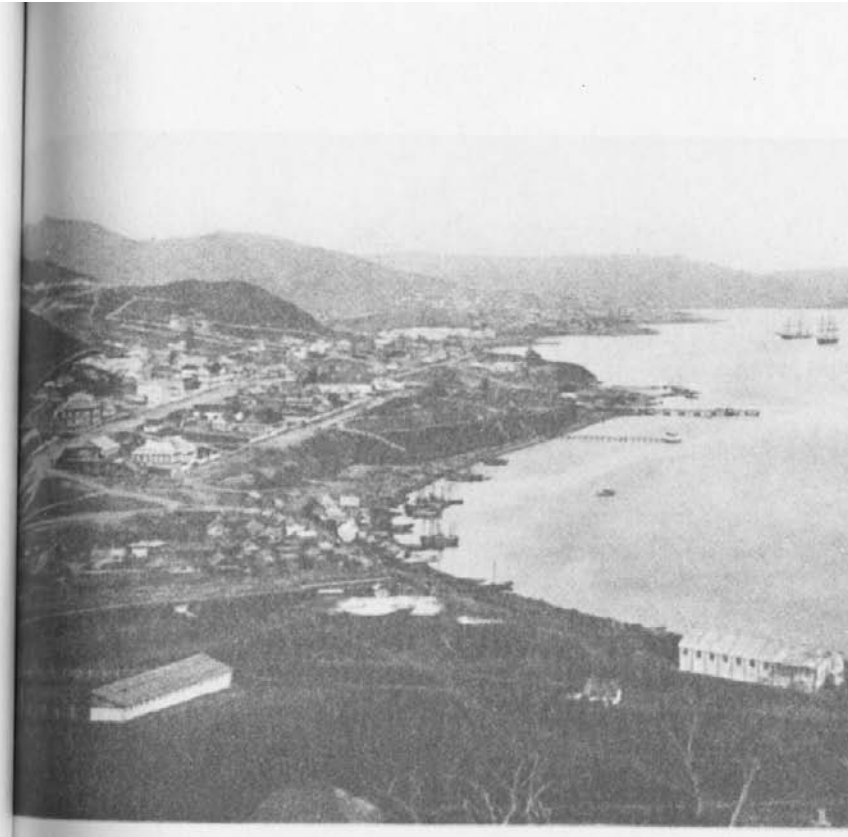
В. А. Римский-Корсаков

М. С. Корсаков

Е. С. Бурачок



Н. Я. Шкот



Владивосток. 1875 г.

А. Ф. Усольцев

П. Л. Овсянкин

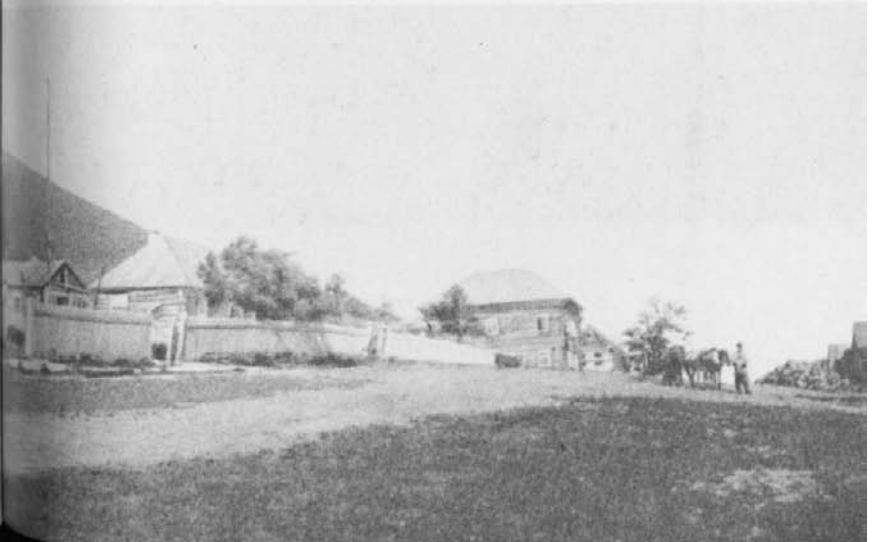
В. М. Баскин

С. И. Рыков

П. И. Рыков

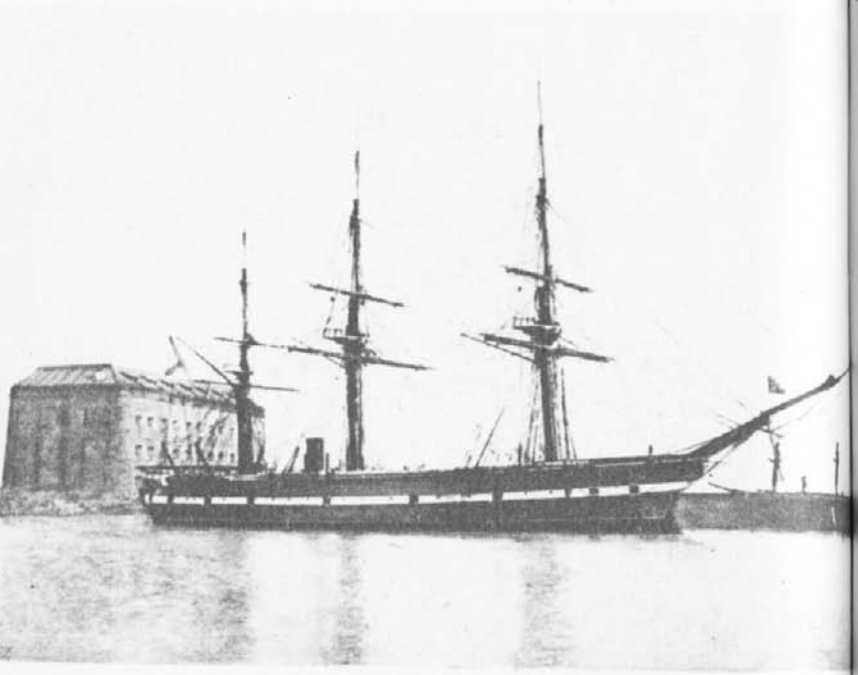
Н. И. Рыков

Владивосток. Улица Светланская



Хабаровка. Начало XX века

Я. Л. Семенов



Фрегат «Светлана»

писали сестры, друг семьи Б. М. Федоров, автор стихов о семье. Они так и называются: «Евгению Стефановичу Бурачку. В ответ на письмо его».

Иль оттого, что Вы с родными
По мысли здесь, как солнца свет,
То все, что в близости здесь с ними,
Как будто возле вас живет?

Спасибо Вам! И повторю я:
Сто раз спасибо от души,
И милое письмо целую,
Скажу: желанья хороши!

Да совершит их Провиденье!
А Вам, далеко-близкий друг,
Сердечное благодаренье —
И не мое одно, а двух —

И молодой моей подруги,
И молодого старика...
Поэты — вечно чувствам слуги!
Геройство — доля моряка!

Даст бог, наступит день возврата
Евгению в семье своей,
Для матери, отца, сестер и брата
Счастливейший из жизни дней!

О, возвратитесь к нам скорее,
В благословенный круг родной,
Всех взоры заблестят светлее,
Отрадой чистой и живой! [35]

Пришли и фотографические карточки родных — редкость по тем временам. Бурачок после таких новостей жил только Петербургом — так хотелось туда.

В декабре температура опускалась до 25 градусов мороза по Реомюру, но после 15 января наступила оттепель, сменившаяся с 25 января новыми морозами.

И Бурачок дождался: в апреле пришел положительный ответ — по своему усмотрению, сдав пост временно

[35] Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский дом) Академии наук СССР, ф. 34, архив С. О. Бурачка, № 286, лл. 1—2.

Меньшуку, плыть в Кронштадт осенью на каком-либо корабле или возвращаться внутренними путями с обязательным заездом в Николаевск, в штаб, за документами. 12 апреля во Владивосток пришли из Кронштадта «Новик», «Боярин» и «Рында». Гардемарин К. Зеленый оставил такое воспоминание о Владивостоке как раз того времени, когда его покидал Бурачок: «Первое, чем встретила нас родная земля, был туман необыкновенно густой и прохватывающий насквозь сыростью, в бухте еще местами лежал снег. Строений во Владивостоке, правда непривлекательных, довольно, но они ужасно разбросаны, так что расстояния между флотскою и солдатскою слободкою — целая верста; есть также небольшая деревянная церковь. Население пока состоит из 150 солдат и 8 ссыльнокаторжных женщин. Неподалеку расположены и жилища аборигенов, люда очень трудолюбивого, у которого всегда почти можно достать быков, рыбы, картофеля, больших раков... и местной водки. Зелень тогда еще не распускалась, и вид бухты был довольно печальный, но, говорят, летом здесь бывает очень хорошо» [36].

Вскоре из Николаевска пришел «Японец», с которым Бурачок, снова заболевший и разбитый, хотел отправиться в Николаевск. О возвращении кругом света в Кронштадт не могло быть и речи. А пока приходилось работать и потихоньку сдавать пост. Черкавский написал, чтобы Бурачок сообщил Казакевичу: не нужно высылать в Новгородский пост ссыльнокаторжных для добычи каменного угля — нужно сначала для них тюрьму построить, а потом взвод, по крайней мере, конвойных где-то расположить. Не знал тогда Евгений Стефанович, что это последняя весточка от хорошего, доброго человека, старшего товарища — вскоре (13 июля 1863 года) после отъезда Бурачка И. Ф. Черкавский скончался в Новгородской гавани. Попытки разыскать его личные дела и вообще какие-либо сведения о нем остались неудачными пока. Наверное, он там и похоронен.

[36] Зеленый К. Из записок о кругосветном плавании. «Морской Сборник», 1865, № 8, неоф. отдел, с. 227.

1 мая «Рында» снялась с якоря во Владивостоке с промерным катером на буксире, который был доставлен для гидрографических работ. А «Японец» ушел в Амурский залив, где грузился дубовым лесом, запасся полсотней тонн каменного угля на Суйфуне, благо было тихо; уголь опробовали, и механик остался вообще-то доволен. Об этом Шкот уже из залива Чихачева доносил Казакевичу 23 мая 1863 года [37].

До отъезда из Владивостока Бурачок стал свидетелем рождения первого владивостокского младенца. Как я ни пытался узнать его фамилию хотя бы, но не смог. Только этот факт зафиксирован Н. П. Матвеевым, и о нем упомянуто в письмо одного из офицеров, побывавших в это время во Владивостоке. У самого Бурачка в архиве таких сведений нет.

Вот и кончилось двухгодичное бессменное дежурство Евгения Стефановича Бурачка во Владивостоке. Приказом морского министра от 28 февраля 1863 года Бурачок переводился в 6-й флотский экипаж. Он был награжден орденом Св. Станислава 3 степени. В честь него — двугорбая гора во Владивостоке называется официально горой Бурачка. И больше ничего, что бы напоминало о нем. А жаль, очень жаль...

На родину Бурачок поехал внутренними путями, то есть до Николаевска через озеро Ханка, Уссури и по Амуру. А оттуда снова по Амуру до Сретенска — и через Сибирь в Петербург. Долгое время он был в отпуске и лечился, служил на береговых должностях, принимал участие в работе Морского ученого комитета, куда

[37] ЦГА РСФСР ДВ, ф. 87, оп. 1, д. 370, л. 35.

он привлекался Г. И. Невельским. В эти же годы он привел в порядок свои дневники, которые в 1865 году опубликовал в «Морском Сборнике», — ими мы широко пользовались. Выступал он в печати и по другим вопросам: полемизировал с П. А. Кропоткиным по поводу его заметки, помещенной в «Московских ведомостях», о причинах гибели многих барж во время ежегодных сплавов по Амуру. Бурачок доказывал, что основной причиной является незнание армейскими офицерами, которым доверяют командование сплавами, основ судовождения, что надо туда назначать морских офицеров [38].

1 января 1867 года Бурачок становится капитан-лейтенантом и получает еще один орден — Св. Анны 3 степени. Затем он служил все время на берегу, в течение двух лет исполнял обязанности помощника управляющего петербургской речной полицией. Продвигаясь сравнительно медленно по служебной лестнице, он 1 января 1875 года стал капитаном 2 ранга, а через четыре года — капитаном 1 ранга. С 1883 года «состоял временным членом военно-морского суда и членом комиссии по пересмотру лоцманских уставов». Получив в следующем году очередной орден — Св. Станислава 2 степени, Е. С. Бурачок 6 февраля был утвержден помощником командира 8-го флотского экипажа, а с 14 июня 1885 года — его командиром. 5 апреля 1887 года получил орден Св. Анны 2 степени и 6 мая он был зачислен по флоту в ожидании отставки по прошению. 25 января 1888 года отставка с положенной пенсией, мундиром и производством в контр-адмиралы была получена. Но без работы он не остался.

Мне пришлось встречаться с некоторыми потомками Е. С. Бурачка и довольно близко познакомиться с его

[38] Бурачок Е. С. Отчего разбиваются на Амуре баржи. «Морской Сборник», 1865, № 4, 1865, неоф. отдел.

семьей. Именно от них я получил публикуемую здесь фотографию Е. С. Бурачка на склоне лет жизни.

По словам внука Е. С. Бурачка — корабельного инженера В. В. Бурачка и внучки А. Р. Поповой-Деминой, дед их был весьма деятельным человеком. Он служил в разных ведомствах, по мере сил помогал советами в дальневосточных делах. Большое место в его жизни заняла работа с архивом отца, как мы уже говорили, известного кораблестроителя, скончавшегося в чине генерал-лейтенанта 26 декабря 1876 года. Нам приходилось видеть письма, в которых различные общественные деятели, ученые обращались к нему с просьбами найти некоторые рукописные статьи отца. Мать умерла 6 февраля 1896 года.

Теперь о семье самого Е. С. Бурачка. От брака с Анной Сергеевной Веткиной у него были дети Евгений, Евгения, Рафаил, Вера, Наталья, Любовь, Всеволод, Степан, Владимир. Потомство в настоящее время идет по линии дочери Евгении, сыновей Рафаила, Степана и Владимира. Владимир Евгеньевич Бурачок во время гражданской войны руководил известной Видлицкой операцией вместе с моим незабвенным учителем А. П. Белобровым против белофиннов в 1919 году.

У брата Е. С. Бурачка Павла Стефановича, про которого друг Евгения Стефановича Александр Де-Ливрон писал из Парижа 6/18 апреля 1864 года, что его в кают-компании «Рынды» все любят, что «на службе он серьезен и не мелочен, нужно сказать, что он хороший морской офицер, так что попал в любимцы Андрея Александровича Попова» [39]. Так вот у него было четверо сыновей (про дочерей не знаю): Аполлон, Степан, Павел, Николай. Павел был флаг-офицером С. О. Макарова и погиб вместе с ним при взрыве «Петропавловска», а

[39] Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский дом) Академии наук СССР, ф. 34, архив С. О. Бурачка, № 454, л. 1 об.

Николай уже в советское время был командиром учебного корабля Высшего военно-морского училища им. М. В. Фрунзе «Комсомолец», на котором и автору этих строк приходилось бывать в дни своей юности.

Мне много рассказывали про него со слов своих родителей внуки Евгения Стефановича, еще больше говорили они мне о подвигах своих близких — дядей; о жизненном пути некоторых из них, например о жизни внука Е. С. Бурачка Бояна Рафаиловича Бурачка, можно было бы написать отдельную книгу.

Когда же я спросил о том, когда и при каких обстоятельствах скончался герой Владивостока и герой нашего очерка Евгений Стефанович Бурачок, то выяснилось, что умер он внезапно, от разрыва сердца, как раньше говорили, когда ехал в трамвае.

Владивосток или Новгородский пост?

Тогда решить этот вопрос было не так-то просто. И тот и другой посты выросли на краю страны. Обе бухты находились вблизи границы. Обе обладали многими достоинствами, но и имели свои недостатки. Споры, различные мнения возникли сразу же, как только русские люди увидели эти бухты-заливы и сразу же выделили их из остальных южных гаваней.

Вспомним, что Н. Н. Муравьев-Амурский в рапорте генерал-адмиралу великому князю Константину 4 октября 1860 года очень хвалил именно Новгородскую бухту в заливе Посьета, делал упор на то, что там можно построить огромный город-порт. Он настаивал в своем рапорте тогда о необходимости твердо обосноваться в Новгородской бухте, но позже, ибо, как он писал, «в настоящее время по местным условиям один только

Николаевск может быть укрепляем более или менее сильно, с военною целию; что же касается до укрепления южных наших портов, то к этому можно будет приступить тогда только, когда будут вполне устранены внутренние сообщения их с Приамурским краем»[1].

Вспомним также, что И. Ф. Лихачев всем сердцем прикипел к заливу Посьета и ратовал за Новгородский пост. Вспомним еще и о том, что Н. Н. Муравьев уже однажды ошибся, перенеся порт из Охотска (приказ о его ликвидации состоялся 23 ноября 1849 года) в Петропавловск-Камчатский (приказ от 2 декабря 1849 года). Начавшаяся война с англо-французами показала промахи в учете преимуществ и недостатков Петропавловска, в результате чего в ходе войны ценой больших усилий пришлось исправлять положение, срочно переносить порт в Николаевск-на-Амуре на виду у неприятельской эскадры. А ведь незабвенный Геннадий Иванович Невельской с самого начала настаивал на перенесении порта из Охотска в Николаевск. Муравьев не послушал доброго совета. Поэтому теперь Муравьев был осторожнее и больше прислушивался к мнению моряков, хотя и не очень их вообще-то жаловал — армейские офицеры были ближе.

Вопрос об избрании места для порта официально был обсужден по прибытии П. В. Казакевича в Петербург.

От себя же Казакевич написал так: «Проходя в минувшее лето по Уссури через Ханкай и Суйфун до прибрежья и посетив на оном обе означенные гавани, я во весь этот значительный путь, встречая повсюду прекрасные места к заселению, был поражен естественным богатством края, способностию его к принятию густого населения и возможностию развития в нем кипучей деятельности». Итак, это вообще о крае.

[1] ЦГАВМФ, ф. 16, оп. 1, д. 94, лл. 28, 32.

А о Владивостоке Казакевич сказал так хорошо, что, кажется, и добавить к этому нечего. «Владивосток, — писал он, — самой природой назначен для обширной морской торговли внутренними произведениями страны. Расположенный в центре богатыми бухтами и внутренними путями прибрежья, имея громадный, совершенно покойный рейд с превосходными для гаваней заливами, покрытый замечательным архипелагом островов, способствующим к развитию морского населения, пост этот должен со временем сделаться весьма важным морским торговым портом» [2]. Добавим — история доказала правоту предвидения Казакевича, «крестного отца» и одного из основателей Владивостока. Этот пункт стал крупнейшим океаническим портом нашей страны, одним из ее красивейших городов.

Переписка о преимуществах того или иного залива сравнительно быстро перекочевала из официальных документов на страницы газет и журналов. Естественно, что больше всего публикаций появилось в «Морском Сборнике», весьма популярном журнале того времени не только среди моряков. Были статьи и в других журналах.

Одним из первых, побывавших в обеих гаванях, был Д. И. Романов, который в статье, опубликованной в «Записках Русского географического общества», дал превосходное описание залива Посьета в общегеографическом отношении и сделал заключение, что главный порт должен строиться в заливе Посьета, который отстоит от границы всего на 20 верст, имеет превосходные рейд Паллада, бухту Экспедиции и Новгородскую гавань. Залив Посьета замерзает не более двух месяцев, имеет залежи каменного угля и достаточное количество источников пресной воды. Отсутствие вблизи поста леса

[2] ЦГАВМФ, ф. 1191, 1862, оп. 1, д. 44, лл. 1—3.

он считал не таким уж большим недостатком — его можно было бы привозить из залива Славянка [3].

Известный впоследствии геолог И. А. Лопатин также вмешался в этот спор. Вот его рассказ о Посьете и Новгородском посте: «Кроме нескольких казарменных зданий, в Посьете есть магазин со складом разной провизии для войска, и все это окружено невысоким валом и рвом. Пост стоит на высокой горе, на оконечности длинного полуострова, на спуске с которой к морю находятся разработки каменного угля. Для удобства нагрузки угля устроена пристань для шлюпок».

А вот такие слова Лопатин нашел для Владивостока: «Здесь, кроме постовых строений, как и в Посьете, есть казармы и лазарет для матросов русских военных судов. Тут же строится механическое морское заведение, две пристани для выгрузки судов, несколько домов семейных солдат и лавка одного русского купца» [4]. Путешественник побывал там в 1862 году.

6 мая 1864 года Е. С. Бурачок представил управляющему морским министерством рапорт-доклад «Стратегические пункты Приамурского края», в котором дал характеристики всем бухтам. В конце своего доклада он высказал важную мысль, которая впоследствии была воплощена в жизнь: «Весь Приамурский край необходимо должен быть отделен от Иркутского генерал-губернатора и поручен главному командиру и генерал-губернатору из моряков, а он уже найдет специалистов для всяких дел и работ, и дело у мастеров загорится» [5].

[3] Романов Д. И. Новгородская гавань в заливе Посьета. «Записки Сибирского отдела Императорского Русского географического общества». Кн. VIII. Иркутск, 1865, смесь, с. 122—137.

[4] Лопатин И. А. Обзор южной части Приморской области Восточной Сибири за р. Суйфуном. «Записки Сибирского отдела Императорского Русского географического общества». Кн. VII. Иркутск, 1864, смесь, с. 166—206.

[5] ГАПК, ф. 530, оп. 1, д. 2, л. 50.

В следующем году Бурачок выступил в «Морском Сборнике» со статьей, которую так и назвал: «Где должен быть русский порт на Восточном океане?», которая явилась развитием его предыдущего доклада. В ней преимущественно с военно-морской точки зрения характеризуются бухта Золотой Рог с Владивостоком, Новгородский пост, залив Стрелок, бухта Новик, заливы Ольги и Владимира, Императорская гавань и залив Чихачева (Де-Кастри). Начал с того, что начисто отверг мнение Д. Афанасьева, высказанное им в статье «Николаевск-на-Амуре», о возможности устройства главного порта в заливе Чихачева [6].

Собственный опыт двухлетнего пребывания во Владивостоке и испытанные им при этом невзгоды заставили Бурачка осторожно отнестись к огульному восхвалению Владивостока, как преимущественно единственного места для главного порта. Он написал, что «из сведений, получаемых из Николаевска, видно, что наиболее внимания обращено теперь на Владивосток. Там установлена уже паровая пильная машина; механическое заведение уже снабжено машинами; туда двигают линейный батальон; телеграфную проволоку ведут от Хабаровки, по реке Уссури во Владивосток. Поговаривают даже, что во Владивостоке будет постоянно находиться на станции одно из судов эскадры Тихого океана или Сибирской флотилии. Все это хорошо, но представляется вопрос: удовлетворяет ли Владивосток всем требованиям порта в полном смысле этого слова? Бухта Золотой Рог, при которой расположен пост Владивосток, — закрытая, покойная для стоянки судов. Но этого мало. Невыгоды этой местности так велики, что трудно ожидать быстрого развития этого порта» [7]. Что же, сказано действительно осторожно, но правильно. Десять лет — это не так уж и быстро.

[6] «Морской Сборник», 1864, № 12.

[7] Бурачок Е. С. Где должен быть русский порт на Восточном океане?, «Морской Сборник», 1865, № 9, неоф. отдел, с. 3—8.

29 марта 1865 года генерал-губернатор Восточной Сибири М. С. Корсаков подал великому князю Константину «Записку о необходимости выбора гавани для основания порта». Генерал-губернатор писал: «Таким образом, с видами на южные порты наших новых владений Николаевск стал утрачивать свое административное и портовое значение и, сохраняя за собою только характер стратегического пункта, как устье большой судоходной реки, находящейся в наших владениях и вливающей воды свои в океан, получил значение временного лишь средоточия портовых учреждений и местной администрации, пока не возникнет порт в южных гаванях, обладание которыми по их положению сделалось вопросом обладания Амуром».

Далее Михаил Семенович сделал обстоятельный разбор возникших мнений относительно будущего главного порта и высказал свое. «Весь залив Петра Великого, — докладывал он великому князю Константину, — изрезан гаванями большей или меньшей величины, с относительными достоинствами и недостатками. Величайшая из них есть Владивосток, представляющий удобнейший в гидрографическом отношении прекрасный порт. Южное расположение, обширность и глубина рейда вблизи берегов, береговые условия, удобства для устройства сухопутного сообщения с Уссурийским краем — обусловливают вполне портовую будущность Владивостока, когда прибрежное население разрастется в достаточной степени для того, чтобы могло представить крепкую опору для береговых приморских учреждений. Но все эти условия гавани Владивостока представляют свою односторонность, ибо заключают в себе задатки удобств исключительно коммерческого порта» [8].

[8] ЦГАВМФ, ф. 410, оп. 2, д. 3230, лл. 1—7.

В дальнейшем, на двадцати страницах, он, расхваливая Новгородскую гавань, говорит в пользу Новгородского поста в заливе Посьета и заканчивает таким выводом: «Выбор этот, по моему мнению, должен остановиться на Новгородской гавани в заливе Посьета».

Великий князь Константин распространил записку среди всех министров. И принципиальных возражений практически ни от кого не последовало. А министр финансов выразил готовность начиная с 1866 года выделять сто тысяч рублей на устройство там порта. Казалось, судьба Владивостока решена или, по крайней мере, будущность его как главного порта определена.

Но вот генерал-адмирал в своей записке «О мерах к основанию порта в Новгородской гавани», казалось бы, полностью соглашаясь с мнением Корсакова, тем не менее оттянул окончательное решение вопроса. Он писал: «Я входил с ним в личное соглашение относительно этого важного предмета, и эти совещания вполне убедили меня, что Новгородская гавань в заливе Посьета, сколько можно судить по современному положению Приамурского края, наиболее соответствует местным условиям. Но, имея в виду, что местность вокруг залива Петра Великого до сих пор почти еще вовсе не заселена и что заселение края всего действительнее может упрочить там русское владычество, я не мог не признать наиболее последовательным начать дело не с создания областного города и порта там, где нет еще ни торговли и промышленности, ни даже населения, но с заселения вообще местности вокруг залива Петра Великого, начав с Корейской границы и местностей, прилегающих к Новгородской гавани, чтобы иметь хотя по нашему рубежу сплошную полосу русского населения».

Вместе с тем великий князь Константин распорядился, чтобы дальнейшее развитие Николаевска «было приостановлено для сбережения государственных расходов и чтобы возводимые в нем постройки, как городские,

так и портовые, были ограничены пределами крайней и неотложной надобности». Все эти сведения, записки, мнения были переданы на рассмотрение Кабинета министров, который 4 января 1866 года постановил: «Принять оныя к сведению»[9].

Необходимо сказать, что на этом заседании присутствовал великий князь Константин, по предложению которого было решено также наряду с решением первостатейной задачи — заселения Приморья — еще и еще раз присмотреться к обоим претендентам на звание главного порта России на Тихом океане. Великий князь вообще слыл либералом, он получил, кроме домашнего «царского» воспитания, также прекрасное военно-морское образование. Достаточно сказать, что несколько лет его воспитателем по этой части был прославленный ученый-мореплаватель, фактический основатель Русского географического общества адмирал Федор Петрович Литке. Под флагом Литке Константин прошел достаточную для человека его положения морскую практику, плавал из Кронштадта в Архангельск и из Кронштадта в Средиземное море и много раз по Балтийскому морю вахтенным начальником наряду со всеми офицерами и, между прочим, — так случилось — несколько лет с Г. И. Невельским, самозабвенно любил флот и делал очень много для его развития. Поэтому-то, видимо собрав у себя выдающихся моряков того времени, он решил до поры до времени воздержаться от принятия окончательного решения о главном морском порте Восточного океана.

Пока шла ведомственная переписка, Владивосток строился. Люди ехали почему-то сюда, а не в Посьет, хотя все склонялось к тому, чтобы главным портом в южных гаванях (вспомните слова Е. С. Бурачка) стал Новгородский пост. Чувствовалось, что в управлении

[9] ЦГАВМФ, ф. 410, оп. 2, д. 3230, лл. 25, 29; 57—60, 62.

южными гаванями назревали перемены. И действительно, старожил и один из самых деятельных офицеров Николай Яковлевич Шкот, уже в 1856 году произведенный в капитан-лейтенанты, а в 1858 году награжденный орденом Св. Станислава 2 степени, бессменный командир транспорта «Японец», так близко причастный к основанию Владивостока, Новгородского поста, поста во Владимире, перенесенного затем в Ольгу, постов на Сахалине, в 1864 году получил еще один орден — Св. Владимира 4 степени с бантом и 6 июня того же 1864 года был назначен помощником капитана над портами Восточного океана, то есть помощником Казакевича по морской части. 2 октября того же года он был назначен начальником в южных гаванях с местопребыванием во Владивостоке.

Н. Я. Шкот был произведен в капитаны 2 ранга. «Будучи честным и прямолинейным, обладая громадной энергией, он отдавал всего себя исполнению новой должности и все средства, находившиеся в его распоряжении, к сожалению, весьма ограниченные, для поднятия гаваней и особенно любимого Владивостока» [10].

Одной из линий, которую энергично проводил в жизнь Н. Я. Шкот, как раз и стала интенсификация заселения Владивостока, которая согласовалась с общей линией правительства и губернатора. Еще 19 июня 1862 года Казакевич писал Корсакову о необходимости скорейшего заселения Приморской области. Он предлагал «всех семейных нижних чинов Балтийского флота каких бы то ни было сроков службы по желанию уволить в бескрайний отпуск для поселения в южных гаванях, с выдачею здесь на месте установленного вспомоществования, и отправить с семействами во Владивосток кругом света на казенный счет» [11].

[10] Масленников Б. Г. Моряк-исследователь. Газ. «Красное знамя», 1967, 17 марта.

[11] ГАПК, ф. 530, оп. 1, д. 1, лл. 5—7.

В свою очередь Корсаков писал Казакевичу 10 августа 1864 года в связи с созданием Уссурийского казачьего батальона: «Считая не только полезным, но и необходимым не только для более прочного охранения границы нашей с Китаем, но и для более правильного и удобного сообщения с южными гаванями, заселение и остальной части этой границы до реки Тюмень-Улы, и имея в виду, что достижение этой цели по всей вероятности должно быть отсрочено на весьма продолжительное время, если рассчитывать только на свободных переселенцев из России, я полагал бы возможным осуществление этого заселения произвести устройством, на местах расположения наших постов от впадения реки Сунгачи в Уссури до Владивостока, поселений из женатых нижних чинов линейных батальонов Восточной Сибири, имеющих при себе семейства свои и изъявивших желание на водворение в тех местах» [12].

Из отчета же о состоянии Уссурийского пешего батальона казачьего войска, которым командовал подполковник Яков Васильевич Дьяченко, видно, что уже на 1 января 1864 года в нем находилось 2959 мужчин и с ними 2119 женщин [13]. Штаб этого батальона располагался в станице Казакевичевой. Интенсивно шло заселение района от реки Сунгачи и до Владивостока также женатыми чинами линейных батальонов Восточной Сибири. Например, из 4, 5 и 6 батальонов там было размещено соответственно 98, 24 и 34 семейства [14].

Постепенно росло и население Владивостока. Первые три женщины-поселенки прибыли в пост в 1862 году, а 15 августа 1864 года на транспорте «Гиляк» из Николаевска во Владивосток было доставлено 84 переселенца. Русское население Владивостока в 1864—1865 годах состояло уже из самых различных общест-

[12] ГАПК, ф. 530, оп. 1., д. 1, лл. 8—9.

[13] ЦГА РСФСР ДВ, ф. 87, оп. 1, д. 900, лл. 104—120.

[14] Там же, д. 286, лл. 16—18.

венных прослоек: морские и армейские офицеры, унтер-офицеры, матросы и солдаты, их семьи, несколько русских и иностранных торговцев-купцов, незначительное число отставных чинов с семьями, мастеровые с семьями, ссыльные женщины.

В начале 1865 года произошло событие, несомненно повлиявшее на жизнь Приморской области. Решив, что настало и его время уезжать с Дальнего Востока, П. В. Казакевич 2 марта 1865 года обратился с письмами к М. С. Корсакову и Н. К. Краббе, в которых просил о переводе его на Балтику, а вместо себя рекомендовал капитана 1 ранга Югана Халтусовича Фуругельма (русские звали его Иваном Васильевичем) [15]. До этого Фуругельм много времени провел на Дальнем Востоке. Во времена Амурской экспедиции он командовал барком «Князь Меншиков» Российско-Американской компании, затем до 1858 года был командиром Аянского порта, после чего, с 1 декабря 1858 года, являлся Главным правителем Российско-Американской компании [16].

Пробыв в этой должности положенные пять лет, Фуругельм уехал на родину, в Финляндию, где служил в Свеаборге. 4 апреля 1865 года последовал приказ о производстве Фуругельма в контр-адмиралы и о назначении его Военным губернатором Приморской области, Командиром Сибирской флотилии и портов Восточного океана. 19 сентября 1865 года он уже докладывал, что с 14 сентября вступил в должность.

А П. В. Казакевич уехал из Николаевска 10 октября 1865 года на пароходе «Америка» в Шанхай, откуда через Суэц добрался до Петербурга. Но пока еще он находился у власти, по его ходатайству, поддержанному Корсаковым, министр внутренних дел 24 октября

[15] ЦГАВМФ, ф. 283, оп. 2, д. 4193, лл. 1—2.
[16] Там же, д. 3692, л. 3.

1864 года разрешил издавать в Николаевске газету «Восточное Поморье» [17]. В том же 1864 году во Владивостоке была построена для купца Семенова первая шхуна «Эмилия». Строил ее шведский мастер Фрис с рабочими — солдатами местной команды на верфи, располагавшейся в районе бывшего Адмиральского сада. Этой шхуной, своей собственностью, командовал сам Семенов, подрядившийся делать рейсы из Владивостока в залив Ольги. Затем на этой же верфи построил шхуну американец Смит.

Шкот вскоре получил позволение от военного губернатора Приморской области разрешать селиться во Владивостоке иностранцам и отводить им землю для построек. Инициатива в этом вопросе была проявлена им самим, поскольку к нему поступали заявления от иностранцев. И он 11 июня 1865 года был вынужден просить разъяснить ему, на каких условиях можно позволять селиться иностранцам во Владивостоке, и от себя добавил, что для «развития края было бы очень полезно продавать им земли как в самом порту, так и вне порта» [18].

Целесообразность заселения Приморской области всеми способами, казалось бы, не должна была иметь противников. И действительно, предписанием И. В. Фуругельма от 30 июня 1865 года во Владивостоке появилась и гражданская власть: титулярный советник Вишняков был назначен на должность начальника управления гражданской частью во Владивостоке с правами земского исправника и одновременно «сверх того состоять в качестве делопроизводителя при капитане 2 ранга Шкоте» [19].

В годовом отчете о состоянии и заселении Приморской области за 1865 год И. В. Фуругельм писал, что

[17] ЦГАВМФ, д. 3139, лл. 9—10.
[18] ЦГА РСФСР ДВ, ф. 87, оп. 1, д. 430, лл. 1, 2.
[19] Владивосток. Сб. документов (1860—1907 гг.), 1960, с. 21.

«главная задача местной администрации состоит теперь в освоении местностей, где все: климат, почва и природа — благоприятствует быстрому развитию хлебопашества. Такими местностями представляются окрестности наших южных гаваней и пространство между Уссури и морем, и на эти-то места и обращено в настоящее время главное внимание» [20].

3 июня 1867 года царь утвердил мнение Государственного совета о заселении земель Приморской области и об управлении этим сложным процессом. В решении было высоко расценено важное мероприятие: «Заселение местности, расположенной на самой дальней восточной окраине наших азиатских владений, и организация правильной администрации в этих малоизведанных краях совпадает, бесспорно, с самыми существенными государственными и политическими интересами».

Управляющим переселенческим ведомством был назначен брат военного губернатора Приморской области статский советник Фуругельм [21].

Но когда дело дошло до финансирования переселенческого дела, то нашлись в правительстве деятели, которые были не в восторге от переселенческой политики на Дальнем Востоке. Так, на особом «Совещании по делам Приамурского края» 2 февраля 1868 года, происходившем под председательством великого князя Константина в присутствии канцлера Горчакова, управляющего морским министерством Краббе и министра финансов Рейтерна, последний заявил, что он в принципе «не разделяет мысли о пользе колонизации отдаленных пределов империи при помощи искусствен-

[20] Владивосток. Сб. документов (1860—1907 гг.), 1960, с. 22.
[21] ГАПК, ф. 530, оп. 1, д. 1, л. 16.

ных мер... Занятие устья Амура и устройство там укреплений — мера мудрая и необходимая для обеспечения этого края для России на будущее время. Но следует ли нам теперь же, не ожидая естественного хода развития колонизации, привлекать искусственными мерами русское население в местность на полторы тысячи верст южнее. Не следует забывать, что население Приамурского края до сих пор еще получает хлеб кругосветным путем из Европейской России». На заседании этом обсуждалось ходатайство Корсакова о выделении ежегодно 30 тысяч рублей на развитие порта в южных гаванях.

Государственный канцлер уклонился от обсуждения этого вопроса, а говорил лишь о целесообразности заселения Сахалина. Управляющий морским министерством, естественно, горячо и твердо высказался за выделение денег. Все решило выступление генерал-адмирала, который, полемизируя с Рейтерном в вопросе экономии средств, сказал, что с этим можно было бы согласиться, если бы эти территории еще не были присоединены к России, «но в настоящее время, когда этот край обеспечен за ними трактатами, нельзя относиться к нему с полным равнодушием. Будущность Приамурского края на юге; но, кроме сего, в настоящее время есть обстоятельства, которые указывают на необходимость направить теперь же в ту местность поселенцев. Из этого края получены известия об открытых приисках золота; наконец, естественные условия страны дают полное основание надеяться, что в краю этом разовьется земледелие и Приморская область будет пропитывать себя своими средствами, подобно тому, как уже пропитывает себя Амурская область».

В итоге обсуждения было постановлено и 19 февраля 1868 года утверждено царем: «Для споспешествования заселению острова Сахалин и южного прибрежья Приамурского края отпускать из Государственного каз-

начейства в распоряжение генерал-губернатора Восточной Сибири по тридцати тысяч руб. ежегодно»[22].

М. С. Корсаков хорошо понимал суть преобразований и вообще всех событий, происшедших на Дальнем Востоке со времен Муравьева и Невельского и происходивших по сие время. Поэтому он поручил одному из своих чиновников особых поручений Петру Шумахеру взять на себя роль историографа. И 18 апреля 1866 года сообщал Фуругельму, что Шумахер, «на которого возложено составление подробного очерка всех правительственных действий по занятию и устройству Амурского края, командирован мною на нынешнее лето в Амурскую и Приморскую области, для собрания на месте верных сведений о современном состоянии колонизации нового края и для дополнения собранных им в архивах военного и морского министерств, окружного штаба и Главного управления Восточной Сибири материалов, относящихся до его занятий, материалами из архивов местных управлений»[23]. И по сей день результаты исследовательской исторической работы П. Шумахера имеют большое значение. Его статьями пользуются все занимающиеся историей Дальнего Востока[24].

Итак, в правительстве рассуждали, а во Владивостоке (да и в Новгородском посту) строили. Шкот старался не за страх и даже не за совесть — он любил свое детище. Вот каким предстал перед комиссией в 1866 году порт Владивосток: «При входе на рейд приятно были поражены устройством и хорошим видом колонии; здесь колония не имеет форменного вида поселения, казармы и частные дома не поставлены под ранжир по

[22] ЦГАВМФ, ф. 410, оп. 2, д. 3353, лл. 9—14 об.

[23] ЦГА РСФСР ДВ, д. 87, оп. 1, д. 298, лл. 2—2об.

[24] Шумахер П. В. К истории приобретения Амура. Сношения с Китаем с 1848 по 1860 г. «Русский архив», 1878, № 11, с. 287—342; Об обстоятельствах, сопровождавших заключение Айгунского трактата. «Русский архив», 1878, № 3, с. 333—342.

протянутым шнурам, деревья кругом не вырублены, как всегда бывает при появлении нашего войска, но каждое здание поставлено по удобству местности и окружено деревьями и огородами; все люди имеют здоровый и бодрый вид и хорошее продовольствие, много скота и разных хозяйственных удобств; небольшое механическое заведение, можно сказать, выросло из-под земли и без всяких посторонних средств и издержек, с пользой работает как для нашей эскадры, так и для надобности колонии, а что всего важнее — при разнородности жителей и родов службы нет рапортов и протестов, а все исполняют свое дело и довольны; всему этому обязаны начальнику поста капитану 2 ранга Шкоту, который деятельностью своею, благородством, большим смыслом и заботливостью о всех без различия в самое короткое время довел положение до благосостояния.

Команды здесь помещается: морской 64 человека, линейной 2 роты Сибирского батальона около 110 человек и артиллерийской — 80 человек, всех же жителей в Владивостоке считают до 700 мужчин и 150 женщин. Во Владивостоке работают — паровая вертикальная пила; в кузнице чугунный горн и в литейной мастерской — вагранка для отливки чугуна весом в 60 пудов»[25].

Н. П. Матвеев добавляет к этому, что дом постового начальника стоял на том месте, где теперь стоит (то есть в 1910 году. — **А. А.**) дом командира порта, рядом с ним — казарма постовой команды, провиантский магазин и кабак, а гриденские казармы — на месте современных, по тому, опять-таки, времени, магазинов (складов) адмиралтейства. На пригорке между этими поселками возвышалась церковь.

М. А. Клыков, помощник В. М. Бабкина, свидетельствует, что в 1866 году во Владивостоке было: одна церковь, десять казенных зданий, 34 частных дома, 12 ма-

[25] ЦГАВМФ, ф. 410, оп. 2, д. 3230, лл. 66—67 об.

газинов и складов, три кабака и другие помещения. Существовали две пристани: на северном берегу, у постового склада, к которой могли подходить суда с 12-футовой осадкой, и большая — в северо-западной части бухты, длиной четыре сажени, но допускавшей швартовку любого судна того времени. «Владивосток являлся складом запасов морского ведомства для судов Сибирской флотилии, и посетившее его судно всегда доставало в нем самонужнейшие материалы и провизию, хотя не всегда в должном качестве и полном количестве» [26].

Просто диву даешься, как на голом месте всего-навсего за шесть неполных лет русские люди сумели сотворить такое. Дальнему Востоку повезло, что туда ехали служить офицеры-патриоты.

Более десяти лет провел безвыездно на Дальнем Востоке Н. Я. Шкот. Всем было известно, что он под Севастополем был тяжело ранен и контужен — и служил. Только когда раны стали чаще напоминать о себе, он попросился о переводе на Балтику. Его просьба была удовлетворена, и приказом от 6 ноября 1866 года Николай Яковлевич Шкот был переведен в 7-й флотский экипаж [27].

На его место был определен капитан-лейтенант Александр Адольфович Этолин. Сухопутными войсками командовал штабс-капитан Буякович, а начальником поста Владивосток в эти годы был прапорщик Майлов. Скажем также и о том, что в Новгородском посту после Черкавского был некоторое время Майлов, затем его сменил поручик Рязанов, а 18 февраля 1866 года начальником Новгородского поста стал известный деятель Дальнего Востока подполковник Яков Васильевич Дьяченко. О нем, как и о Шкоте, будем говорить отдельно.

[26] Матвеев Н. П. Указ. соч., с. 20—21.
[27] ЦГАВМФ, ф. 283, оп. 2, д. 4229, лл. 5—7.

Новгородский пост строился. В 1866 году в нем насчитывалось уже более двухсот жителей. В связи с назначением Я. В. Дьяченко начальником поста слухи о переносе порта из Николаевска в Посьет, а не во Владивосток, потекли по Дальнему Востоку не ручьями, а полноводными реками. Даже газета «Восточное Поморье» опубликовала в это же время, то есть в 1866 году, такую пугающую информацию: «Новости, полученные нами, не очень утешительны вообще для жителей... Порт и пост упраздняются, и все будет перенесено в Посьет». «Все приуныли, а Владивосток, как назло, в последнее время стал поправляться наружностью: некоторые расчистили значительные местности для садов и огородов, приступили к рытью уличных канав, начали строиться столбы для палисадников, разбили домовые участки и хотели, по возможности, распланировать улицы, а по главной рассадить деревья и устроить аллею» [28].

Однако жители не хотели верить в такие сообщения. В 1867 году о них вроде бы и позабыли. Во Владивостоке строился большой док. В 1869 году в него уже были введены шхуны «Алеут» и «Фарватер» [29].

Все эти годы во Владивостоке продолжались и другие строительные работы. Весьма деятельный полковник Д. И. Романов, занимавшийся проведением телеграфа, докладывал Н. К. Краббе 30 ноября 1864 года, что «действие по наибольшей половине Амурского телеграфа от Хабаровки до Николаевска на протяжении 1000 верст открыто» [30]. Велись работы по прокладке телеграфа до Владивостока, а в 1867—1868 годах встал вопрос о проведении подводного кабеля от залива Посьета в Китай и Японию.

В августе 1870 года телеграф от Гонконга был про-

[28] Матвеев Н. П. Указ. соч., с. 23—24.
[29] ЦГАВМФ, ф. 410, оп. 2, д. 4212, л. 2.
[30] Там же, д. 3071, л. 46.

ложен до Шанхая, а оттуда во Владивосток в апреле 1871 года [31].

30 июня 1868 года Корсаковым был утвержден план застройки Владивостока. В 1868 году во Владивостоке по официальной статистике было 77 построек: 32 казенных здания и 35 частных домов. В нем проживало 516 человек. Во Владивостоке жили почтмейстер Черниговский, полицмейстер, действовала Успенская церковь.

И все-таки в 1868 году вопрос о Владивостоке как о главном порте официально еще не ставился. К рапорту Фуругельма приложена записка «О портовых учреждениях в портах Восточного океана», в которой речь идет об имеющихся постройках и о тех зданиях и заведениях, которые необходимо выстроить в «главном порте в Посьете» в самую первую очередь [32]. Что же касается Владивостока, то он именуется в проекте переустройства лишь «морской станцией», в которой «будет управление землями министерства уделов». Николаевск назван и то выше — портом 2-го разряда.

Корсаков же, в свою очередь, в конце 1868 года, будучи в Петербурге, подал царю записку о преобразованиях в Приморской области, которыми предусматривалось перенести из Николаевска в Хабаровку все военные и гражданские управления области, упразднить должность командира Сибирской флотилии с назначением начальника области — военного губернатора, учредить военный порт в одной из южных гаваней, после чего разделить Сибирскую флотилию на два отдела: Николаевский порт и порт в южных гаванях с назначением двух капитанов над портами, которые подчинялись бы непосредственно начальнику области. Все эти годы (1864—1869) продолжались интенсивные исследования Приморья. Коротко расскажем о них.

[31] ЦГАВМФ, ф. 410, оп. 2, д. 3447, лл. 4, 6, 13, 39.
[32] Там же, д. 4207, лл. 36об—37об.

20 ноября 1863 года М. С. Корсаков предписал П. В. Казакевичу командировать отправленного к нему из Иркутска курьером генерального штаба штабс-капитана Г. П. Гельмерсена, впоследствии известного ученого-геолога, академика, «без задержания в Уссурийский край для означенного исследования, а также для разведки путей с Суйфуна на дорогу, по которой следует телеграфная партия (к Посьету. — А. А.) и к другим южным гаваням по указанию Вашему».

27 декабря 1864 года Гельмерсен рапортовал из станицы Казакевичевой П. В. Казакевичу: «Большая часть поручений, возложенных на меня Вашим превосходительством и генерал-губернатором, исполнена, и благодаря хорошему лету мне удалось осмотреть все дороги и тропинки между гаванью Посьета, Ольгой и Уссури, за исключением одной — от Сучана до Ольги, по берегу моря, снятой уже прежде; но, к сожалению, обширность участка, который нужно было обойти в одно лето, заставляет меня часто ограничиваться обзором там, где было бы необходимо произвести более точные работы. В особенности я отношу это к окрестностям озера Ханка и Суйфуну, где более всего данные для развития торгового пути, который может сохранить свое значение и тогда, когда разовьется новый пункт — «гавань Находка» и во всяком случае будет путем пограничным, то есть военным» [33].

Лопатин в декабре 1864 года писал об осмотре им рудных месторождений в Приморской области. В частности, при осмотре реки от залива Ольги на 115—120 верст «найдены жилы серного колчедана с примесью свинцового блеска» [34].

Каменный уголь находили часто, особенно в районе Сучана. Встал вопрос о разработке каменноугольных

[33] ЦГАВМФ, ф. 909, оп. 1, д. 86, лл. 1—1 об, 24.
[34] ЦГА РСФСР ДВ, ф. 87, оп. 1, д. 368, л. 91 об.

месторождений в Приморской области. Дошло дело до Кабинета министров, к которому 21 июля 1868 года обратился Корсаков. К обсуждению были привлечены морской министр, горный совет и министр финансов. На совещаниях было в конце концов решено 30 ноября 1868 года разрешить свободное предпринимательство русских подданных, за исключением тех участков Приморской области, на которых имеются сделанные от казны устройства. Заметим попутно, чтобы не возникало у читателей вопросов о крупнейшем на Дальнем Востоке Сучанском месторождении каменного угля, что признаки его, как уже мы отметили, обнаруживались часто еще в 60-х годах, но нашел эти залежи и указал на их мощность учитель из Владивостока В. П. Маргаритов только в 1888 году.

На заключительном совещании Кабинета министров, посвященном каменноугольным и иным месторождениям на Дальнем Востоке, всплыли вопросы устройства главного порта на Тихом океане, так как слишком расходились мнения М. С. Корсакова и П. В. Казакевича. Тогда-то и было решено командировать в Приморье специальную комиссию под председательством генерал-адъютанта Сколкова [35].

В 1867—1869 годах офицер Генерального штаба капитан Николай Михайлович Пржевальский был командирован на Дальний Восток с целью сбора статистических сведений о заселении, развитии промыслов, торговли и других данных, характеризующих экономическое освоение русскими людьми Приамурья и Приморья, преимущественно же Уссурийского края.

Блестяще исполнив поручение, молодой исследователь не ограничился точным исполнением возложенного на него задания, он сумел дать такую всестороннюю характеристику Уссурийского края и наметить прогно-

[35] ЦГАВМФ, ф. 410, оп. 2, д. 3409, лл. 3, 4, 31, 31 об.

зы его развития, которые заставили обратить на него внимание географов и экономистов. Уссурийское путешествие Н. М. Пржевальского явилось началом становления великого русского путешественника. Изданная им книга об этом путешествии обнаружила, кроме того, в Пржевальском качества хорошего писателя [36].

Сообщив о том, что по всему правому берегу Уссури поселен Уссурийский пеший батальон Амурского казачьего войска в 28 станицах, расположенных в 10—25 верстах друг от друга, Пржевальский подметил любопытную деталь, что они «все выстроены по одному и тому же плану». Станицы эти возникли в период 1858—1862 годов. По ведомости 1868 года в Уссурийском батальоне считалось 2933 мужчины и 2325 женщин, следовательно, всего 5258 человек. «Самое лучшее из всех этих поселений, не только на берегах Ханка, но и во всем Южно-Уссурийском крае, есть, бесспорно, деревня Турий Рог, состоящая из 32-х дворов, в которых обитает 241 душа обоего пола». Переселенцы пришли сюда из Воронежской, Тамбовской и Астраханской губерний» [37].

Казаки обрабатывали (на 1 января 1868 года) 2350 десятин земли, имели 1729 лошадей, 497 быков, 469 голов прочего рогатого скота, 145 овец и 218 свиней. Что касается крестьян-переселенцев, то их насчитывалось в 214 дворах, расположенных в 8 поселениях (Турий Рог, Троицкая, Камень-Рыболов, Астраханская, Новинки, Фудин, Арзамазовка и Пермская), всего 1259 человек: 694 мужчины и 565 женщин. Они разрабатывали 1028 десятин земли и имели 271 лошадь, 1357 голов рогатого скота, 284 овцы и 206 свиней [38].

Очень любопытны и основательны мысли и предложения Пржевальского о переселении в Приморье вооб-

[36] Пржевальский Н. М. Путешествие в Уссурийском крае (1867—1869 гг.).

[37] Там же, с. 27, 28, 64.

[38] Пржевальский Н. М. Указ. соч., с. 48, 49, 50.

ще. Он считал, что насильственное переселение (иногда просто по жребию) казаков из Забайкалья является ошибкой местной администрации, так как богатый забайкальский казак, если даже на него и пал жребий, все равно откупится, и всегда найдутся такие, как он написал — «голь перекатная», бобыли, которые приезжали одиночками-казаками в этот край без всякого имущества и только с призрачными надеждами на удачу.

Причинами тяжелого положения уссурийских казаков он считал: обязательное переселение, недостаток рабочих рук, недостаток рабочего скота, особенности климатических условий и неудачные действия администрации. И в связи с этим он предлагал: разрешить возвратиться в Забайкалье тем, кто пригнан сюда насильно — от этого будет только польза, так как останутся труженики; выгнать из края всех штрафников-солдат, которые и на новом месте ведут себя далеко не лучшим образом, мешая спокойно жить и трудиться остальным; простить все казенные долги; помочь всем бедным, остающимся добровольно; заселять не столько казаками (тех преимущественно по пограничным районам), сколько крестьянами-добровольцами [39].

Конечно, Пржевальский не мог пройти мимо крупнейших по тому времени населенных пунктов и высказать свое мнение о них. Рассказав о живописном положении Хабаровки, которая вытянулась по правому гористому берегу Амура более чем на версту, он сообщил, что в ней имеется 111 домов, «в которых, кроме войск, считается 350 человек жителей обоего пола; цифра же солдат бывает различна и колеблется между 150—400 человек, смотря по временам года» [40]. В другом месте, возвратившись к Хабаровке, он высказал проро-

[39] Пржевальский Н. М. Указ., соч., с. 145.
[40] Там же, с. 32.

ческие слова, «что выгодное положение этого селения при слиянии двух громадных водных систем — Амурской и Уссурийской — обещает ему широкое развитие даже в недалеком будущем. Что бы ни говорили, а рано или поздно Николаевск должен потерять свое значение как порт и как место центрального управления Приморской областию. В первом отношении он имеет весьма сильных конкурентов во Владивостоке и Посьете, наших южных гаванях, во втором — Хабаровке» [41].

Перейдя далее к описанию южных гаваней, путешественник в очень сдержанных тонах рассказал о Новгородской гавани, но подчеркнул, что она очень удобна для стоянки судов. «При самом ее начале расположен пост Новгородский, состоящий из восьми казенных домов, в которых живут солдаты с своими начальниками, двух частных, принадлежащих иностранному купцу, занимающемуся здесь покупкою морской капусты... Кроме того, на северном берегу бухты Экспедиции возникло недавно селение Новокиевское (это селение основано в 1867 году и в настоящее время имеет около 100 домов), в котором расположен 1-й линейный батальон» [42]. Упомянул Пржевальский о залежах каменного угля на оконечности полуострова, известной под названием мыса Шелихова.

Теперь — о Владивостоке 1868 года. «Владивосток вытянут на протяжении более версты по северному берегу бухты Золотой Рог, обширной, глубокой, со всех сторон обставленной горами и потому чрезвычайно удобной для стоянки судов. Кроме солдатских казарм, офицерского флигеля, механического заведения, различных складов провианта и других запасов, в нем считается около пятидесяти казенных и частных домов... Число жителей... вместе с войсками, простирается до 500 человек».

[41] Пржевальский Н. М. Указ. соч., с. 39.
[42] Там же, с. 121.

Он приводит и точные данные переписи 1868 года. Тогда во Владивостоке считалось частных домов — 35 и казенных — 22. Состав населения выглядел по той же переписи следующим образом: служащих солдат и матросов с женами и детьми было 348 человек, разного свободного сословия с женами и детьми — 89, поселенцев и отставных солдат с женами и детьми — 37.

«Частные дома, — продолжает описание путешественник, — принадлежат, по большей части, отставным, навсегда здесь поселившимся, солдатам и четырем иностранным купцам, которые имеют лавки, но преимущественно занимаются торговлею морской капусты» [43].

Остается еще сказать об исследованиях моряков, офицеров кораблей Тихоокеанской эскадры. К 1870 году на Тихом океане насчитывалось около 40 вымпелов, каждый из которых вносил свою лепту в изучение Татарского пролива и залива Петра Великого. Главную же работу проводили немногие офицеры Гидрографической экспедиции, бессменно возглавлявшейся В. М. Бабкиным. Они не только сумели произвести съемку и промер лимана Амура, Татарского пролива и залива Петра Великого со всеми бухтами, проливами, гаванями и многочисленными островами, но и создать планы этих мест, не говоря уже об общих морских картах и первых навигационно-гидрографических описаниях — прообразов первых лоций этих районов. Гидрографы обеспечивали практическую безопасность плавания по трудному для судовождения лиману реки Амура, выставляя вехи, буи, бакены на реке и многочисленные створы. А затем началось строительство маяков и знаков. Уже был построен маяк на Сахалине — Дуэ, строились и проектировались другие.

В. М. Бабкин поставил вопрос о создании постоянно действующей гидрографической организации на Дальнем Востоке — начало такой организации положила деятельность К. С. Старицкого в 1865—1870 годах. Он определил на русском берегу Японского моря ряд основных астрономических пунктов, которые позволили значительно исправить существующие карты и послужили основой для последующих гидрографических работ. Старицкому удалось связать съемку берегов Берингова, Охотского и Японского морей между собой, а также с главнейшими пунктами Японии. Всего им было определено 37 астрономических пунктов [44].

Подводя итоги первому десятилетию существования постов в южных гаванях, можно сказать, что все они управлялись из Николаевска, что никому из них не отдавалось явного предпочтения перед другими, что они «подчинялись командиру Сибирской флотилии. Никакого гражданского управления не было в первые годы и во Владивостокском военном посту: воинская команда и небольшое гражданское население возглавлялись начальником поста — офицером». Хотя, как было показано, все чаще и чаще, уже с 1862 года, Владивосток называли портом. И все-таки нельзя не согласиться с А. И. Крушановым, что в этот период «Владивостокский пост рассматривался царской администрацией Восточной Сибири как один из Южно-Уссурийских военных гарнизонов, а не как будущий тихоокеанский порт» [45]. Мы постарались подтвердить этот тезис документами.

---

[43] Пржевальский Н. М. Указ. соч., с. 131—132, 326.

[44] Алексеев А. И. Освоение русскими людьми Дальнего Востока и Русской Америки в XIX в. М., Наука, 1982, с. 185.

[45] Крушанов А. И. Административное устройство Дальнего Востока во второй половине XIX — начале XX века. Материалы по истории Владивостока. Кн. 1 (1860—1917 гг.). Владивосток, 1960, с. 37, 38.

Ветераны уходят

Здесь мы расскажем о Казакевиче, Корсакове, Шкоте и Дьяченко, справедливо полагая, что все они на своих местах стояли у истоков Владивостока и каждый из них внес достойный вклад в его строительство и превращение в главный порт страны на Дальнем Востоке. Их имена и их дела не должны быть забыты.

В 1963 году, когда общественность нашей страны широко отмечала 150-летие со дня рождения Г. И. Невельского, мне приходилось часто выступать со статьями в газетах и журналах, а также с докладами на различных собраниях, посвященных юбилейной дате. Рассказывая о жизненном пути адмирала и о значении им содеянного, я непременно подчеркивал, что одной из его заслуг было то, что он сумел создать в Амурской экспедиции коллектив единомышленников. И говорил о Казакевиче, Орлове, Бошняке, Чихачеве, Рудановском, Разградском, Петрове и других. Многих потомков как самого адмирала, так и его сподвижников я разыскал. А от них узнал о жизни самих сподвижников после Амурской экспедиции, нашел их фотографии. Все это теперь опубликовано и известно.

Как-то раз, делая подобный доклад на «Выставке Морского Флота» в Москве, я обронил такие слова, что, к сожалению, до сих пор не могу разыскать потомков Орлова, Чихачева, Казакевича... И в этот момент раздался голос: «Я внук Казакевича». Представляете мою радость. Долгие годы поиска — и вдруг так все просто. Не терпелось закончить доклад... И вот мы встретились с Владимиром Дмитриевичем Казакевичем, затем я несколько раз навещал его скромную квартиру на Песчаной площади. Не верилось, что это родной внук того самого П. В. Казакевича, о деятельности которого на Дальнем Востоке и затем в Кронштадте я знал уже до-

статочно много и даже написал о нем небольшой очерк, в котором говорилось, главным образом, об его активном участии в строительстве и плавании транспорта «Байкал» под командованием Г. И. Невельского. О личной жизни адмирала я также кое-что знал благодаря сохранившемся в ЦГАВМФ личном фонде Казакевича. Но о судьбах его потомков я не знал ровным счетом ничего.

Теперь мне известно о Казакевиче почти все — почти потому, что в жизни всегда остается место для находок, порой самых неожиданных. Мне всегда в этой связи вспоминается моя работа над монографией, посвященной выдающемуся русскому мореплавателю и ученому-гидрографу Г. А. Сарычеву. Казалось бы, чего проще. Адмирал, первый и единственный в русской истории генерал-гидрограф, начальник Гидрографического департамента — значит, и личный архив его должен сохраняться в том же ЦГАВМФ. Нет ведь, не нашлось его там. А оказался он в Пушкинском доме!

Поэтому сейчас я осторожно говорю — почти, рассчитывая на новые находки к тому времени, когда буду писать отдельную книгу об этом замечательном человеке. А пока я расскажу о Казакевиче все, что мне стало известно после многолетних поисков. Слова внука во многих случаях получили впоследствии документальное подтверждение.

Этот замечательный мореплаватель и выдающийся государственный деятель с полным правом стоит в одном ряду с Невельским и Муравьевым. И как это часто бывает, к сожалению, начинать приходится с исправления распространенной и — более того — укоренившейся ошибки, основанной на послужном списке Казакевича, ошибке в дате его рождения. Впрочем, так было и с Невельским, на могиле которого была выбита дата рождения 1814 год, а оказалось по метрической записи — 1813.

6 Зак. 7041

Так и сейчас. Перед нами документы. Первый из них — личное прошение мальчика Петра Казакевича от 30 ноября 1823 года: «Отец мой родной 7-го класса Святаго Владимира 4-й степени кавалер Василей Павлов сын Козакевич, службу Вашего императорского величества продолжал на стацкой (штатской. — А. А.) и воинской службы, наконец был советником Новгородского губернаторского правления, откудова по болезни по прошению его уволен, ныне мне 8-й год, дома обучаюсь росской грамоте читать и писать, но в службу Вашего Императорского величества никуда еще не определен, а желание имею вступить в Морской кадетский корпус в кадеты и потому всеподданнейше прошу дабы в Высочайшим Вашего Императорского Величества указом повелено было сие мое прошение принять, и меня именованного по желанию моему в Морской кадетский корпус в кадеты определить, а что я действительно из дворян и помянутому 7-го класса и кавалеру Василью Козакевичу законной сын, в том представляя при сем свидетельство, данное мне сего года октября 9-го числа от Новгородского губернского предводителя дворянства с приложением печати Новгородского депутатского собрания за № 224 так же вместе с братьями моими Павлом и протчими, свидетельства:

1-е. Из Киевского губернского правления о рождении и крещении из метрических книг в копии, засвидетельствованной в Новгородском уездном суде за № 8215; 2-е. Из Новгородской врачебной управы за № 294, что была воспа (оспа. — А. А.) привитая и ни к каким хроническим и другим болезням наклонности не имеет, из помещиков же состою Новгородской губернии и уезда, ныне крестьян за отцом моим достоящих по духовному завещанию дяди моего, мужеска пола 22 души»[1]. Далее следует послужной список отца — В. П. Казакевича.

[1] ЦГВМФ, ф. 432, оп. 5, д. 2388, лл. 1—1 об.

Наберемся терпения и процитируем еще два, на сей раз небольших документа. «Свидетельство. По указу его Императорского величества из Киевскаго губерского правления надворной советнице Марфе Казакевичевой в том, — она, Казакевичева, по данным минувшаго 1820 года августа 28 дни в сие правление прошением изъяснили, что о рождении и крещении детей ея както: дочери Александры 1812-го апреля 11-го в приходе князя Владимира, сыновей Павла 1813-го июня 9-го, Петра 1816-го июня 16-го в приходе той же церкви, Михайла 1818 майя 16 и Филиппа в 1819-м годах ноября 26-го в приходе церкви Преображения господни нужно ей иметь из метрических книг свидетельство, просили оное ей свидетельство по сношению с Киевскою духовной консисториею выдать»[2].

А по справке оказалось, что Александра родилась 21 апреля 1812 года, Павел 14 июня 1813 года, Михаил 30 мая 1818 года и Филипп 26 ноября 1819 года. Что же касается Петра, то: «1816 года месяца июня 20 у обер-аудитора Василья Козакевича и жены его Марфы родился сын Петр, а 21-го числа молитвовил и крестил онаго младенца священник Трофим Павловский, воспринимал комиссионер 7-го класса Петр Блинов»[3]. Итак, Петр Васильевич Казакевич родился 20 июня 1816 года, а не 17(29) июня 1814 года, как указано во всех справочниках, книгах и даже в послужном его списке[4] и в «Общем морском списке».

Ну и последний документ, это свидетельство о здоровье обоих братьев — Павла и Петра Казакевичей, «что предохранительная коровья оспа была оным дворянам Казакевичам привита и благополучно кончилась и ни к каким хроническим и другим болезням наклонности не имеют и ныне совершенно здоровы, почему означенные

[2] ЦГВМФ, ф. 432, оп. 5, д. 2390, л. 3.
[3] Там же, л. 3об.
[4] ЦГАВМФ, ф. 406, оп. 3, д. 903, л. 5.

дворянские дети Павел и Петр Казакевичи к обучению в казенные училища, где пожелают, вступать могут»[5]. Дано в Новгороде 22 ноября 1823 года.

Кажется, совершенно ясно и никаких сомнений быть не может, да и не должно, что через более полутора столетий приходится исправлять ошибку. Мы уверены в том, что это было сделано родителями преднамеренно, чтобы дать возможность младшему сыну Петру учиться в Морском кадетском корпусе вместе со старшим Павлом, родившимся в 1813 году. Он должен был оберегать братика, который был моложе его на три года. А для того, чтобы они учились на одном курсе, надо чтобы разница в годах была небольшая — вот и сделали их погодками. Подлинные документы остались в архиве, а поддельная дата, наверное, за определенную мзду была внесена в официальный послужной список.

Еще об одном спорном вопросе. Фамилия Казакевича, как видно из цитировавшихся документов, в 20-х годах прошлого столетия писалась как какому писарю «бог на душу положит»— и Козакевич и Казакевич. Внук Петра Васильевича, с рассказа о встрече с которым я начал этот очерк, сказал мне, что и он и его отец писались Казакевичи, в то время как у Петра Васильевича встречается двойственное написание. В настоящее время принято писать — П. В. Казакевич.

Теперь коротко о начале службы Петра Казакевича до его назначения старшим офицером транспорта «Байкал». В число воспитанников корпуса он был зачислен в 1826 году и закончил его в конце 1835 года, получив первый офицерский чин — стал мичманом русского флота. За время пребывания в корпусе прошел все стадии службы: кадет, гардемарин, унтер-офицер, фельдфебель. Учился он хорошо, с прилежанием и числился в числе лучших воспитанников.

[5] ЦГАВМФ, ф. 432, оп. 5, д. 2390, л. 4.

Каждый год проходил практику на кораблях учебной эскадры, а затем и кораблях боевой эскадры Балтийского флота. Мичманом Казакевич плавал сначала на фрегатах «Беллона» и «Аврора» вахтенным начальником, а затем, произведенный в 1844 году в лейтенанты, совершил на корабле «Ингерманланд» рейс из Архангельска в Кронштадт. С августа 1845 года по июнь 1846 года плавал в Средиземном море, перешел оттуда в Кронштадт, побывав во многих морях и портах. Он познакомился с греческими портами Пирей, Салоники, Сиракузы, посмотрел на Мальту, заходил в Мессину, Ливорно, Неаполь, Тулон, Алжир, любовался Гибралтаром, освоил повадки беспокойного Бискайского залива, стоял на корабле в Лиссабоне, не миновал британского Портсмута.

Служба Казакевича часто и подолгу проходила совместно со старым товарищем по Морскому корпусу Геннадием Невельским. Тот увлек Казакевича своими планами исследования Дальнего Востока.

Благодаря старательности Казакевича сохранились бесценные свидетельства открытий русских моряков. Разумеется, потом все было обработано и опубликовано самим Невельским, но в архивах сохранились подлинные, оригинальные записные книжки Казакевича, в которых зафиксировано каждое движение транспорта.

Он описал, каким образом впервые 12 июня «Байкал» подошел к Сахалину, рассказал о первых высадках офицеров на остров Сахалин, сохранил их донесения и даже рисунки расположения местности, куда высаживались офицеры.

Конечно, полнее и интереснее всего являются те записи, в которых рассказывается о собственных поездках — командировках.

На одной из шлюпок командиром отправился Казакевич с заданием осмотреть материковый берег от мыса Меньшикова до устья Амура и подняться вверх

по реке на десять верст. Его путешествие длилось с 6 по 13 июля. Казакевич первым вошел в устье Амура, он же привез первые сведения о жителях устья реки, о растительности, животных. «От входного мыса в реку, — докладывал он, — по меридиональной высоте, приведенной к подошве горы, лежал в широте 52° 59′20″ N, я, пройдя 10 миль вверх по реке, находил по берегам природу различную. Сначала берег идет скалистый, покрытый густым лесом, и почти везде шлюпка могла приставать. Потом от деревни, лежащей на краю мелководного залива, берега которого на большие пространства низменны и скраиваются высокими горами, природа принимает другой характер. Прибрежье в иных местах покрыто густой травой и различными цветами, в особенности много шиповнику, озера с пресной водой, в которых было множество гусей и уток.

Река имеет направление NW и SO. При устье широком ее правый мыс называется Пронге, а левый — Петах. Вдоль посредине реки идут обширные песчаные банки, которые пересекают в разных направлениях и самый лиман. Спускаясь по течению реки и придерживаясь к левому берегу, встречали глубину большую, самая меньшая 6 саж., а большая 20 и даже 30 сажен. По выходе из реки не мог производить правильного промера, ибо течением сильно несло к северу. Левый берег идет более отложе правого, но ограничивается огромными горами, в ясный горизонт далеко видными с севера... В продолжении семидневного моего пребывания на восточном берегу лимана и в самой реке от жителей не имел никаких неприязненных действий...»[6].

Для астрономических определений Казакевич поднимался на гору Табах при входе в Амур. Отсюда была отчетливо видна величественная картина Амурского ли-

[6] Алексеев А. И. Амурская экспедиция 1849—1855 гг. М., 1974, с. 35—36.

мана. Ширина устья Амура, по определению Казакевича, составила около 8 миль (примерно 14—15 км). По реке он поднимался до современного селения и крепости Чныррах. Когда Невельской отправился на поиски пролива между Сахалином и материком, Казакевич оставался на «Байкале» и отменно хозяйничал. Кроме того, им регулярно производились наблюдения за приливами и отливами, метеорологические измерения, промерные работы на Северном входном, теперь носящем имя Невельского, фарватере. Не менее деятельное участие принимал Казакевич в дальнейших работах по исследовательской программе в соответствии с инструкцией, полученной Невельским от Муравьева. Когда работа была закончена и «Байкал» в Охотске передали портовым властям, Казакевич вместе с другими офицерами отправился в Петербург, где был произведен в капитан-лейтенанты и назначен командиром брига «Полинур».

Общение с Н. Н. Муравьевым еще в Аяне, затем в Иркутске и, наконец, в Петербурге, предложение губернатора поработать на пользу Дальнего Востока не застали Казакевича врасплох. Он отлично понимал значение открытий Невельского, открытий, к которым и он имел непосредственное отношение, поэтому отказался от назначения. Муравьев и Невельской говорили ему об организации Амурской экспедиции, о предстоящем размахе морских исследовательских работ на Амуре и Сахалине.

Если Невельской в предстоящие годы должен был произвести исследования Приамурья, Приморья и Сахалина, составить карты этих районов, основать русские посты и вообще вдохнуть русскую жизнь в исконно русский Дальний Восток, то Муравьев перед Казакевичем ставил иные задачи. Исподволь, пока будут производиться исследования низовьев Амура, готовить в его верховьях все необходимое для того, чтобы спу-

ститься со временем по Амуру к его устью, выйти в лиман и таким образом полностью доказать судоходность крупнейшей дальневосточной водной артерии на всем ее протяжении. Короче говоря, Муравьев начинал готовить первый сплав по Амуру.

Нельзя не указать здесь и на то, что еще за сто лет перед этими событиями, в 1753—1756 годах, аналогичная подготовка к плаванию по Амуру до его устья была полностью завершена стараниями выдающегося русского гидрографа и впоследствии генерал-губернатора Сибири Федора Ивановича Соймонова и офицеров Второй Камчатской экспедиции, оставшихся в Сибири. На реках Хилок и Шилка, вплоть до Амура, они произвели подробные промеры, выявили фарватеры, построили гребные речные суда и баржи, укомплектовали команды — словом, оставалось лишь дождаться соответствующего распоряжения начальства. А оно так и не поступило. Экспедиция Ф. И. Соймонова, получившая в истории название Нерчинской, была расформирована. Нераспорядительность, крайняя неосведомленность в дальневосточных делах правительственных кругов России того времени и привели к тому, что решение вопроса об Амуре отошло на целое столетие[7].

21 марта 1851 года 20-го флотского экипажа капитан-лейтенант командир брига «Полинур» Казакевич 2-й был назначен «состоять для особых поручений при генерал-губернаторе Восточной Сибири, с производством в капитаны 2 ранга и с состоянием по Камчатской флотилии»[8].

Подготовкой сплава Муравьев поручил заниматься Казакевичу и Александру Степановичу Сгибневу. Большую помощь оказал им моряк-декабрист Дмитрий Иринархович Завалишин. «Он, как местный старожил,

[7] Алексеев А. И. Петр Васильевич Казакевич. В кн.: «Спутники Г. И. Невельского». Южно-Сахалинск, 1967, с. 17.

[8] ЦГАВМФ, ф. 1191, оп. 1, д. 3, л. 3.

писал впоследствии Сгибнев, — оказал нам большую услугу своими советами и содействием к приисканию хороших лоцманов и не отказывал в этом содействии и в последующих затем работах по снаряжению Амурской экспедиции. Кроме того, в доме его мы встретили самый теплый и радушный прием»[9]. Завалишин долгие годы жил в Чите, где обосновались и Казакевич со Сгибневым и всем отрядом.

Возвратясь из Петербурга в Иркутск и сформировав тут гидрографическую партию, оба эти офицера с конца августа и до 29 ноября описывали и промеряли реки Ингоду и Шилку. Зимой занимались камеральной обработкой материалов. Исследования 1851 года показали, что Шилка вполне пригодна для судоходства.

Казакевич уезжал в Петербург зимой. В послужном списке это время как отпуск не отмечено. Но зато нашелся весьма любопытный документ, о существовании которого не знал даже внук Казакевича.

В личном фонде Петра Васильевича Казакевича хранится свидетельство о том, что в Петербурге 14 октября 1852 года «У дочери отставного титулярного советника Петра Белявского девицы Елены Петровой Белявской, которая православного вероисповедования, родилась незаконнорожденная дочь Елена, окрещена была 20 октября того же года». Вроде бы зачем такой документ в его личном деле? Разгадка оказалась простой: у Казакевича появилась внебрачная дочь Елена, которую он по достижении 17-летия перевел на свою фамилию. Это свидетельство было утверждено официально 4 января 1869 года царем и было действительно как паспорт. Внебрачная дочь Елена Петровна Казакевич была записана петербургской купчихой, известен

[9] Сгибнев А. С. Амурская экспедиция 1854 г. «Древняя и Новая Россия», Спб. 1878, № 11, с. 225 (не надо путать эту Амурскую экспедицию, под которой подразумевается сплав по Амуру, с Амурской экспедицией Г. И. Невельского. — Ред.).

адрес ее проживания в 1869 году, но о дальнейшей ее судьбе нам ничего неизвестно [10].

Вернемся, однако, к событиям на Амуре. В заключении Казакевича о возможности плавания по реке Шилке говорилось, что эта возможность относится не только к сплавным мелкосидящим средствам, дощаникам, баркасам и баржам-плотам, но и к пароходу. «Но как Шилка река, — писал он, — судоходная, не имеющая ни порогов, ни опасных банок, и самая меньшая глубина $3^1/_2$ фута, то при построении легкого парохода и опасность и медленность перевозки груза уничтожатся» [11].

Ну а дальше шла беспрерывная работа по подготовке сплава. Всего было построено: пароход «Аргунь», пять больших лодок, четыре вельбота для быстрых сообщений-разъездов, 18 баркасов, 13 барж, 8 плашкоутов и 29 плотов. Казакевич руководил строительством, и за заслуги в этом деле 7 декабря 1853 года награжден орденом Св. Анны 3 степени. Когда Муравьев в конце апреля 1854 года прибыл на Шилкинский завод, тут шла подготовка к экспедиции — окончательно готовили плавсредства и распределяли по ним войска, орудия, грузы, сплавляемые в устье Амура. Последним занимался М. С. Корсаков. А вообще роли распределены были таким образом: начальником сплава был, естественно, Н. Н. Муравьев, командовал флотилией П. В. Казакевич, командиром десанта — М. С. Корсаков. Из других офицеров, участников первого сплава, можно назвать Мровинского, Аносова, Скобельцына, Бибикова, Свербеева, Сычевского — это из свиты генерал-губернатора, а на службу в Камчатку и к Невельскому отправились со сплавом Кораллов, Купреянов, Арбузов, Афанасьев, Шарубин, Новицкий и др.

[10] ЦГАВМФ, ф. 1191, оп. 1, д. 1, лл. 1, 3, 5.
[11] Там же, д. 34, л. 30 об.

О самом плавании по Амуру мы уже писали. Закончилось оно в Мариинском, откуда Муравьев и сопровождавший его Казакевич перебрались в Николаевск, откуда на шхуне «Восток» 7 августа ушли в Петровское. 17 августа шхуна доставила Муравьева и Казакевича в Аян, откуда оба отправились в Иркутск. 25 августа 1854 года Казакевич был произведен в капитаны 1 ранга.

Великий князь Константин, согласовав предварительно свои действия с Муравьевым, своим отношением от 1 декабря 1854 года распорядился отправить П. В. Казакевича в Соединенные Северо-Американские Штаты для того, «чтобы купить там два буксирных парохода для плавания по Амуру и привести их весной на Амур». Кроме этого, по просьбе Путятина для «Дианы» надлежало закупить в Сан-Франциско при содействии нашего консула П. Костромитинова «разных артиллерийских и комиссариатских припасов с тем, чтобы он нанял там же купеческое судно для доставления всех помянутых вещей в гавань Де-Кастри». С ним должен был ехать лейтенант А. Кроун. Оба направлялись в Америку с чужими паспортами на имя купцов 1 гильдии Соловьева (Казакевич) и Локотникова (Кроун) [12].

Сохранилось много писем Казакевича брату Павлу и сестре Александре, в которых в самой увлекательной форме рассказывается о его жизни в Америке, о своих впечатлениях. Когда-нибудь мы постараемся использовать эти письма. Казакевич и Кроун прибыли в Нью-Йорк 18 марта 1855 года. Ровно через год 18 марта 1856 года Казакевич возвратился в Петербург. Заканчивал дело Кроун, который организовал отправку всего закупленного. Известно, что два винтовых транспорта были отправлены через мыс Доброй Надежды — до Гон-

[12] ЦГАВМФ, ф. 283, оп. 2, д. 6220, лл. 1—1 об, 15, 18, 22—24, 25 об., 26.

конга с американской командой, а оттуда с русской — с эскадры Тихого океана. Пароход-корвет «Америка» привел из Нью-Йорка в Николаевск-на-Амуре американский капитан Гудзон. А 9 ноября 1857 года последовал приказ генерал-адмирала Константина: «Заказанные для Сибирской флотилии и портов Восточного океана два винтовых транспорта наименовать «Маньчжур» и «Японец». В личном деле Казакевича появилась запись: «Все вышепрописанные поручения исполнены с отличным успехом и по последнему из них купленные в Америке пароходы и механические заведения (речь идет о судоремонтных мастерских. — А. А.) доставлены в полной исправности на устье реки Амура в Николаевск» [13].

В связи с расформированием Амурской экспедиции Г. И. Невельского было образовано Управление камчатского губернатора с местопребыванием в Николаевске-на-Амуре. Первым камчатским губернатором, как известно, был В. С. Завойко. А 26 марта 1856 года назначен «состоящий по Камчатской флотилии для особых поручений при генерал-губернаторе Восточной Сибири капитан 1 ранга Казакевич 1-й исправляющим должность камчатского военного губернатора и командира портов Восточного океана» [14]. И отныне Казакевич заступил на девятилетнюю губернаторскую дальневосточную вахту.

Вот как описал встречу Казакевича в Николаевске непосредственный участник всех этих событий, первостроитель Николаевска-на-Амуре, один из сподвижников Г. И. Невельского по Амурской экспедиции Александр Иванович Петров: «Наконец, давно ожидаемый нами новый губернатор приехал. В начале августа прибыл в Николаевск знакомый мой П. В. Казакевич, на-

[13] ЦГАВМФ, ф. 283, оп. 3, д. 331, лл. 1 и 3.
[14] ЦГАВМФ, ф. 1191, оп. 1, д. 3, л. 8.

значенный губернатором. Он прибыл на пароходике «Надежда» с двумя катерами. Приезд его был около трех часов дня. Все офицерство, имея во главе капитана 2 ранга С. С. Лесовского, вышло на пристань в мундирах. День был теплый и хороший. Он со мной встретился дружески. Приезда его ожидали как пришествия мессии. Отчего его встречали все с надеждой, с любовью, без всякой боязни, как Завойко? Потому что знали, с каким человеком будут иметь дело. Для Амурского края назначение такого человека губернатором было благодеяние во всех отношениях. С приездом его пошли все реформы и улучшения. Все как-то оживились, все стали жить надеждой» [15].

Укрепление Сибирской флотилии, строительство постов, переселение, исследование края, устройство мореходного училища в Николаевске и основание гимназии — это и многое другое входило в круг обязанностей военного губернатора Приморской области (так вскоре стали называть должность камчатского губернатора). Несколько штрихов. Казакевич заботится о базах для кораблей флотилии по побережью Татарского пролива и, учитывая близкое расположение залива Де-Кастри к озеру Кизи и, следовательно, к Амуру, просит Д. И. Романова провести исследование на предмет проведения оттуда до залива железной дороги — это в тогдашнее-то время, да еще на краю земли! И Романов исполняет поручение блестяще, составляя первый вообще проект строительства железной дороги в Сибири. В 1857 году Романов представил Казакевичу доклад об «Изыскании наивыгоднейшего направления для линии железной дороги, от залива Де-Кастри к бассейну Амура», в котором на 85 страницах дано прекрасное описание местности и проект дороги с чертежами от

[15] Петров А. И. Хабаровск. Амурский щит, 1974, с. 224—225.

порта Александровска (дан и его план) в Де-Кастри до озера Кизи, то есть до бассейна Амура[16].

Одним из важных мероприятий в связи с организацией переселения была 1-я перепись или ревизия населения всего Приморского края. Поручена она была академику живописи Е. Е. Мейеру Муравьевым. Е. Е. Мейер начал перепись с устья Уссури и довел до Николаевска всего лишь с казаком Василием Тюшевым и переводчиком-гиляком Позвейном, тем самым, который сыграл такую большую роль в работе Амурской экспедиции Г. И. Невельского.

Уже 5 февраля Мейер докладывал Казакевичу: «Имею честь представить Вашему превосходительству чистых ревизских сказок 95, вторых экземпляров 8, всего 103, как пополнение к ревизской сказке Приамурских инородцев от реки Уссури, деревни Зуадза до деревни Кокле, расположенной против Николаевска (теперь — Кукля, Кукла. — **А. А.**) и состоящия из 191 селения, в коих мужеского пола 3879 душ, женского 3362 души, а всего 7241 душа»[17]. На Сахалине в 1857 году было 1018 мужчин, 832 женщины, 626 детей, итого — 2479 человек. Не остались без внимания и сведения о посевах и урожае, о количестве скота по всем округам.

Уже в 1856 году Казакевич на пароходе «Америка» ходил в лиман к мысу Лазарева, чтобы проводить отправлявшиеся в Кронштадт корабли. В навигацию 1857 года в мае—июне он плавал по Амуру до Мариинска, в 1858 — встречал в верховьях Амура Муравьева. Одним словом, трудно найти такой год из губернаторских лет Казакевича, который бы он весь провел на берегу. Но затем пошли заботы о южных гаванях, о заселении не только Амура и Уссури, но и, с основанием Новгородского поста и Владивостока, а раньше и поста в бухте Ольга, заселении этих мест. В связи с передачей Сахалина в 1856 году из ведения Российско-Американской компании в ведение правительства заботу о нем возложили также на военного губернатора Приморской области. Обо всем этом было уже написано. Приведем еще одно свидетельство любви Казакевича к Владивостоку. В частном порядке в июне 1862 года он написал Муравьеву: «Владивосток самой природой назначен для обширной морской торговли внутренними произведениями страны»[18].

И когда Казакевич покинул Дальний Восток, он так же, как и Муравьев, до конца своей жизни не переставал принимать участие в его устройстве, в решении его жизненных вопросов. За время пребывания на Дальнем Востоке Казакевич неоднократно награждался: 22 ноября 1860 года — Св. Анны 1 степени, 4 апреля 1865 года получил пожизненную пенсию в 2000 рублей в год, а 11 сентября 1864 года — орден Св. Анны 1 степени с императорской короной. 14 марта 1858 года П. В. Казакевич был принят в действительные члены Сибирского отдела Русского географического общества.

Он подал мысль, которая впоследствии стала основой переселенческой политики правительства на Дальнем Востоке, что Приморскую область «следует разделить на несколько районов и смотря по местности, куда будут направляться переселенцы, давать особые привилегии или поощрения как по хлебопашеству, рыболовству речному, так и морскому, так и развитию каботажного плавания»[19]. Он рекомендовал ввести систему поощрений переселенцев строго дифференцированно.

В другой раз Казакевич подал 23 марта 1879 года докладную записку управляющему морским министер-

[16] ЦГАВМФ, ф. 1191, оп. 1, д. 72, л. 1 и др.
[17] ЦГА РСФСР ДВ, ф. 87, оп. 1, д. 109, лл. 5, 17—18, 45, 49—50.

[18] ЦГАВМФ, ф. 1191, оп. 1, д. 44, л. 2 об.
[19] Там же, д. 13, л. 11.

ством «Об укреплении гавани св. Ольги на восточном прибрежье, чтобы охранять запасы и адмиралтейские склады, предназначенные для судов Тихого океана», с тем, чтобы «снабжение материалами и продовольствием наших судов, плавающих в Тихом океане, не было бы в зависимости от случайной доставки этих материалов из Кронштадта или других мест»[20].

Когда на особом совещании по амурским делам рассматривался вопрос о строительстве Амурской железной дороги, Казакевич указывал «на то важное значение, которое имеет в деле успешного развития наших морских сил на Востоке и лучшего экономического устройства всего Приамурского края соединение порта Владивостока железною дорогою с бассейном реки Амура». Подкрепив эту свою мысль данными о торговле через Кяхту, он заключил: «Передавая о всем вышеизложенном, я считаю долгом высказать при этом, что покойный граф Муравьев-Амурский в неоднократных разговорах со мною о нуждах и будущем устройстве Амурского края всегда упоминал о соединении Южного прибрежья нашего в Тихом океане железною дорогою с бассейном реки Амур как о деле, осуществление которого он признавал вполне необходимым во всех отношениях для упрочения нашего положения на Дальнем Востоке»[21].

Как мы отмечали, П. В. Казакевич уехал с Дальнего Востока в Петербург в 1866 году. В 1866-м он был произведен в вице-адмиралы, а с 1871 года исполнял обязанности главного командира Кронштадтского порта и военного губернатора Кронштадта. Во время своей службы на Балтике Казакевич всегда с интересом относился к дальневосточным делам, писал свои мнения, заключения, как только что мы видели из приведенных

[20] ЦГАВМФ, ф. 1191, оп. 1, д. 61, лл. 3об—4.
[21] Там же, д. 14, лл. 4—4об.

примеров, председательствовал в различных комиссиях, занимавшихся Дальним Востоком, напутствовал офицеров кораблей, отправляющихся из Кронштадта в воды Дальнего Востока. В 1883 году он был назначен членом Военного и Адмиралтейств советов. В 1884 году Казакевич покинул Кронштадт.

За свою службу он получил много наград. К уже перечисленным добавились ордена Св. Владимира 1 и 2 степени, орден Белого Орла и орден Александра Невского, а в 1885 году, по случаю 50-летия службы в офицерских чинах, Казакевичу был поднесен царский рескрипт с перечислением всех его заслуг. В нем особо отмечалась его роль в дальневосточных делах: «После участия в открытии для России устьев реки Амура и присоединении Приамурского края вы, в звании военного губернатора и главного командира, развили портовые учреждения в Николаевске и, выполнив успешно возложенное на вас в 1861 году поручение по определению границ между Уссурийским краем и Китаем, способствовали тем утверждению нашему во Владивостоке. Девятилетнею административною деятельностию вы положили основание устройству восточной окраины». На сей раз царь пожаловал П. В. Казакевичу «бриллиантами украшенную табакерку с портретом»[22].

Теперь о семейной жизни Петра Васильевича Казакевича. Женился он 14 января 1868 года, то есть когда ему по документам считалось 54 года. Супругой его стала Анна Дмитриевна Симборская, дочь отставного генерал-майора артиллерии, которой ко дню свадьбы еще не исполнилось 23 лет. Прожили они вместе до 11(23) декабря 1887 года, когда скончался адмирал П. В. Казакевич, который так же, как и Г. И. Невельской, был похоронен на кладбище при женском Новодевичьем монастыре в Петербурге.

[22] Александр III. — Ред. ЦГАВМФ, ф. 1191, оп. 1, д. 2, лл. 8—9.

У них было два сына и дочь. Старший, Дмитрий, родился в Петербурге 16 декабря 1869 года, младший, Владимир, — 14 сентября 1879 года в Кронштадте. О точной дате рождения дочери Ольги мы не нашли свидетельства, но судя по одному из упоминаний, что в 1897 году ей было 21 год, можно сделать вывод, что она родилась в 1876 году. Примерно так же сказал мне и ее племянник Владимир Дмитриевич Казакевич; он же рассказал мне и о ее судьбе. Во время русско-японской войны 1904—1905 годов она стала медицинской сестрой и участвовала в Цусимском сражении, совершив переход на транспорте в эскадре Рожественского. Осталась жива, хотя и была в плену. Затем проживала в Швеции. Детей у нее не было. Сын Владимир окончил в 1901 году Морской корпус и по примеру отца стал морским офицером. Погиб в Цусимском бою.

Старший сын Дмитрий поступил в Петербургское реальное училище Гуревича (со слов его сына В. Д. Казакевича) 5 сентября 1884 года, а закончил его 5 июня 1887 года. Затем — учеба в Институте путей сообщения. И сразу же попал на строительство Уссурийской железной дороги. Сохранилось и удостоверение начальника работ по сооружению Уссурийской железной дороги Вяземского коллежскому секретарю инженеру путей сообщения Д. П. Казакевичу, «служившему на северном участке Уссурийской железной дороги производителем работ, ныне оставленному за штатом и отправляющемуся в Европейскую Россию на пароходе Добровольного флота»[23].

Как рассказал В. Д. Казакевич, его отец с матерью и с ним переехали в Харбин и принимали самое активное участие в строительстве Китайской Восточной железной дороги (КВЖД), а по окончании — там и работали. Революция застала их за границей. Вскоре

[23] ЦГАВМФ, ф. 1191, оп. 1, д. 66, лл. 1, 7, 8.

семья перебралась в США, где Дмитрий Казакевич трагически погиб на лесопилке. Владимиру Дмитриевичу Казакевичу пришлось долгие годы провести на чужбине. Во время Великой Отечественной войны он помогал всеми силами своей Родине, а при представившейся возможности, в 1949 году, возвратился в Москву, где он умер 16 января 1982 г. Детей у него нет.

Я попробую кратко подытожить сведения о Казакевиче: он первый вошел в устье Амура; строил «Аргунь» и осуществлял первый сплав по Амуру; военный губернатор Приморской области и командир портов Восточного океана и Сибирской флотилии; инициатор и один из основателей постов в южных гаванях и Владивостока в частности; комиссар по установлению русско-китайской границы; укрепил Сибирскую флотилию; осуществил переселение на Амур, на Уссури и в Южно-Уссурийский край людей из других зон страны; основал мореходное училище и гимназию в Николаевске, затем перенесенных во Владивосток; в 1848—1876 годах отдал себя освоению Дальнего Востока и строительству Владивостока. Жаль, что ни во Владивостоке, ни в Николаевске-на-Амуре ему нет памятника...

Практически всю свою сознательную жизнь посвятил Дальнему Востоку и Восточной Сибири другой ветеран — Михаил Семенович Корсаков. Но о нем и его деятельности так много говорилось и еще будет говориться, что в настоящих заметках придется просто ограничиться небольшой биографической справкой и рассказать несколько случаев из его жизни.

Родился он в 1826 году в старинной дворянской семье Корсаковых, в которых кроме него было еще несколько братьев и сестер. Одна из сестер вышла замуж за известного идеолога анархистов М. А. Бакунина. А поскольку Н. Н. Муравьев-Амурский приходился им всем двоюродным братом (Екатерина Николаевна Мордвино-

ва — мать Муравьевых и Софья Николаевна Мордвинова — мать Корсаковых — родные сестры, также из очень известной и старинной дворянской семьи), то становится ясно, что «убежать» Бакунину из сибирской ссылки не составило большого труда.

Михаил Корсаков, как и некоторые его братья, воспитывался в самом привилегированном учебном заведении, Пажеском корпусе, по окончании которого служил в весьма престижном Семеновском полку, на который возлагалась почетная и выгодная для офицеров охрана царского двора, служба в столице. Так бы и служить Корсакову в этом полку, а потом получить какой-нибудь пост повыше в губернии, если бы не назначение двоюродного и намного старшего брата Николая Муравьева генерал-губернатором Восточной Сибири. Н. Н. Муравьев, не имевший своих детей, относился к Михаилу Семеновичу нежно, по-отечески: давал ему возможность отличиться, воспитывал в нем качества, необходимые руководителю, но не баловал — поручения были трудными.

Перед отъездом Муравьева в Иркутск был решен вопрос о плавании транспорта Г. И. Невельского и назначении Корсакова в Восточную Сибирь офицером для особых поручений при генерал-губернаторе. Штабс-капитан Корсаков не приехал вместе с Муравьевым в Иркутск, а оставался в Петербурге, с тем чтобы доставить оттуда Муравьеву инструкцию, утвержденную царем, по которой Невельскому разрешалось производить исследования Сахалина, устья и лимана Амура.

Как только Корсаков прибыл в Иркутск, Н. Н. Муравьев отправил его в Петропавловск 12 апреля 1849 года, куда должен был прибыть «Байкал». 2 мая Корсаков был в Охотске. Он очень хотел успешно исполнить первое в своей жизни важное поручение, но море было забито льдами: суда к Камчатке еще не могли плыть, а ехать по берегу было бессмысленно — Невельского он там уже не застал бы, так как слишком продолжительно было туда путешествие по суше. Оставалось одно — ждать в Охотске, когда разойдутся льды, и попытаться найти «Байкал» в Сахалинском заливе, куда корабль непременно должен подойти.

К такому плаванию был назначен бот «Кадьяк» под командованием П. Ф. Гаврилова, помощником которого шел Н. И. Шарыпов. Только 6 июня ему удалось под проводкой лоцмана выбраться из Охотска и направиться к Сахалину. Войдя в Сахалинский залив, Гаврилов не подходил близко к берегу, все время крейсировал в заливе, постоянно держа в поле зрения мыс Елизаветы и материк, чтобы встретить «Байкал», который должен был когда-то появиться из лимана — другого пути для него не существовало. Документы, которые были у Корсакова, не только уполномачивали Невельского производить исследовательские работы, но они также обязывали его принять Корсакова на борт «Байкала». «Корсакова же я прошу принять на транспорт «Байкал», — сообщал Муравьев Меншикову об отправлении инструкции к Невельскому с Корсаковым, — для того, чтобы состоящие при мне офицеры имели случай знакомиться с местностью, которую г-н Невельской будет описывать, а в важном случае... он может употребить Корсакова, как представителя местной власти, для подкрепления своего объявления» [24].

Вот так приучал Н. Н. Муравьев Корсакова к умению руководить уже с самого первого момента появления последнего в Восточной Сибири — несомненно, Муравьев уже тогда думал о Корсакове как о своем преемнике.

Полтора месяца бесцельно «Кадьяк» бороздил воды Сахалинского залива, заходил в Тугурскую губу, чтобы

[24] Алексеев А. И. Дело всей жизни, 1972, с. 98. Документ из АВПР, ф. Главный архив, 1—9, д. 11, ч. 1, л. 90 об.

справиться у местных жителей о «Байкале», но все оказывалось тщетным, и Корсаков 25 июля ушел из залива, а 2 августа прибыл в Аян. В. С. Завойко, бывший в это время командиром Аянского порта Российско-Американской компании, сообщил ему, что Муравьев со свитой, совершающий поездку по Дальнему Востоку, находится в Охотске, что он очень беспокоится о судьбе «Байкала» и что он вскоре должен быть в Аяне. И тогда Корсаков распрощался с «Кадьяком», который направился в Охотск и с которым Корсаков послал донесение о неудачном поиске «Байкала», и остался в Аяне ждать прибытия Муравьева.

Ждать пришлось долго. О беспросветных днях пребывания в Аяне много и подробно рассказывается в дневниках М. С. Корсакова, которые он вел всю свою жизнь — и уж за одно это потомки должны быть ему благодарны. Дневники эти сохраняются в Рукописном отделе Государственной библиотеки им. В. И. Ленина в Москве. Завойко — хлебосольный хозяин — с удовольствием показывал ему новые дома в Аяне, помещения конторы и склада, рассказывал, что ведется строительство нового тракта, ведущего к реке Лене.

Муравьев, ушедший из Охотска в Петропавловск на «Иртыше», на обратном пути, также по своей инициативе, не имея никаких сведений о Невельском (послание-донесение Корсакова не застало Муравьева в Охотске), решил на обратном пути из Петропавловска в Аян навестить Сахалинский залив. Сотрудники Муравьева высаживались на Сахалин узнать о Невельском, побывали у Шантарских островов все с той же целью, но безуспешно. 28 августа «Иртыш» с Муравьевым и свитой прибыл в Аян.

О чем говорили братья — история сведений не сохранила, но, как свидетельствует Б. В. Струве, начальник канцелярии генерал-губернатора, тот был очень недоволен отсутствием Невельского и был «в весьма невеселом

настроении духа. Это тяжелое настроение еще усугубилось встречею в Аяне с М. С. Корсаковым, который донес о безуспешности своего плавания, и предположением, вследствие всего этого, что «Байкал», вероятно, погиб — или на пути из Петропавловска, или в Амурском лимане, окруженном, по сведениям В. С. Завойко, опасными банками» [25].

Результаты плавания Г. И. Невельского общеизвестны. Корсакова трудно было в чем-нибудь обвинить, так как при сложившихся обстоятельствах, действительно, встретить «Байкал» было невозможно. Не удалось этого сделать и самому Муравьеву. В дальнейшем Корсакову, произведенному в майоры, пришлось выполнить много поручений генерал-губернатора, несколько раз ездить курьером в Петербург и один раз вместе с Невельским, с которым, несмотря на разницу в годах, он очень подружился и даже писал в письме к маменьке, что Невельской был бы неплохим им зятем, если бы устроить его женитьбу на сестре Вере Корсаковой.

Но когда он узнал, что Невельской влюблен в другую, то он не расстроился, а, наоборот, сделал все, что от него зависело, чтобы облегчить путешествие юной жены Невельского Екатерины Ивановны из Иркутска до Охотска. 17 апреля 1851 года он записал, что пришло известие о женитьбе Невельского: «Я рад за него, душевно рад. Что он будет с ней счастлив — почти наверное, кажется, хорошая и добрая девушка». Для плавания по Лене был сооружен специальный баркас — стараниями Корсакова, а для путешествия по Охотскому тракту верхом Корсаков сконструировал особую повозку или качку («славная качка будет у Невельских, должны они мне спасибо за нее сказать»). Качка помещалась на двух оглоблях, укрепленных на боках двух

[25] Алексеев А. И. Амурская экспедиция 1849—1855 гг. М., 1974, с. 43. Цит. Струве Б. В. Воспоминания о Сибири 1847—1854 гг. Спб., 1889, с. 79.

лошадей, и представляла собой закрытый возок наподобие зимних саней [26].

Много и полезно поработал Корсаков при подготовке первого сплава по Амуру, командуя десантом, в состав которого входили: пехотный батальон, казачья сотня, артиллерия и музыканты.

Во втором сплаве по Амуру полковник М. С. Корсаков командовал третьим отделением, состоявшим из 35 барж. Он участвовал в организации первых русских селений-станиц по Амуру, а после ликвидации Амурской экспедиции был назначен начальником сухопутных войск, сосредоточенных в низовье Амура. Произведенный в генерал-майоры, Корсаков стал военным губернатором Забайкальской губернии. За участие в амурских делах и по случаю заключения Айгунского договора Корсаков, наряду с Казакевичем, Невельским и Политковским, получил пенсию в две тысячи рублей в год.

В 1860 году он был назначен председателем учрежденного по инициативе Муравьева-Амурского Управления Восточной Сибири, занял его место в 1862 году.

По словам М. И. Венюкова, хорошо знавшего Корсакова: «Как истинная посредственность, он не мог выносить критики своих ошибок и сослал, например, Петрашевского и Завалишина, которых Муравьев оставлял в покое» [27]. Мы добавим к этому, что Корсаков яростно истреблял любую крамолу, он не посчитался с заслугами Болеслава Казимировича Кукеля, который служил на его прежнем месте в Забайкальской области, и снял его самолично по подозрению в участии в «польских беспорядках» на Байкале. Лишь вмешательство Н. Н. Муравьева-Амурского избавило заслуженного деятеля от больших неприятностей.

[26] Алексеев А. И. Хозяйка залива Счастья. Хабаровск, 1981, с. 73—74.

[27] Венюков М. И. Путешествие по Приамурью, Китаю и Японии. Дальгиз, 1952, с. 111.

Но как бы ни были велики верноподданнические чувства Корсакова, необходимо отметить и такие его качества, как честность и трудолюбие. Он, соразмерно со своими силами и способностями, стремился продолжать дело Н. Н. Муравьева-Амурского. При нем и при непосредственном его участии дальнейшее развитие получило переселенческое дело, особенно в южных гаванях. Независимо от того, какое место ему лично больше нравилось: Новгородский пост или Владивосток, он принимал энергичные меры к переносу порта из Николаевска в одну из южных гаваней. Он не засиживался, как и его знаменитый двоюродный брат, подолгу в Иркутске, а принимал личное участие в великих преобразованиях, происходивших в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. После него осталось поистине неоценимое наследство: его архив, хранящийся в Рукописном отделе библиотеки им. В. И. Ленина и в Государственном историческом архиве Московской области. В последнем хранится его обширная переписка, переданная из Дмитровского уезда. Именем Корсакова назван город и порт на Сахалине — бывший Корсаковский пост, населенный пункт в Приморье.

Немного о Николае Яковлевиче Шкоте — одном из замечательных морских офицеров, память о котором сохранилась на Дальнем Востоке в названии поселка и полуострова. Как говорится в его послужном списке, родился он в Костромской губернии и был «англиканского вероисповедования». Предки его были выходцами из Англии, но осели в России. Два брата Шкоты славно послужили России. Старший, Павел Яковлевич Шкот, был ординарцем адмирала П. С. Нахимова, дослужился, несмотря на ранения, до вице-адмирала и умер в 1880 году. Младший родился в январе 1829 года и, несмотря на свою молодость, также активно участвовал в Севастопольской обороне, за что неоднократно был награжден, получив тяжелую контузию, не оставил во-

енно-морскую службу. Оправившись от ранения, он был переведен в чине капитан-лейтенанта в 47-й Сибирский флотский экипаж. Долгие годы его связывала судьба с транспортом «Японец», с которым он навечно вошел в историю основания и развития Владивостока. Кстати, старшим офицером у него был один из четырех братьев Рыковых — Василий Иванович, которому он передал командирские обязанности, когда сам был назначен 6 июня 1864 года «исправлять должность помощника капитана над портами Восточного океана», а затем 2 октября того же года «главным начальником в южных гаванях».

1 января 1868 года он был произведен в капитаны 1 ранга, а 30 апреля того же года ему было «разрешено носить во всех случаях вместо шляпы — фуражку и ходить с помощью трости» — сказались перенесенные ранения. Долго он не успел пожить в Петербурге: вся жизнь уложилась в годы учебы, оборону Севастополя, длинную службу на Дальнем Востоке и совсем короткое пребывание в Петербурге — всего до 1 сентября 1870 года, когда его не стало [28].

Я уже писал, что мне не удалось найти никаких сведений о первом начальнике поста Владивосток Н. В. Комарове, не удалось даже расшифровать его инициалы.

Еще хуже обстояло дело с документами, проливавшими свет на личность основателя Хабаровска. Тайна рассеялась слегка, когда в одном из архивов мне удалось обнаружить, что основателя Хабаровска капитана Дьяченко — это было известно давно — звали Яков Васильевич. Ну а дальше пошли розыски. И вот в Центральном государственном военно-историческом архиве в фондах инспекторского департамента, через который проходили дела о смерти офицеров, нашлось и дело о

[28] Общий морской список. Часть XII, Спб. 1900; Петербургский некрополь. Т. 4, Спб, 1913, с. 555.

смерти полковника Якова Васильевича Дьяченко. Оказалось, что он не только основал Хабаровск и многие другие станицы, но он же имеет прямое отношение и к южным гаваням. И кто знает, решился бы вопрос о главном порте на Тихом океане в пользу Посьета, то, возможно, о Дьяченко было бы известно и во Владивостоке хотя бы столько, сколько знают о Шкоте и Шефнере.

Помог мне, казалось, в безнадежном поиске старейший работник ЦГВИА Евгений Петрович Воронин, который одному ему только известными ходами выудил из тысяч дел одно-единственное [29]. Мелкопоместный дворянин Полтавской губернии Яков Васильевич Дьяченко родился 21 марта (ст. стиль) 1817 года. Судя по полному послужному списку, который вложен в названное дело, Дьяченко до службы учился в частных учебных заведениях, а в каких именно — не указано.

В 15-летнем возрасте (16 апреля 1832 года) он вступил в службу унтер-офицером в Тираспольский конно-егерский полк. Когда полк был расформирован, Дьяченко перевели в 1833 году сначала в Финляндский драгунский полк, а затем в Новомиргородский уланский полк. За отличие по службе 24 октября 1835 года Дьяченко становится корнетом и снова за отличие, через два года, 4 сентября 1837 года производится в поручики.

Дальше в службе Я. В. Дьяченко наступает перерыв. 23 мая 1841 года он «по прошению уволен от службы за болезнью с чином штабс-ротмистра». Надо полагать, что 24-летний отставник уехал к себе на родину и там женился, так как 6 июля 1842 года у него появился сын Владимир. В личном деле не указано имя первой жены Дьяченко, но поскольку в нем говорится, что он был женат вторым браком, то легко напрашивается вывод о

[29] ЦГВИА, ф. 400, оп. 126/748, д. 100.

какой-то личной трагедии, происшедшей в его жизни. Вполне возможно, что именно домашние обстоятельства заставили его больше чем через десять лет — 16 марта 1852 года вступить «вновь на службу поручиком с определением в Сибирский линейный баталион». Отправившись 20 марта из Полтавы, он 12 июня того же года был на месте и прибыл в свой батальон.

Дьяченко оказался в гуще событий, стал участником исторических преобразований на Дальнем Востоке, на Амуре. О нем часто упоминают Венюков, Муравьев, Буссе, Кукель, Корсаков и другие деятели Дальнего Востока. Отзывы разные, но добрые, во всех подчеркивается его трудолюбие. Дьяченко исполняет приказы точно, основывая в Забайкалье, а затем по левому берегу Амура русские станицы и поселения.

19 декабря 1855 года он стал штабс-капитаном, а на следующий год участвует в третьем сплаве по Амуру, отвечая в нем за «снаряжение и сплав тяжестей». Вскоре после этого за отличие он производится в капитаны (16 апреля 1857 года) и награждается первым орденом — орденом Св. Анны 3 степени (2 ноября 1857 года).

Но и до Амурского сплава Дьяченко хватало работы. Сразу по прибытии в Сибирь ему было поручено отвезти в Москву партию рекрутов из 276 человек, что он исполнил и возвратился в Иркутск в конце декабря 1853 года. Назначенный командиром двух рот, он в декабре 1855 года отправился с ними из Верхнеудинска в Шилкинский завод, куда и прибыл 15 февраля 1856 года, за что получил благодарность от Муравьева. Из Шилкинского завода с теми же двумя ротами Дьяченко был назначен в конвойный отряд на Усть-Зейский пост.

Здесь необходимо сделать небольшое пояснение. В военном отношении левобережье Амура считалось единой Амурской оборонительной линией. 25 июня 1857 года, находясь в Усть-Зейском посту, Муравьев издал приказ, согласно которому Амурская линия делилась на

два отделения: от Усть-Стрелочного караула до Хинганского хребта включительно и от Хинганского хребта до Мариинского поста. В 1857 году на Амуре в этих линиях было два военных поста: Уссурийский и Сунгарский. Командовал обоими сотник Киселев.

20 октября 1857 года Я. В. Дьяченко назначается командиром четырех рот 3-го батальона, которым по приказу генерал-губернатора Восточной Сибири Н. Н. Муравьева предписывалось «устройство на Амуре конных казаков».

А 23 февраля 1858 года он стал командиром батальона, которому суждено было основать многие станицы и города на Амуре. С 1858 по 1863 год Дьяченко жил в Хабаровке и строил ее. А. И. Петров, плававший командиром парохода по Амуру, оставил такую запись в своем дневнике: «Я каждый день съезжал на берег в гости к батальонному командиру подполковнику (запись относится к 1862 году) Дьяченко, у которого с утра собиралось офицерство его батальона, казацкие, доктор, чиновники и купцы, одним словом разночинцы, и садились играть в сутолку. Тут только услыхал я эту бессмысленную игру. Сам я играть никогда не садился. Более всего я проводил время на пароходе или гуляя по прекрасным окрестностям Хабаровки. Место такое хорошее, что мне приходила мысль купить там землю и поселиться навсегда»[30].

Конечно, не только игра в сутолку занимала командира 13-го линейного батальона — были дела поважнее. Тот же Петров свидетельствует (снова речь идет о начале 60-х годов): «Теперь Амур уже не был таким пустынным, каким мы его видели в 1858 году, плывя на баржах. Нельзя сказать, чтобы было везде изобилие всего, но в каждой деревне можно было найти все необходимое: хлеб, молоко, яйца, случалось, куры и мас-

[30] Документ обнаружен в личном архиве А. И. Петрова. — Ред.

ло. Чем выше от Николаевска поднимались, тем встречали все более и более достатка. От Мариинска до Хабаровки были поселены крестьяне, вольные переселенцы из разных губерний России. Тут были такие случаи: рядом, бок о бок, жили крестьяне вятские и воронежские... От Хабаровки до Благовещенска был поселен батальон пеших казаков из-за Байкала, то есть тысяча семейств» [31].

И во всем этом великом переселении большая заслуга батальона, которым командовал Я. В. Дьяченко. 30 июня 1858 года, после заключения Айгунского договора, Муравьев издал приказ, которым поручил Дьяченко «заведование 2-м отделением Амурской линии, к которому присоединяются поселения наши по Уссури под главным начальством военного губернатора Приморской области г. контр-адмирала Казакевича». Месторасположение штаба батальона — Хабаровка. В этом же приказе отмечалось: «В отношениях Ваших с жителями имеете руководствоваться общепринятыми у нас правилами доброты и снисходительности» [32].

Муравьев предписывал этим же приказом Дьяченко и командиру Амурского пешего казачьего батальона есаулу Помпею Пузино заботиться о здоровье переселенцев. А 12 июля Муравьев передал 13-й линейный батальон полностью в распоряжение генерал-губернатора Приморской области. Но вместе с тем Дьяченко оставался и верховной властью на Амуре, ибо именно ему 6 октября 1858 года Муравьев поручил «главное заведование вновь поселившимися Уссурийского батальона Амурского казачьего войска».

Великая роль Дьяченко сказалась и на подготовке экспедиции К. Ф. Будогосского в 1859 году и в следующих годах. Мы уже отмечали, что одна лишь подготовка большого числа лодок для этих экспедиций потребовала немало усилий. В делах тех лет сохранилось много записок, докладов, рапортов, связанных с организацией экспедиции Будогосского и затем комиссарской миссии Казакевича. Всю подготовку этих важнейших для Уссурийского края мероприятий провел батальон Дьяченко.

[31] Петров А. И. Амурский щит, 1974, с. 331.
[32] ЦГАВМФ, ф. 909, оп. 1, д. 26, лл. 71, 72.

18 сентября 1859 года Дьяченко получил от Муравьева поручение «заведовать устройством вновь вольнопереселившихся из внутренних губерний России казенных крестьян, что и исполнял на Амуре до прибытия назначенного исправника», то есть до 18 сентября 1860 года. В это время за отличие по службе Дьяченко был произведен в майоры. Вся полнота власти на Амуре в те годы принадлежала ему. Он был проводником и исполнителем переселенческой политики России на Амуре и на Уссури, в Уссурийском крае.

Яков Васильевич Дьяченко командовал своим батальоном, как мы уже говорили, до 1863 года. За это время, и снова за отличие по службе, он стал 22 мая 1861 года подполковником, а 12 января 1862 года его батальон был переименован и стал называться линейным батальоном № 4 Восточной Сибири. В 1863 году Дьяченко из своей многолетней резиденции — основанной им Хабаровки — перебрался в станицу Казакевичеву, так как получил новое назначение — командиром Уссурийского пешего батальона Амурского казачьего войска, штаб которого размещался в этой станице.

С 1863 по 1866 год подполковник Дьяченко возводил русские посты и станицы по Уссури и вблизи озера Ханка вплоть до моря. Именно через него старый амурец и уссуриец, известный путешественник и ученый М. И. Венюков, живший в эти годы во Франции, поддерживал связь со станицей Венюково, посылал ее жителям учебники для желающих овладеть грамотой, деньги и даже ружье лучшему стрелку станицы. Сохра-

нилось несколько документов этого времени и среди них рапорт Дьяченко Казакевичу от 14 февраля 1864 года о состоянии переселенческого дела на Уссури, о фрахте парохода «Николай», о связи с Новгородским постом, Владивостоком и о других текущих делах[33]. 22 мая 1864 года Дьяченко получил свой второй орден — Св. Станислава 2 степени.

Все дальше и дальше на восток уходил Дьяченко. Начинал он с Иркутска, основывал Хабаровку и долго жил в ней, плавал по Амуру, строил там поселки и станицы, затем перебрался на Уссури и к озеру Ханка, а теперь, когда русская жизнь пришла в южные гавани, когда решался вопрос о переносе порта из Николаевска в одну из южных гаваней и когда чаша весов склонялась в этом вопросе в пользу Новгородской гавани, 18 февраля 1866 года подполковник Я. В. Дьяченко был назначен начальником Новгородского поста.

Дел у него тут заметно прибавилось, хотя вроде бы, казалось, должно быть их меньше, так как все сосредоточивалось в одном месте. Но оказалось, что это далеко не так. Уже через год Дьяченко значился не просто начальником Новгородского поста, но и еще заведующим Суйфунским округом. Только в октябре 1868 года к нему прибыл помощник начальника поста и заведующий гражданской частью в Суйфунском округе штабс-капитан Збереховский. Соседним, Ханкайским, округом заведовал подполковник Марков. В Новгородском посту в 1868 году уже действовала телеграфная станция.

Дьяченко был обязан следить за водворяемыми на поселение во всем округе, в том числе и во Владивостоке[34]. Дьяченко приходилось решать самые разные дела. Весной 1868 года к нему прибыл за углем лейтенант К. С. Старицкий, производивший гидрографические работы.

Большое место в его деятельности занимали строительные дела, организация добычи угля, изучение края. Надо было устраивать тех из матросов, которые, выслужив установленные 15 лет на Дальнем Востоке, пожелали остаться здесь навсегда. 20 июля 1869 года Дьяченко стал полковником, а в 1871 году его не стало.

Сохранилось свидетельство о его смерти: «Начальник Новгородской постовой команды полковник Дьяченко, 56-ти лет от роду, 26 марта 1871 года умер от острого катарального воспаления мельчайших ветвей дыхательного горла, в удостоверение чего и дано мною, нижеподписавшимся, сие свидетельство за собственноручным подписом и приложением именной моей печати. 1871 года мая 9 дня. Пост Новгородский. Пользовавший полковника Дьяченко врач, старший врач № 1 Восточно-Сибирского линейного батальона коллежский асессор». Подпись неразборчива.

Супруга его Афимья Константиновна Дьяченко после смерти мужа переехала в Иркутск, где получала пенсию. Что стало с сыном Дьяченко, Владимиром, мы не знаем.

Осталось нам рассказать еще об одном ветеране — о Шефнере, а также о братьях Рыковых, служивших во второй половине 60 и в 70-х годах во Владивостоке. Они были еще живы в то время, о котором пойдет речь в последней главе. Там мы расскажем и о них.

И все-таки Владивосток!

Вопрос о переносе порта из Николаевска в одну из южных гаваней был решен, но в какую: в Новгород-

[33] ЦГА РСФСР ДВ, ф. 87, оп. 1, д. 264, л. 45 и др.
[34] ЦГА РСФСР, ф. 488, оп. 1, д. 1, лл. 32, 32об, 66, 135.

скую или во Владивосток, об этом не было единого мнения. Впервые о переносе порта и о выборе места для порта в южных гаванях заговорили на таком уровне, как Кабинет министров, на его заседании 30 ноября 1868 года. Затем в марте 1869 года на одном из совещаний министр финансов Рейтерн высказался в пользу посылки комиссии, в составе которой были бы представители различных ведомств: финансов, морского, внутренних дел, государственных имуществ и уделов — и которая на месте должна была все посмотреть и представить свои окончательные соображения и предложения.

Комиссия генерал-адъютанта Сколкова отправилась на Дальний Восток в апреле 1869 года, а возвратилась в столицу в декабре того же года. Доклад комиссии со всеми приложениями был представлен правительству к новому 1870 году. Он был размножен и разослан заинтересованным ведомствам и отдельным лицам, имевшим отношение к русскому Дальнему Востоку. Этот доклад превратился в исторический очерк развития портов на Тихом океане, в котором рассмотрены недостатки и преимущества не только Николаевска-на-Амуре, но и всех других гаваней, включая и южные гавани Приморья.

Комиссия Сколкова отдала предпочтение Владивостоку: «Бухта Владивосток, расположенная на полуострове Муравьева-Амурского, представляет обширную, глубокую и совершенно закрытую от всех ветров гавань, на пологих берегах которой удобно и без значительных затрат могут быть устроены доки, пристани и другие портовые сооружения». Отмечая другие достоинства Владивостока (малая замерзаемость, наличие строевого леса, близость каменного угля, удобное соединение с Хабаровкой) и недостатки, комиссия Сколкова пришла к выводу, «что Владивосток представляет несомненно более, чем Посьет удобств к скорому и недорогому возведению казенных и частных построек и всех портовых сооружений, а в будущем содержание в нем команд порта и эскадры, вследствие близости плодородной Ханкайской степи будет обходиться несравненно дешевле».

И окончательно: «Если необходимость перенесения порта из Николаевска признается правительством и получится окончательное решение, то для избежания излишних расходов следует приступить безотлагательно к приведению этого в исполнение» [1].

К докладу Сколкова были приложены мнения заинтересованных лиц. П. В. Казакевич стоял на своем. 9 февраля 1870 года он представил записку, в которой решительно высказался в пользу Владивостока. И это несмотря на то, что Муравьев, Корсаков и даже Лихачев, с разными оговорками, все же склонялись строить главный порт в заливе Посьета. Все эти мнения были собраны у морского министра Н. К. Краббе, который сообщил 21 июня 1870 года Казакевичу, что царь 13/25 июня 1870 года утвердил «главныя основания по предстоящему преобразованию Приамурского края с тем, чтобы разработка частных вопросов была предоставлена подлежащим министерствам». Для этой цели была утверждена комиссия под председательством П. В. Казакевича и при участии представителей морского флота, министерства внутренних дел, военного губернатора Приморской области, министерства финансов, министерства государственных имуществ и уделов [2].

Комиссия в своей работе руководствовалась следующими общими выводами комиссии Сколкова, утвержденными Александром II, как уже было сказано, 13 июня 1870 года. Итак, было постановлено:

«1. Гражданское управление Приамурским краем

[1] ГАПК, ф. 530, оп. 1, д. 2, лл. 56, 62, 65.
[2] ЦГАВМФ, ф. 410, оп. 2, д. 4237, л. 1.

изъять из подчинения находящегося в Иркутске центрального управления Восточной Сибири.

2. Оставив Забайкальскую область, по-прежнему в составе Генерал-Губернаторства Восточной Сибири, из существующих ныне областей: Приморской Восточной Сибири и Амурской — образовать одну, под названием Амурская область, под ведением начальника области. Местопребыванием областного управления назначить Хабаровку. К этой области применить общие губернские учреждения не в полном их развитии, но в упрощенном виде, соответственно местным потребностям.

3. Из Амурского полуострова с островом Русским и городом Владивостоком, морского прибрежья от Владивостока до залива Де-Кастри, округов Петропавловского, Гижигинского и Удского, островов Сахалин, Командорских и Курильских образовать особое управление в ведение главного командира портов и островов Восточного океана. Морские учреждения перенести из Николаевска во Владивосток, где назначить пребывание главному командиру. Степень власти этого должностного лица в морском отношении применить к власти главного командира портов Европейской России; в военном же и гражданском отношении — к правам военного губернатора.

4. Не выделяя Приамурского военного управления из ведения военного округа Восточной Сибири, начальствование войсками во вновь учреждаемой Амурской области поручить начальнику бригады, с тем, чтобы по командованию права его были расширены сравнительно с принадлежащими этой должности по общему положению, в хозяйственном же отношении он был бы подчинен военному управлению в Иркутске.

5. Войска, находящиеся в местностях, подлежащих управлению главного командира, передать в ведение сего последнего, как в командном, так и в хозяйственном отношениях. При сем сообразить: не может ли быть

организован из переданных таким образом команд особый морской батальон.

6. Для надобностей порта и для удовлетворения требований в стратегическом отношении остров Русский, разделяемый от Владивостока проливом Босфор Восточный, полезно было бы передать из удельного в морское ведомство с вознаграждением удельного ведомства соответствующим участком земли в Южно-Уссурийском крае, по соглашению подлежащих ведомств, если это может быть сделано без особых неудобств»[3].

Комиссия по выработке практических мероприятий и штатов для Дальнего Востока и Владивостока в том числе пришла к следующим соображениям по перенесению порта из Николаевска во Владивосток. Утверждается, что средства и возможности Приморской области не являются достаточными, чтобы осуществить в скорейшее время перенос порта из Николаевска во Владивосток. И все же та «часть труда и забот, которая выделяется во всяких других более населенных местностях на долю частной деятельности, при предстоящем перенесении порта будет лежать всецело, от самых мелочей, на заботах местной администрации. Рубка и доставка леса, заготовление кирпича, извести и других строительных материалов, постройка жилых помещений, магазинов, портовых заведений и вся, связанная с устройством нового порта, работа должна производиться исключительно руками матросов и солдат, ибо в вольнонаемных рабочих будет положительный недостаток. Отсюда проистекает необходимость заблаговременно озаботиться устройством во Владивостоке помещений и лазарета, соответственно переводимому туда числу офицеров и нижних чинов, а также магазинов для склада провианта и других запасов».

Далее отмечается, что как на казенные здания и ка-

[3] ЦГАВМФ, ф. 410, оп. 2, д. 4237, л. 203—203об.

зармы, так и на частные постройки во Владивостоке «ни в коем случае нельзя рассчитывать на помещение в них большинства тех лиц, которые придут, при перемещении администрации из Николаевска во Владивосток».

А из всего изложенного делается вывод, что при подобных условиях «всякое передвижение во Владивосток значительного числа людей, не соразмерно с имеющимися там помещениями, может неблагоприятно отразиться на здоровье команд и вызвать в постройке зданий торопливость, вредную как в экономическом, так и в гигиеническом отношении».

Поэтому главный командир может в первое время сам избирать, где ему удобнее быть — во Владивостоке или же какое-то время продолжать жить в Николаевске. Люди, направляемые немедленно во Владивосток, должны заниматься там «исключительно заготовкой леса и устройством кирпичного завода». В связи с этим строительная часть порта, укомплектованная полностью по штату, должна сразу же отправляться во Владивосток. «Для руководства всеми предположенными работами назначить в Владивостоке помощника капитана над портом или другого офицера — по выбору главного командира, с самым необходимым числом должностных лиц, преимущественно для ведения отчетности». Перенос предполагается осуществить на транспортах «Японец» и «Маньчжур» с привлечением по возможности других кораблей и судов флотилии и эскадры.

Уже тогда комиссия предупреждала, что она «считает обязанностию обратить внимание на то, что необходимый для этого лес, растущий на полуострове Муравьева-Амурского, следовало бы рубить с крайней осмотрительностью, так как совершенно уничтожать его было бы по меньшей мере неосторожно». И в заключение комиссия заявила, что она решительно не согласна с мнением комиссии Сколкова относительно направления во Владивосток для работ двухсот ссыльно-

каторжных, труд которых непроизводителен, а хлопот с ними очень много. Кроме того, подобная мера неприятно подействует на жителей Владивостока [4]. Далее комиссия представила конкретный и подробный план строительства в Владивостоке и переноса туда порта из Николаевска.

Великий князь Константин дважды докладывал все документы о переносе порта царю и, наконец, 25 февраля 1871 года последовал приказ № 21 генерал-адмирала следующего содержания: «Государь Император 16 и 22 сего февраля высочайше повелеть соизволил:

1. Морскую часть в портах Восточного океана, изъяв из ведения генерал-губернатора Восточной Сибири, образовать на общих основаниях, изложенных в Положении об управлении морским ведомством, высочайше утвержденном 18 июня 1867 года.

2. Командиру Сибирской флотилии и портов Восточного океана присвоить звание главного командира портов Восточного океана.

3. Главный порт с морскими учреждениями перенести из Николаевска во Владивосток.

4. Ввести теперь же в действие рассмотренный Адмиралтейств-Советом и при сем прилагаемый Штат Управления» [5].

Вопрос был решен окончательно, и можно было приступить к практической деятельности. Постепенно все пришло в движение. В Николаевске знали об участи города, равно как и о решении особого совещания от 25 мая 1870 года, утвержденного затем в июне того же года царем. Поэтому уже в 1869 году возникли и решались вопросы, вошедшие затем в решение этого совещания. В самом конце 1869 года Корсаков, смирившийся, видимо, с тем, что порт все-таки будет во Вла-

[4] ЦГАВМФ, ф. 410, оп. 2, д. 4237, лл. 99—99об, 100—100об, 101об, 104, 105.

[5] Там же, лл. 261 и далее.

дивостоке, писал из Иркутска адмиралу Фуругельму: «По случаю предполагаемого перенесения Николаевского порта в одну из южных гаваней, предстоит вероятность, что многия суда Сибирской флотилии будут зимовать в южной части Приморской области; туда же заходить будут и суда эскадры Восточного океана, которые останутся там более или менее продолжительное время. При таком накоплении команд следует ожидать, что между ними будут и больные. Для подания им медицинской помощи я полагал бы полезным устроить в одной из южных гаваней, например, на первое время во Владивостоке, временное отделение госпиталя на 30 или 40 кроватей, впредь до окончательного выбора места для порта и основания в нем морского госпиталя». Конечно, Фуругельм не мог с таким письмом не согласиться и попросил высказать свое мнение главного доктора Николаевского морского госпиталя надворного советника Якова Бернгардовича Пфейфера. Тот 18 марта 1870 года такие соображения представил и сказал, что для госпиталя во Владивостоке нужен отдельный большой дом, а не старая казарма корвета «Гридень». А для строительства нужны деньги — и привел соответствующие расчеты [6]. Известно, что в конце 1871 года временный госпиталь во Владивостоке был построен и открыт.

27 марта 1870 года жители Владивостока избрали старостой первого гражданского жителя поста Владивосток купца Якова Лазаревича Семенова, его заместителем, или, как принято было раньше говорить, кандидатом на эту общественную выборную должность стал Михаил Петрович Колесников. В Николаевске в связи с предстоящим переносом порта прекратили работу по возведению Константиновской крепости, призванной оборонять входы в Амур на мысах Мео и

[6] ЦГАВМФ, ф. 909, оп. 1, д. 138, лл. 2—3, 8—8об, 11.

Чныррах, хотя на последнем впоследствии крепость была создана.

20 апреля 1870 года Александр Егорович Кроун 1-й, тот самый, который вместе с Казакевичем побывал в свое время в США, произведенный в контр-адмиралы, был назначен военным губернатором Приморской области и главным командиром Сибирской флотилии и портов Восточного океана вместо Ю. В. Фуругельма. Кроун отправился в Николаевск через Нью-Йорк и Сан-Франциско, знакомым путем, и прибыл туда 9 января 1872 года. В связи с этим в течение всего 1871 года первые шаги по переносу порта делал еще Фуругельм [7]. А практически распоряжался переносом порта один из первооснователей Владивостока Алексей Карлович Шефнер — известный старожил. О нем и рассказ. О нем и его семье, о его друзьях и сподвижниках.

Конечно, в первую очередь я нашел послужной список этого человека. Из списка следовало, что он родился 26 мая 1832 года в Петербурге, происходил из «дворян Санкт-Петербургской губернии, православного вероисповедания». Получив первоначальное домашнее образование, Алексей Шефнер 13 октября 1846 года поступил на службу юнкером в Балтийский флот. Два года подряд на корабле «Андрей» крейсировал в Немецком и Балтийском морях и 3 апреля 1849 года стал мичманом. В 1849 и 1850 годах на фрегате «Паллада», том самом, который был затоплен в 1856 году в Императорской гавани, плавал из Кронштадта в Португалию и обратно, посетив при этом остров Мадера, Кадис и Лиссабон. Затем на фрегате «Цесаревич» плавал в Финском заливе от Кронштадта до Свеаборга. В 1851 году он служил на шхуне «Метеор», которая обслуживала порты Финского залива.

Следующие два года жизни Алексея Шефнера стали

[7] ЦГАВМФ, ф. 283. оп. 2, д. 4340, лл. 10, 19, 29.

переломными. Он попал на транспорт «Двина», который отправлялся в дальнее плавание на Камчатку. А из Петропавловска в Кронштадт путешествовал через Сибирь. Вот тогда в нем и зародилась мечта — возвратиться на Дальний Восток. Увлекли его широкие морские горизонты и дальние страны. Знал он и об Амурской экспедиции, стал свидетелем переноса порта из Охотска в Петропавловск. За отличную и ревностную службу Шефнер был произведен 7 апреля 1854 года в лейтенанты.

Лейтенанту Шефнеру пришлось всю войну с англо-французами провести в Кронштадте, отражая нападения противника, на кораблях «Св. Георгий Победоносец», «Константин» и пароходе-фрегате «Олаф». За отличие в военных действиях Шефнер 20 февраля 1856 года был произведен в капитан-лейтенанты, награжден бронзовой медалью в память войны 1853—1856 годов и по его просьбе переведен в 47-й флотский экипаж, то есть в Сибирскую флотилию. По прибытии в Николаевск он был назначен командиром шхуны «Пурга», а как только туда прибыли из США построенные по заказу Казакевича транспорты «Маньчжур» и «Японец», А. К. Шефнер получил в командование один из них — «Маньчжур» и плавал на нем бессменно командиром вплоть до 1870 года включительно.

За эти годы Шефнеру приходилось бывать в разных портах и заливах Дальнего Востока и хорошо изучить их. В его послужном списке перечень посещенных мест занимает несколько страниц, но все же некоторые записи теперь стали достоянием истории. Наверное, они запомнились и самому Шефнеру. «В 1859 году командиром винтового транспорта «Маньчжур» в плавании между Николаевском, Де-Кастри, Дуэ, Ольгой, Посьетом, Косуннаем, Императорской гаванью с 11 мая по 20 октября. Якорных 63 дня, парусных 100. В 1860 году... с 11 мая по 26 октября в плавании между Николаевском, Де-Кастри, Ольгой, Владивостоком и Посьетом»[8]. И с тех пор южные гавани, Владивосток и Посьет встречаются в записях о плавании Шефнера каждый год.

В послужном списке Шефнера появились сведения и о других наградах: в 1858 году ему вручен орден Владимира 4 степени, в 1861 году — орден Св. Станислава 2 степени, в 1864 году — орден Св. Станислава 2 степени с императорской короной, 1 января 1868 года — орден Св. Анны 2 степени. В 1867 году ему была назначена пенсия за десятилетнюю службу на Амуре — 435 рублей в год, а 6 июня 1870 года — разрешено «производить добавочное жалованье за сбережение в течение 10 лет транспорта «Маньчжур» по 702 рубля в год». За эти же годы Шефнер дважды повышался в чине: 1 января 1864 года он стал капитаном 2 ранга, а 1 января 1868 года — капитаном 1 ранга. Видимо, к 70-м годам, судя по рождениям детей, относится женитьба А. К. Шефнера на Екатерине Яковлевне Давыдовой.

На некоторое время прервем повествование о Шефнере, чтобы рассказать о морской семье Рыковых, которая самым тесным образом вошла в жизнь Сибирской флотилии и история которой переплелась с историей жизни и деятельности Шефнера. Раньше всех в Сибирскую флотилию попал старший из братьев Рыковых, Василий Иванович, — в 1862 году. Он был уже в чине капитан-лейтенанта и был назначен командиром винтовой шхуны «Восток», той самой шхуны, которая была куплена в Англии и вместе с фрегатом «Паллада» под командованием В. А. Римского-Корсакова в эскадре адмирала Е. В. Путятина перешла на Дальний Восток, принимала участие в работе Амурской экспедиции, стала первым паровым судном, которое вошло через про-

[8] ЦГАВМФ, ф. 406, оп. 9, д. 4716, л. 906.

лив Невельского в лиман и в устье реки Амура. Затем она часто состояла в распоряжении В. М. Бабкина, выполняя гидрографические работы. Затем В. И. Рыков командовал шхуной «Гонец», а в конце 1864 года принял от Н. Я. Шкота вошедший в историю Владивостока наравне с «Маньчжуром» транспорт «Японец» и командовал им до 1869 года. 17 августа 1868 года В. И. Рыков стал членом комиссии военного суда в портах Восточного океана. 1 января 1870 года, произведенный в капитаны 2 ранга, он был переведен на Балтийский флот, получил Амурскую пенсию и закончил свой жизненный путь в 1880 году контр-адмиралом. Имел дочь Софью.

В то время, когда он уходил с Дальнего Востока, там служил уже Павел Иванович Рыков, побывал Николай Иванович Рыков и появился самый младший из братьев Сергей Иванович Рыков. Сергей Рыков позже всех пришел на флот, зато и ушел последним. Начал он службу лейтенантом на канонерской лодке «Соболь» в 1871 году, продолжил ее в следующем году на такой же лодке «Морж» под командованием М. Г. Готского-Даниловича в 1872—1873 годах, затем некоторое время был адъютантом командира Амурского экипажа.

В 1874 году С. И. Рыкова перевели на Балтику, но через два года он снова вернулся в Сибирскую флотилию, прослужив в ней до 1885 года. В эти годы ему приходилось быть старшим офицером «Маньчжура», «Америки», затем в звании капитан-лейтенанта стал командиром шхуны «Восток», которой полтора десятка лет назад командовал его старший брат. Он и стал последним ее командиром: шхуна села на мель в Японском море и затонула. Сергей Рыков был отдан под суд, но оправдан и даже через два года был произведен в капитаны 2 ранга. Умер он в чине генерал-майора в 1911 году.

Побывал на Дальнем Востоке Николай Иванович

Рыков. Служить ему тут не довелось, но в плавании на «Светлане» в 1859—1862 годах он участвовал, так что Владивосток он повидал в самом начале его возникновения и к первому названию главной улицы — Светланской, как член экипажа «Светланы», имеет прямое отношение.

Все они, конечно, прекрасно знали Шефнера, так же, впрочем, как и он всех Рыковых. Особенно Павла Ивановича Рыкова. Внуки Рыковых и правнуки, а также и единственный внук Шефнера, известный советский поэт-ленинградец Вадим Шефнер, видимо, и до сего времени не подозревают о том, что они находятся в родстве. Во всяком случае, когда я об этом сказал внуку Павла Ивановича Рыкова полковнику в отставке Виктору Константиновичу Рыкову, он несказанно этому удивился. А я думаю, что в какой-то степени на стремление братьев Рыковых служить в Сибирской флотилии сказывался этот факт.

Продолжим рассказ о переносе порта. Естественно, что все делалось в начале в Николаевске. Как и рекомендовалось, здесь готовили планы переноса порта, строительные материалы, людей. Этим занимался штабс-капитан Н. И. Петропавловский. На первый год на перенос порта было отпущено сто тысяч рублей, на следующий — такая же сумма, а на 1873 год — уже двести тысяч рублей. 4 сентября 1871 года адмирал Фуругельм командировал Петропавловского со строительной частью на шхуне «Алеут» во Владивосток, предписав ему «открыть управление вверенной Вам части и приступить к работам по заготовлению материалов и устройству делового двора, кирпичного и известкового заводов, озаботясь помещением для нижних чинов на зимнее время». Он сообщил ему также, что предписал заведующему морской частью во Владивостоке, «чтобы он по всем Вашим требованиям помогал Вам имеющимися в его распоряжении свободными средствами к сбор-

ке барж и механизмов, к нивелировке местности и пр.»[9].

Уже 1 ноября 1871 года Петропавловский телеграфом известил Фуругельма, что из Петербурга во Владивосток прибыл «каменных дел мастер Дмитрий Кузьмин», что он закупил в Посьете 17 лошадей, приступает к постройке кирпичного завода, временного склада и ремонту имевшихся зданий. Во Владивостоке составлялись всевозможные заявки, велась съемка местности, намечались контуры будущего порта.

Была начата постройка двух магазинов и двух хлебопекарен. Сам Петропавловский устраивался во Владивостоке прочно — он купил дом на Миссионерской улице у купца 2 гильдии И. М. Соннеблюма. В итоге, к концу 1871 года во Владивостоке, как свидетельствует Н. П. Матвеев, были готовы две казармы для нижних чинов Сибирского флотского экипажа, столовая, флигель для госпиталя, четыре деревянных магазина, дом экипажного командира, построена и вступила в строй паровая лесопильня и стал выдавать столь необходимую продукцию кирпичный завод.

В порту имелись: дома начальников морского и сухопутного; казармы и служебные дома морского ведомства; склады и провиантские магазины; механическая мастерская и лесопилка; церковь и дом священника; бывший артиллерийский пост; помещение для астрономических наблюдений, публичный сад и частные дома. В то время было выделено место для строительства порта — по восточному берегу полуострова Шкота, в районе мыса Егершельда, там, где теперь располагается морской порт и железнодорожный вокзал[10].

Интересны сведения о посещении порта Владивосток уже в первый год его существования как главного порта России в Восточном океане, то есть в навигацию 1871 года. Порт посетило 24 судна — 8 под германским флагом, 8 — под английским, 3 — под голландским, 2 — под американским, 2 русских и одно шведское судно. Из них только одно было паровое, прочие — парусники. В основном суда были загружены строительными материалами: кирпичом, цементом, железными материалами, досками, брусьями, известью, а также продовольственными товарами и крепкими напитками. Во Владивостоке уже существовали торговые фирмы, или как у нас было принято говорить, торговые дома: один русский, три немецких, один американский.

Работы по переносу порта приняли особо широкий размах в 1872 и в 1873 годах. Одной из самых важных забот Шефнера была забота о людях. Подготовка к продолжению летних работ постоянно велась в Николаевске зимой с 1871 на 1872 год. Шефнер прекрасно видел, как устают матросы, и он зимой, 7 января 1872 года, направил в штаб главного командира портов Восточного океана записку, в которой писал: «Давал в пищу команде вверенного мне экипажа в неделю три раза свежее мясо, раз солонину, два рыбу и раз горох, запасая соленую рыбу хозяйственным способом, на ротных рыбалках, так что стоимость ее не превышает 1 р. 20 коп. за пуд; снабжал команду в зимнее время теплою одеждою по расчету: полушубок на три года, а бродни, рукавицы и варежки на один год, стоимость пищи одного человека в месяц обходится 3 рубля 49 копеек. Но такое ограниченное положение свежей мясной пищи я нахожу недостаточным для удовлетворительного состояния здоровья нижних чинов, так как рыба, выдаваемая в пропорции 3/4 фунта на человека, далеко не представляет питательности полуфунта мяса. Почему я считаю необходимым увеличить выдачу свежего мяса в размере семи раз в неделю, т. е. ежедневно, выдавая рыбу только в утренний завтрак, в помощь

[9] ЦГАВМФ, ф. 909, оп. 1, д. 146, лл. 9, 14, 14об, 25, 35, 43.
[10] ЦГАВМФ, ф. 410, оп. 2, д. 4257, л. 139. Матвеев Н. П. Указ. соч, с. 48.

чая, тогда стоимость пищи одного человека в месяц обойдется 4 руб. 72 1/4 копейки... Сверх сего по причине весенних болезней происходит у нижних чинов от неимения времени просушить своей мокрой обуви и платья надлежащим образом, посему считаю нужным выдавать порцию сбитня, кроме двух зимних месяцев, еще в течение октября и апреля» [11].

Кроун дал этой докладной немедленный ход, и в адрес Краббе 31 января 1872 года пошло такое письмо: «Пищевое довольство нижних чинов Амурского экипажа находится в крайне невыгодных условиях как относительно быта нижних чинов, так и по постановке службы и дисциплины в отдаленном крае, где в особенности чувствуется необходимость строгой, предупредительной дисциплины, возможной только при правильном распределении людей и обязанностей службы».

В итоге ходатайство Шефнера возымело свое действие. 13 октября 1872 года царь разрешил «увеличить на будущий год, в виде временной меры (имея в виду время переноса порта. — **А. А.**), размер приварочных денег для всех нижних чинов Сибирской флотилии, переведенных во Владивосток, до десяти копеек в сутки на каждого человека» [12]. Как видим, в месяц выделялось примерно три рубля на солдата, а Шефнер просил почти пять рублей при существующей норме — 1 руб. 20 коп. Интендантство ввело среднюю норму содержания.

А. Е. Кроун 15 февраля 1872 года ходатайствовал из Николаевска перед морским министерством о необходимости заказа в Англии различных механизмов для Владивостокского порта, станков и железных барж [13]. Он докладывал также о том, что во Владивостоке необходимо продолжать строительство своими силами ка-

[11] ЦГАВМФ, ф. 909, оп. 1, д. 146, лл. 52—52об.
[12] ЦГАВМФ, ф. 410, оп. 2, д. 4315, лл. 1—17.
[13] Там же, д. 4317, лл. 1—4, 16—17.

понерских лодок, и уже в 1872 году были заложены лодки «Нерпа» и «Сивуч» [14].

С открытием навигации все усилия были направлены на перебазирование во Владивосток, и в первую очередь Амурского экипажа, «который прибыл во Владивосток в конце июня, частию морем и частию через Уссури, речным путем». Таким образом, как отмечает в отчете за 1872 год контр-адмирал А. Е. Кроун, «постройка Владивостока началась, собственно, с приходом Амурского экипажа». В Николаевске остались чины, подлежащие увольнению, линейная рота, которая была занята производившимися там работами, а также матросы, необходимые для комплектования плавучих средств в порту Николаевск.

По окончании морского строительства в Николаевске эти мастеровые были также отправлены во Владивосток. В документе отмечено, что «также переведена туда гидрографическая часть с инструментальною камерою, ввиду снабжения судов по навигационным надобностям и для устройства лоции южных гаваней насколько возможно». Во Владивосток была направлена комиссия военного суда во главе с одним из Рыковых [15].

В Николаевске оставался пока сам А. Е. Кроун со штабом, портовая контора и комиссариатская часть. Но это совсем не означает, что Шефнер и Кроун отсиживались в такое горячее время в Николаевске. В отчете Кроуна выражалось твердое заверение, что в «предстоящую навигацию (то есть в навигацию 1873 года. — **А. А.**) Высочайшая воля по перенесению порта будет исполнена» [16].

Осуществляя перевозку людей и имущества по Амуру и Уссури, а также и морским путем, где этим делом

[14] ЦГАВМФ, ф. 410, оп. 2, д. 4314, лл. 59—60.
[15] Там же, д. 4341, лл. 1об—2, 3, 4об.
[16] Там же.

заняты были преимущественно транспорты «Японец» и «Маньчжур», командир которого П. И. Рыков доставил 27 июня во Владивосток А. К. Шефнера и большую часть Амурского экипажа. Он докладывал Кроуну по телеграфу в Николаевск 5 июля: «Прибыл во Владивосток 27 июня. Команда и 400 рекрутов прибыли благополучно и размещены. Необходим лазарет. Приступил к расчистке местности для постройки казарм»[17].

1 августа 1872 года на пароходе «Америка» А. Е. Кроун прибыл во Владивосток и утвердил план застройки порта. Согласно этому плану район старого первоначального порта должен был превратиться в доковое адмиралтейство. Возле него строилась уже гауптвахта, которую Кроун надеялся со временем превратить в канцелярию для строительной части докового адмиралтейства.

За старым портом, к востоку предполагалось строительство нового порта, за ним было отведено место для частных домов — Офицерская слободка, выше ее — место для госпиталя, а за Офицерской слободкой расположен Амурский экипаж. А еще дальше — Матросская слободка, для женатых матросов. До поздней осени «Маньчжур» и «Японец», а также все корабли флотилии и еще зафрахтованные суда перевозили имущество во Владивосток.

В докладе Н. К. Краббе 4 сентября 1872 года из Владивостока А. Е. Кроун отметил единодушие, моральный подъем у всего личного состава при всех этих тяжелых работах, в «особенности (много работали.— **Ред.**) капитан 1 ранга Шефнер, исправляющий здесь в мое отсутствие обязанность командира порта, и начальник строительной части штабс-капитан Петропавловский». Он отмечает вместе с тем, что семейные офицеры и чиновники испытывают большую нужду из-за

[17] ЦГАВМФ, ф. 909, оп. 1, д. 146, л. 129.

существующей во Владивостоке дороговизны, намекает на то, что он не располагает большими средствами и поэтому помощь, им оказываемая, ничтожна в сравнении с потребностью»[18].

Н. К. Краббе доложил обо всем этом Александру II, и уже в этом же году появилось распоряжение выдать на переезд всем офицерам и чиновникам по полугодовому окладу, и кроме того, был выделен особый капитал для выдачи ссуд тем офицерам, которые захотят иметь во Владивостоке собственные дома. Это постановление правительства облегчило положение многих офицеров и побудило некоторых из них, а также чиновников строить себе дома. Число жителей во Владивостоке и его окрестностях, то есть в Суйфунском округе, составляло в это время 17 700 человек[19].

Большое значение для престижа Владивостока и для решения некоторых практических вопросов имело посещение порта в начале декабря 1872 года великим князем Алексеем Александровичем, пришедшим сюда 5 декабря на фрегате «Светлана». Командир эскадры адмирал К. Н. Посьет из-за позднего времени не решился входить в Золотой Рог, и фрегат бросил якорь в бухте Патрокл. Узнав об этом, Кроун немедленно пошел туда на пароходе «Америка» и привел фрегат с именитым гостем во Владивосток. Все боевые корабли и коммерческие суда: клипер «Абрек», шхуны «Восток», «Алеут», «Фарватер», «Ермак», канонерские лодки «Морж», «Соболь», пароходы «Амур», «Суйфун», десяток баркасов, баржи, боты флагами расцвечивания приветствовали высокого гостя[20].

Боясь того, что бухту Золотой Рог может быстро затянуть льдом, «Светлана» стояла всего двое суток, во время которых великий князь осмотрел город, поблаго-

[18] Владивосток. Сб. документов (1860—1907 гг.), 1960, с. 49 и 51.
[19] Матвеев Н. П. Указ. соч., с. 49 и 51.
[20] ЦГАВМФ, ф. 410, оп. 2, д. 4341, лл. 23об—24.

дарил флотский экипаж и офицеров за великое дело, которое они делают, побывал в церкви, в казармах, в госпитале и даже успел поохотиться в ближайших окрестностях.

Он провел беседу с местным купечеством, призывая его к активизации торговли и снабжения всем необходимым порта. Он подарил некоторые коллекции местному краеведческому музею. «Бодрый и здоровый вид нижних чинов Амурского экипажа, преимущественно уроженцев Восточной Сибири, встретивших великого князя своим восторженным «ура», произвел приятное впечатление на Алексея Александровича и вызвал с его стороны искреннюю благодарность. 7 декабря «Светлана» с великим князем, в сопровождении пришедших с ней корветов «Витязь» и «Богатырь» под командованием адмирала К. Н. Посьета направилась в Нагасаки. Великий князь пообещал прибыть во Владивосток в апреле следующего года» [21].

«Уезжая из Владивостока 25 декабря, — писал в годовом отчете Кроун, — я оставил его значительно обеспеченным, обстроенным и принявшим уже вид довольно большого городка, вследствие чрезвычайной растянутости, около 5 верст, в одну линию вдоль берега бухты, по неудобству гористой местности, прорезанной притом несколькими оврагами. Казармы Амурского экипажа удались превосходно; нижние чины помещены в них и снабжены хорошо и здоровье их в отличном состоянии, так что если бы не присылка больных от военного и гражданского ведомства и от других судовых команд, то госпиталю было бы очень мало дела» [22].

С визитом «Светланы» в конце 1872 года во Владивосток связано официальное название главной улицы порта — Светланской, так, по крайней мере, сообщает

[21] ЦГАВМФ, ф. 410, оп. 2, д. 4341, лл. 23об—24.
[22] Там же, лл. 5об—6.

об этом Н. П. Матвеев. Однако есть основания считать, что Светланской улицу называли после первого посещения фрегатом «Светлана» Владивостока в самом начале 60-х годов. Что можно считать точно установленным, так это переименование в честь визита великого князя во Владивосток горы, которая раньше называлась горой Успенской. Решением Гидрографического департамента по ходатайству владивостокских властей и представлению гидрографической части 25 мая 1874 года она стала Алексеевской [23].

Царь Александр II хорошо знал о положении дел во Владивостоке и по официальным докладам и со слов побывавшего в Приморье великого князя. Официально Н. К. Краббе доложил царю о состоянии дел в сентябре 1872 года таким образом: «Главный командир портов Восточного океана от 4 сентября прошлого года донес из Владивостока, что Амурский флотский экипаж в начале июля переведен из Николаевска во Владивосток и занимается постройкою двух отделений госпиталя и двух казарм, в которых к зиме 1872 года поместится без стеснения 1000 человек. Здоровье людей на берегу и на судах вполне удовлетворительно» [24]. Видимо, этим можно объяснить, что, удовлетворенный состоянием дел на Дальнем Востоке, царь одобрил меры по переносу порта и выделил двести тысяч рублей.

Зима 1872/73 года проходила в интенсивных хлопотах и активной деятельности всех служб Владивостока. Шефнер в телеграмме в Николаевск Кроуну 29 января 1873 года изложил суть проводившихся зимой работ: «Механическое заведение в ходу. Жаль, мало станков, места много. Баржа собрана, треть заклепана. Сруб Вашего дома готов. Все благополучно. Больных мало» [25].

[23] ЦГАВМФ, ф. 410, оп. 2, д. 4257, л. 216.
[24] ЦГАВМФ, ф. 909, оп. 1, д. 146, л. 179.
[25] Там же, л. 198.

Строительство велось обширное. Строили хотя и временную, но широкую пристань, кирпичный пороховой погреб и крупную пекарню. Для госпиталя в течение года были построены два здания на каменном фундаменте, а третий, деревянный флигель, привезен из Николаевска. В 1869 году командир Сибирской флотилии ходатайствовал перед морским министром о разрешении устройства «в Николаевске Морского клуба и об освобождении офицеров Сибирской флотилии от обязанности быть непременными членами существующего там благородного собрания». То есть офицеры не желали быть обязанными посещать благородное дворянское собрание вместе с гражданскими дворянами — они хотели своего морского благородного дворянского собрания. Краббе отвечал, что он согласен с этим, но, по его мнению, дело это «может получить осуществление только во вновь избранном порту». И такой дом строился успешно. 31 января 1873 года Шефнер обращался к начальнику штаба при Кроуне Дмитрию Матвеевичу Афанасьеву с просьбой прислать из Петербурга всю сервировку для Морского клуба. Чтобы больше не возвращаться к этому вопросу, скажем, что почти оконченное здание Морского клуба неожиданно сгорело в апреле 1876 года, а так как Шефнер ожидал перевода на Балтику, то 9 апреля 1876 года дом капитана 1 ранга Шефнера был куплен за десять тысяч рублей серебром, и в нем было размещено Морское офицерское собрание или Морской клуб [26].

Решился в этом году и вопрос о переводе во Владивосток женской гимназии, которая была основана еще П. В. Казакевичем в начале 60-х годов [27].

В 70-е годы XIX в. были построены многие другие казенные, общественные и частные здания. В то время

[26] ЦГАВМФ, ф. 909, оп. 1, д. 523, лл. 1, 3, 3об., 7, 21, 25.
[27] Матвеев Н. П. Указ. соч., с. 52.

Амурский экипаж размещался в трех казармах на каменном фундаменте. Вблизи казарм выросла Матросская слободка для женатых нижних чинов, которых насчитывалось 140 человек. Были построены и особые казармы для конюхов вблизи конюшен, а также казармы для экипажа и запланированы к постройке в следующих годах еще две казармы, помещения для бань, столовых, канцелярий; нужно было рыть новые колодцы, строить дома для молодых офицеров, аптеки, конторы, кухни, прачечную, пристань для привоза больных непосредственно с кораблей к госпиталю.

Был выстроен дом для конторы порта, и временно размещены в старых домах, после тщательного их ремонта, гидрографическая часть, перебравшаяся вместе с инструментальной камерой из Находки, типография и комиссия военного суда [28].

Появилась весьма основательная Офицерская слободка, где все строили себе дома один лучше другого, как бы соревнуясь друг с другом. Началось это строительство давно, но расцвело оно в 1873—1874 годах. Мы располагаем некоторыми данными о тех лицах, кто подавал местным властям заявки на отвод земель под строительство. В деле этом есть не только прошения и обоснования этих прошений, но также и планы будущих домов. Смотришь сейчас, по прошествии более чем века, и думаешь о том, что, наверное, во Владивостоке еще сохранились эти дома, во всяком случае, некоторые из них. Красавцы, а не дома, и почти все хотели строить дома каменные или на каменном фундаменте.

Вот, к примеру, список таких лиц: 20 октября 1874 года подал заявку американский гражданин Оскар Смит, 3 января 1875 года — врач Журавлев, 4 января того же года — врач Пфейфер, 14 января — купец Де-Фриз, 17 января — штабс-капитан начальник гидрографиче-

[28] Владивосток. Сб. документов (1860—1907 гг.), 1960, с. 28—29.

ской части М. А. Клыков, 7 марта — немецкий гражданин Альберт Кунст, затем идут рядовой С. Магунов, коллежский асессор Ботман, капитан-лейтенант К. К. Гриппенберг, поручик Тюлев...[29].

Строительство механических мастерских, дока, адмиралтейства, железных барж, заложенных и оканчивающихся строительством канонерских лодок, ремонт находящихся в строю кораблей, их снабжение, само строительство Владивостока имело одну главную цель: обеспечить базирование Сибирской флотилии в этом порту. В 1873 году навигация началась во Владивостоке 11 апреля. Вскоре сюда прибыли из Японии великий князь Алексей Александрович, пробывший в порту десять суток. На этот раз он отправился в Петербург сухопутным путем, через Уссури, по Амуру и далее — через Сибирь.

В течение навигации все суда и корабли были заняты главным — доставляли оставшееся имущество из Николаевска, снабжали посты на побережье Татарского пролива и Сахалина. Все явственнее ощущался недостаток в топливе. Каменный уголь в Посьете явно не обеспечивал потребности эскадры, новых же месторождений обнаружено не было. Весь заготовленный на зиму каменный уголь в посту Дуэ был быстро использован не только русскими кораблями, но и приходившими во Владивосток кораблями английской и французской эскадр. Поэтому морским судам часто приходилось заходить за топливом в Японию. Было принято решение купить уголь в Нагасаки и доставить его во Владивосток. Что и было сделано на частном пароходе «Курьер», который доставил во Владивосток 350 тонн угля.

Интересно отметить, что в 1873 году Владивосток

[29] ЦГАВМФ, ф. 909, оп. 1, д. 479, лл. 1, 2, 3, 4, 5, 7, 9, 11, 12—15 и др.

посетили английская и французская эскадры под командованием адмиралов Тадвеля и Гарно. Если английская эскадра официально явилась с визитом вежливости и с просьбой запастись каменным углем, то французы сделали это «из любопытства». Французский адмирал просил разрешения поохотиться в окрестностях Владивостока, запастись свежей водой и, если можно, купить быков. Гостей встретили с традиционным морским радушием, извинившись за то, что Владивосток пока еще не в состоянии соблюдать морской этикет — встречать адмиральские корабли иностранных держав условленным числом пушечных выстрелов — салютом.

В отчете Владивостокского порта за 1873 год по корабельной части числятся находящимися в строю или готовыми к спуску в начале навигации 1874 года следующие паровые корабли: винтовой клипер «Абрек», мощностью в 300 л. с., винтовые транспорты «Японец» (300 л. с.) и «Маньчжур» (150 л. с.), колесный пароход «Америка» (140 л. с.), канонерские паровые лодки «Морж» (80 л. с.), «Горностай» (80 л. с.), «Соболь» (80 л. с.), «Нерпа» (60 л. с.), винтовые шхуны «Ермак» (60 л. с.), «Тунгус» (60 л. с.), «Алеут» (40 л. с.) и «Восток» (40 л. с.). Это не считая парусных кораблей, ботов, барж и портовых баркасов[30].

Значительные работы проводились по гидрографическому обеспечению плавания в заливе Петра Великого, в проливе Босфор Восточный, а также вообще по всему побережью Татарского пролива. Возглавлял их в те годы гидрограф М. А. Клыков. Именно ему принадлежит заслуга в разработке и практическом осуществлении навигационного ограждения в заливах, бухтах и проливах залива Петра Великого в виде створных знаков, буев, системы вех, ограждающих наиболее выгодные и удобные, рекомендованные входы в заливы и

[30] ЦГАВМФ, ф. 909, оп. 1, д. 365, лл. 3—4.

подходы к рейдам и, конечно же, в порт Владивосток. В 1874 году вступил в строй действующих маяк Скрыплева, который был построен по проекту и под наблюдением инженера майора Татаринова [31].

В том же 1874 году во Владивостоке представилась возможность наблюдать весьма редкое явление — прохождение планеты Венера через диск Солнца. Сюда прибыл из Петербурга лейтенант Михаил Люцианович Онацевич [32]. Для такой же цели появился во Владивостоке и американский корвет с научной экспедицией на борту. М. Л. Онацевич остался на Дальнем Востоке, сменив здесь работавшего лейтенанта Льва Петровича Елагина, который, в свою очередь, продолжал дело, начатое К. С. Старицким. В 1870—1877 годы Елагину удалось определить 20 астрономических пунктов. Под его руководством производились астрономо-геодезические исследовательские работы в Уссурийском и Амурском заливах. Производил он и гидрологические наблюдения над температурой воды на глубинах, став пионером таких исследований в этих морях.

Все гидрографические работы по ограждению залива Петра Великого продолжались и в последующие годы. Пожалуй, можно к этому добавить еще лишь то, что в 1875 году одновременно проводились гидрографические работы в Охотском и Беринговом морях. Заканчивал в 1875 году свои астрономические работы и К. С. Старицкий, который пользовался корветом «Варяг». Он определил долготу Владивостока.

Именно в 1875 году окончательно решена судьба Владивостока. 30 ноября 1875 года во Владивостоке была образована городская управа [33]. Владивосток стал и портом и городом.

[31] ЦГАВМФ, ф. 909, оп. 1, д. 172, 175, 192; ф. 410, оп. 2, д. 4279, л. 17.

[32] ЦГАВМФ, ф. 909, оп. 1, д. 177, 178.

[33] Владивосток. Сб. документов (1860—1907 гг.), 1960, с. 207.

Заключение

Несколько ранее Шефнера ушел с Дальнего Востока один из его ветеранов Александр Егорович Кроун, сдавший свои высокие обязанности главного командира портов Восточного океана контр-адмиралу Г. Ф. Эрдману согласно приказу от 7 июля 1875 года. Прибыл же он во Владивосток 12 декабря 1875 года. Ему и его штабу предстояло продолжать так удачно начатое дело строительства Владивостока и прочих портов Восточного океана. Мы не ставим своей задачей рассказывать о дальнейшей истории Владивостока и довели ее до 1876 года, то есть до того времени, когда в 1875 году Владивосток стал не только главным портом России на Тихом океане, но и был возведен в ранг города.

Итак, сначала Охотск, затем — Петропавловск, потом — Николаевск-на-Амуре и, наконец, навсегда — Владивосток. Но этим не кончились его административные превращения. «В 1880 году Владивосток был выделен из состава Приморской области в особое Владивостокское губернаторство. В состав Владивостокского губернаторства, кроме порта и города, были включены п-ов Муравьев-Амурский и о. Русский, переданный морскому ведомству. Спустя четыре года, в 1884 году Государственный совет выделил области Дальнего Востока в Приамурское генерал-губернаторство с центром в г. Хабаровске. В 1888 году Владивосток по вопросам управления вновь был включен в состав Приморской области, а 30 августа 1889 года он стал крепостью, которая подчинялась особому коменданту, а последний — командующему войсками Приамурского военного округа» [1].

Но нам не столь важны эти административно-тер-

[1] Крушанов А. И. Указ. соч., с. 40.

риториальные изменения статуса Владивостока. Собственно, этому удивляться не приходится. Административно-территориальное деление даже уже устоявшихся регионов, таких как центральные районы России, и то от времени до времени претерпевали изменения. Что же говорить об окраинных районах государства, в которых часто международная обстановка требовала введения преимущественно военного управления, а внутренняя жизнь, развитие экономики заставляли часто идти на административные реформы.

В данной работе гораздо важнее подчеркнуть то обстоятельство, что выбор Владивостока для порта оказался исключительно удачным. Надо еще раз сказать, что перенос порта из Николаевска во Владивосток совершился на редкость быстро и организованно. Практически в течение двух лет он был завершен. В 1875 году были закончены работы по прокладке подводного внешнего кабеля, соединившего Владивосток с Шанхаем и Нагасаки. В 1861 году его посетило только одно русское торговое судно, в 1871 — 24, а в 1875 — уже 51 судно, в 1890 — 115. К концу 1875 года во Владивостоке было 493 дома, а население города составляло 8837 человек, из которых 3184 были военными.

Долго, очень долго, почти два десятка лет, решался вопрос со строительством во Владивостоке столь необходимого сухого дока. Для небольших судов была изыскана возможность докования еще в первые годы существования Владивостока, когда их вытаскивали на берег, в так называемые эллинги-сараи. Затем был приведен в несколько приемов плавучий док, секции которого также долго собирались, и окончательно док заработал только в 1891 году. В том же 1891 году на территории теперешнего Дальзавода был заложен сухой док, который вступил в строй в 1897 году.

В 1876—1877 годах суда Сибирской флотилии — целая эскадра побывала в США, в Сан-Франциско. В ее

состав входили транспорт «Японец», клипер «Абрек», шхуны «Ермак», «Тунгус» и «Восток»[2]. В том же году во Владивостоке была основана постоянная школа для подготовки кадров мастеровых-кораблестроителей. В 1879 году прибыл первый пароход Добровольного флота «Нижний Новгород», а в 1880 году пароход «Россия» доставил из Кронштадта во Владивосток тысячу солдат.

Положение Владивостока значительно улучшилось после окончания строительства Великой Сибирской железнодорожной магистрали, связавшей его не только теперь уже морем, но и по суше с центральными районами России. Почему-то считают, что первые проекты дороги относятся к 1887 году. Это — не так. Передо мной дело, озаглавленное следующим образом: «О проложении рельсового пути между Владивостоком и бассейном реки Амура со станциею Буссе на реке Уссури». Датировано это дело 1878 годом.

Министр путей сообщения К. Н. Посьет (тот самый, который плавал на Дальнем Востоке и в честь которого назван залив) сообщал управляющему морским министерством С. С. Лесовскому 1 февраля 1878 года, что «граф Муравьев-Амурский в октябре прошлого года препроводил ко мне записку отставного коллежского советника Павла Аносова (того самого геолога, который вел исследовательские работы в крае. — **А. А.**) о необходимости прокладки рельсового пути между Владивостокским портом и бассейном реки Амура, а именно со станциею Буссе на реке Уссури притока Амура», и продолжает цитирование записки.

Павел Аносов в своей записке, датированной 17 января 1878 года, развивая вышесказанное положение о предлагаемой «им Владивостоко-Уссурийской железной дороге, между прочим заявляет о важном значении

[2] ЦГАВМФ, ф. 410, оп. 2, д. 4426.

ее и в деле развития нашего крейсерского флота и вообще в отношении облегчения и удешевления доставки провианта для портов Восточного океана». Далее в деле находится сама записка на 15 листах, в которой с полным знанием дела обосновываются наиболее пригодные места для строительства железнодорожного пути. К записке приложена калька предполагаемой железной дороги. Самое любопытное то, что маршрут, предложенный П. Аносовым, мало отличается от современного [3].

Почти через десять лет, в 1887 году, работы по проектированию железной дороги продолжил инженер-путеец В. С. Шмаков, которому удалось завершить их через два года. Если инициатива П. Н. Аносова не получила почему-то поддержки и была похоронена в министерских кабинетах, то тут дело пошло: в торжественной обстановке 19 мая 1891 года состоялась закладка Уссурийской железной дороги. 2 ноября 1893 года движение было уже открыто между Владивостоком и Никольском-Уссурийским, а в 1897 году вступила в строй вся Уссурийская железная дорога от Владивостока до Хабаровска. В этом же году во Владивостоке был открыт памятник Г. И. Невельскому. Первый памятник вообще — другие появились потом.

Когда бываешь во Владивостоке, то с трудом отыскиваешь места, с которых все начиналось, — исторические места. Как неузнаваемо все, как величественно и красиво. Даже по сравнению с тем годом, когда Владивосток отмечал первое свое столетие и когда затем появился проспект 100-летия Владивостока, сейчас произошло много изменений. Тогда семьдесят тысяч семей вселились в новые квартиры. Ежегодно вводилось по 350—360 тысяч квадратных метров жилья. В пустынной бухте Тихой возник новый микрорайон. Четыре микрорайона выросло тогда на полуострове Голдобина. К традиционным профессиям жителей Владивостока — морской, рыбацкой и кораблестроительной прибавилась прекрасная профессия строителя.

Что же касается морского флота, то в наши дни на Дальнем Востоке работают четыре пароходства, в составе которых сотни современных океанских лайнеров.

Сейчас во Владивостоке базируется самый большой в стране рыболовецкий флот. В городе 58 промышленных предприятий, работа большинства которых связана с морем, Дальневосточный научный центр АН СССР и отраслевые научные институты, девять вузов, тринадцать техникумов. Население превысило шестьсот тысяч человек. Только за десять лет прирост населения составил 110 тысяч человек [4].

Во время поездки по Сибири и Дальнему Востоку Генеральный секретарь ЦК КПСС и Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев обратил особое внимание дальневосточников на бережное отношение к людям, советовал не ослаблять усилий по улучшению бытовых условий жителей Приамурья, Приморья и Владивостока. И это делается повседневно.

При основании Владивостока отмечалось недостаточное количество воды. Теперь проблема снабжения жителей водой решена.

Гостей поражают многоэтажные дома, каскадами спускающиеся с сопок к морю. Горожане по праву гордятся уникальными зданиями кинотеатра «Океан», гостиницы «Владивосток», драмтеатра и цирка, магазина «Дары моря». Прочно вошло в речь слово «микрорайон». Свернешь с въездной магистрали в жилой массив Второй Речки и наглядно убеждаешься в выгодах свободной планировки по сравнению с квартальной заст-

[3] ЦГАВМФ, ф. 410, оп. 2, д. 4445, лл. 1—1об., 3—18.

[4] Нечаюк В. Г. Светлый город на дальнем берегу. «Известия», 1982, 8 апреля.

ройкой старинной части города. Если там за парадным фасадом прячутся дома порой с неоштукатуренной тыльной частью, мало света и зелени, то в новых районах, где Владивосток взбегает на крутосклонные сопки, много простора, света, зелени, великолепные виды на море.

Две замечательные даты отметили жители Владивостока в 1982 году: 60-летие образования СССР и юбилей с момента освобождения Приморья от интервентов и белогвардейцев. Дальневосточники прекрасно помнят слова В. И. Ленина, ставшие крылатыми: «Владивосток далеко, но ведь это город-то нашенский...» Всем советским людям дороги и близки как нужды, так и успехи людей, живущих на дальневосточных рубежах нашей великой Родины.

В книге, подготовленной к юбилею Владивостока, его 125-летию, рассказывается о первых шагах нового города России середины прошлого века. В ней даны портреты его основателей от адмиралов и генералов до матросов и солдат, положивших свой камень в фундамент Владивостока, ставшего для всех нас родным, города, в котором мы сегодня живем и трудимся.

40 коп.